

16+

ISSN 2311-1402

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1(65)/2024

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77 – 80105
от 31.12.2020.

Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 79658
от 27.11.2020.

Подписной индекс АО «Почта России» ПП617

Периодичность издания: 4 раза в год / ежеквартально
Язык издания: русский, английский

Индексируется и размещается: CrossRef,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks,
ЭБС «Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB,
Google Академия, Information Matrix for the Analysis
of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index
(OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN),
Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466)
44-39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Главный редактор: Горлов С. И. (г. Нижневартовск, Россия)

Зам. гл. редактора: Погонишев Д. А. (г. Нижневартовск, Россия)

Отв. редактор: Цысь В. В. (г. Нижневартовск, Россия)

Редакционная коллегия:

Аикин В. А. (г. Омск, Россия)

Войтенко А. А. (г. Москва, Россия)

Гбоко С. К. (г. Буаке, Кот-д'Ивуар)

Горшков-Кантакузен В. А. (г. Мидлсекс, Великобритания)

Дайнеко Н. М. (г. Гомель, Беларусь)

Ибрагимова Л.А. (г. Нижневартовск, Россия)

Еманов А. Г. (г. Тюмень, Россия)

Казанский М. М. (г. Париж, Франция)

Кулагин А. Ю. (г. Уфа, Россия)

Лубышева Л. И., (г. Москва, Россия)

Маймерова Г. Ш. (г. Бишкек, Кыргызстан)

Медведев С. С. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нурбеков Б. Ж. (г. Нур-Султан, Казахстан)

Овечкина Е.С. (г. Нижневартовск, Россия)

Синяевский Н. И. (г. Сургут, Россия)

Суртаева Н. Н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Талыбов Т. Г. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Фатуллаев П. У. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Солодкин Я. Г. (г. Нижневартовск, Россия)

16 +

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Издатель: ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет», Россия, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
Исполнитель: Издательство НВГУ, Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР №020742. Подписано в печать 15.02.2024
Дата выхода 20.03.2024
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12,62.
Тираж 300 экз. Заказ 2275 Цена: бесплатно

Яковлева А.М. редактор
Погонишев Д.А. выпускающий редактор
Вилиев Д.В. тех. редактор, верстка оригинал-макета

© Нижневартковский государственный университет, 2024

BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY

Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

*Included in the List of peer-reviewed scientific publications,
approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015*

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-80105 on 31.12.2020.

Registration certificate EL number FS77-79658 on 31.12.2020.

Subscription index in the JSC "Russian post"- PP617.

Quarterly

Language of publication: Russian, English

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56.
tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area-Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51,
e-mail: izd@nvsu.ru

Editor-in-Chief: *S. I. Gorlov* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *D. A. Pogonysh* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *V. V. Tsys* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

V. A. Aikin (Omsk, Russia)

A. A. Voitenko (Moscow, Russia)

S.K. Gboko (Bouake, Côte d'Ivoire)

V.A. Gorshkov-Kantakuzen (Middlesex, UK)

N. M. Daineko (Gomel, Belarus)

L. A. Ibragimova (Nizhnevartovsk, Russia)

A. G. Emanov (Tyumen, Russia)

M. M. Kazansky (Paris, France)

A. Yu. Kulagin (Ufa, Russia)

L. I. Lubysheva (Moscow, Russia)

G. Sh. Maymerova (Bishkek, Kyrgyzstan)

S. S. Medvedev (St. Petersburg, Russia)

B. Zh. Nurbekov (Nur-Sultan, Kazakhstan)

E.S. Ovechkina (Nizhnevartovsk, Russia)

N. I. Sinyavsky (Surgut, Russia)

N. N. Surtaeva (St. Petersburg, Russia)

T. G. Talibov (Nakhchivan, Azerbaijan)

P. U. Fatullayev (Nakhchivan, Azerbaijan)

Ya. G. Solodkin (Nizhnevartovsk, Russia)

16+

Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402 (Print)

ISSN 2686-8784 (Online)

Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 15.02.2024
Release date 20.03.2024
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 12,62.
Circulation 300 copies. Order 2275. Free

A.M. Yakovleva editor

D.A. Pogonysh commissioning editor

D.V. Vilyavin technical editor design, publication layout

© Nizhnevartovsk State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лештаев Д.В.</i> «...Желая принять надлежащие меры предосторожности... и сохранить честь и доброе имя названного города»: проблема санитарного состояния Лондона XIV в. и попытки ее решения 4	4
<i>Вяткина Д.С.</i> Английская карикатура как средство формирования и отражения «образа врага» в эпоху наполеоновских войн13	13
<i>Пузанов В.Д.</i> Командиры сибирского корпуса в 1777–1789 гг. генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов26	26
<i>Ершов М.Ф.</i> Межэтнические контакты в Югре и рождественские рассказы рубежа XIX–XX вв.38	38
<i>Задорожная О.А.</i> Организация пассажироперевозок в Обь-Иртышском водном бассейне (конец XIX – начало XX вв.)47	47
<i>Алексеева Л.В.</i> О некоторых аспектах здравоохранения и социокультурной сферы Югры в экстремальных условиях войны62	62
<i>Билль М.В.</i> О некоторых аспектах деятельности государственного арбитража СССР в период 1946–1953 гг.84	84
<i>Веселов С.И.</i> Советские практики финансирования эксплуатации автомобильных дорог Тюменского севера: между региональным лоббизмом и ведомственным волонтеризмом100	100
<i>Цысь В.В.</i> Трудовые армии как форма организованного труда в период строительства советской политической и экономической системы: от теории к реализации утопии на практике113	113
<i>Кольцов П.М., Батыров В.В., Умгаев С.А.</i> Современная этническая идентичность калмыцкого этноса: влияние материальной культуры и ритуальных практик124	124

CONTENT

<i>D.V. Leshtaev</i> «...Wishing to Take Due Precaution... and to Preserve the Honour and Decency of the Same City»: the Problem of the Sanitary Condition of 14th Century London and Attempts to Solve it4	4
<i>D.S. Viatkina</i> English Caricature as a Means of Forming and Reflection of the “Image Of The Enemy” in the Epoch of the Napoleonic Wars13	13
<i>V.D. Puzanov</i> Commanders of the Siberian Corps in 1777–1789 Generals N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov26	26
<i>M.F. Ershov</i> Interethnic Contacts in Yugra and Christmas Stories of the Turn of the 19th – 20th Centuries38	38
<i>O.A. Zadorozhnyaya</i> Organization of Passenger Transportation in the Ob-Irtysh Water Basin (End of XIX – Early XX Centuries)47	47
<i>L.V. Alekseeva</i> About Some Aspects of Public Health Care and Socio-Cultural Sphere of Yugra in Extreme Conditions of the War62	62
<i>M.V. Bill</i> On Some Aspects of the Activity of the Ussr State Arbitration in 1946–195384	84
<i>S.I. Veselov</i> Soviet Practices of Financing the Operation of Highways in the Tyumen North: Between Regional Lobbying and Departmental Voluntarism100	100
<i>V.V. Tsys</i> Labour Armies as a Form of Organized Labour During the Making of the Soviet Political and Economic Systems: From the Theory to Putting the Utopia Into Practice113	113
<i>P.M. Koltsov, V.V. Batyrov, S.A. Umgaev</i> The Modern Ethnic Identity of the Kalmyk Ethnic Group: the Influence of Material Culture and Ritual Practices124	124

«...ЖЕЛАЯ ПРИНЯТЬ НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ... И СОХРАНИТЬ ЧЕСТЬ И ДОБРОЕ ИМЯ НАЗВАННОГО ГОРОДА»: ПРОБЛЕМА САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ ЛОНДОНА XIV В. И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

D.V. Leshtaev

«...WISHING TO TAKE DUE PRECAUTION... AND TO PRESERVE THE HONOUR AND DECENCY OF THE SAME CITY»: THE PROBLEM OF THE SANITARY CONDITION OF 14TH CENTURY LONDON AND ATTEMPTS TO SOLVE IT

Аннотация. В статье рассматривается проблема ненадлежащего санитарного состояния английской столицы в XIV в. и попытки её решения, предпринимавшиеся официальными властями – королевской и муниципальной – в т. ч. на фоне эпидемии чумы. Основываясь на обращённых к лондонскому магистрату монарших распоряжениях и данных исследовательской литературы, автор выделяет и характеризует основные шаги коронной и городской администраций, направленные на исправление ситуации, рассматривая, в частности, историю создания двух новых кладбищ: Ист- и Вест-Смитфилдского и некоторые сопряжённые с ней спорные моменты, например, вопросы авторства проекта, его реализации и степени участия центральной власти. Также приводятся оценки численности и половозрастного состава захороненных здесь жертв «Чёрной смерти». В результате проделанной работы автор приходит к выводу, что, несмотря на очевидную значимость, вопрос запущенности санитарного состояния Лондона не получил комплексного решения в рассматриваемое столетие, поскольку приобретал актуальный характер лишь в случае достижения критически опасного уровня, когда в силу объективных причин не мог более игнорироваться. Этим же была обусловлена невозможность перерастания тех немногих предпринимавшихся мер в полноценную государственную политику. Вместе с тем, необходимость перемен в области муниципальной гигиены, обостряемая ситуацией эпидемии, способствовала активизации общественной инициативы, поддерживаемой либо непосредственно направляемой монархом. Таким образом, был придан новый импульс диалогу королевской и муниципальной властей в деле выработки и проведения единой санитарной политики. Помимо этого, обращение к рассматриваемой теме имеет важное практическое значение для реконструкции

Abstract. The article examines the problem of inadequate sanitary condition of the English capital in the 14th century and the attempts taken by official authorities – royal and municipal – to solve it, incl. against the backdrop of a plague epidemic. Based on the royal orders addressed to the London magistrate and the data from research literature, the author identifies and characterizes the main steps of the Crown and City administrations aimed at correcting the situation, considering, in particular, the history of the creation of two new cemeteries: East and West Smithfield and some controversial issues associated with it, for example, the problem of the authorship of the project, its implementation and the degree of the government's participation in that. Estimates of the number, age and gender composition of the victims of the Black Death buried here are also provided. The results of the investigation lead the author to the conclusion that, despite its obvious significance, the issue of the neglected sanitary condition of London did not receive a comprehensive solution in the century under review, since it became relevant only if a critical level risked being reached, when, due to objective reasons, it could no longer be ignored. This also determined the impossibility of developing those few measures taken into a full-fledged state policy. At the same time, the need for changes in the field of municipal hygiene, aggravated by the epidemic, contributed to the intensification of public initiative, supported or directed by the monarch. Thus, a new impetus was given to the dialogue between the royal and municipal authorities in the development and implementation of a unified sanitation policy.

картины повседневной жизни средневекового города в условиях чрезвычайной ситуации и его подготовленности к подобного рода испытаниям, позволяя уточнить масштабы эпидемии «Чёрной смерти» в Лондоне.

Ключевые слова: Лондон, санитарная политика; Эдуард III, «Чёрная смерть»; Ист-Смитфилдское кладбище; Вест-Смитфилдское кладбище; кладбище Госпиталя Св. Марии.

Сведения об авторе: Лештаев Дмитрий Валерьевич, ORCID: 0000-0003-4435-4102, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, d-Leshtaev@mail.ru

In addition, addressing the topic under consideration is of great practical importance for reconstructing the picture of the daily life of a medieval city in an emergency and its preparedness for such trials making it possible to clarify the scale of the Black Death in London.

Keywords: London, sanitation policy; Edward III, Black Death, East Smithfield Plague Cemetery; West Smithfield Plague Cemetery; St. Mary Spital Cemetery.

About the author: Dmitry V. Leshtaev, ORCID: 0000-0003-4435-4102, Saratov State University, Saratov, Russia, d-Leshtaev@mail.ru

Лештаев Д.В. «...Желая принять надлежащие меры предосторожности... и сохранить честь и доброе имя названного города»: проблема санитарного состояния Лондона XIV в. и попытки ее решения // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/01>

Leshtaev, D.V. (2024). «...Wishing to Take Due Precaution... and to Preserve the Honour and Decency of the Same City»: the Problem of the Sanitary Condition of 14th Century London and Attempts to Solve it. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/01>

Хорошо известно, что именно вторая пандемия чумы (1347–1351) заставила власти средневековых городов обратить внимание на такие стороны их жизни, как поддержание должного уровня чистоты и забота об общественном здравоохранении. Не стала исключением и английская столица, имевшая к 1348 г. как опыт столкновения с инфекционными заболеваниями, в т. ч. и чумой (первая её вспышка датируется VII в.) [1, с. 235], так и навыки борьбы с антисанитарией, выступавшей в средневековой Европе одним из главных «союзников» любой эпидемии. Тем интереснее, что в случае Лондона инициатором проведения необходимых гигиенических мероприятий зачастую выступала не муниципальная, а королевская власть. Причиной тому, вероятнее всего, была особая модель взаимоотношений между короной и городской администрацией, определяемая статусом Лондона как столичного центра и королевского города. Потому не удивительно, что монаршие прокламации, как правило, начинались с приветствия мэра и шерифов «нашего города Лондона» [17, р. 295], а распоряжения лондонских олдерменов издавались от имени короля (*on the King's behalf*).

Наглядным примером такого сотрудничества, в т. ч. и в сфере санитарии, послужат два документа конца XIII в., свидетельствующие, что и до печально известной «Чёрной смерти» вопрос о ненадлежащем санитарном состоянии Лондона поднимался неоднократно. В частности, в «Правилах ношения мехов и расчистки улиц» 1281 г., предписывавших в срок к «следующему понедельнику» избавить городские улицы от возведённых на них торговых прилавков и строительного мусора, а также отловить и умертвить обживших столицу свиней [15, р. 20]. Схожий пункт содержался и в «Правилах

поддержания безопасности на улицах» 1297 г., от имени Эдуарда I (1272–1307) и его сына требовавших очистить Лондон от нечистот к вечерне «следующей пятницы», а также обязывавший горожан поддерживать в чистоте фасады своих жилищ. Устанавливалась и норма ответственности – нарушителей ожидал штраф в полмарки [16, р. 34].

В том же русле ситуация развивалась и в XIV в. Издавая в 1309 г. «Прокламацию об очистке улиц города» и вновь выражая своё крайнее недовольство сложившейся в столице санитарной ситуацией, Эдуард II (1307–1327) констатировал, что лондонцы позволяют себе «выносить и выбрасывать на улицах и в переулках города собранные в их домах отбросы» (некоторые складировали отходы у порога собственного дома, наиболее «предприимчивые» – сметали к соседскому) [13, р. 67]. Любопытно, что при этом документ не содержал каких-либо конкретных предписаний относительно утилизации, однако рекомендовал «выносить их к Темзе или в другое место за городом» [13, р. 67], тем самым лишь способствуя дальнейшему ухудшению санитарной ситуации.

Но не только улицы и переулки становились местами скопления всевозможных отходов жизнедеятельности. Очевидно, особое раздражение Эдуарда II вызывало появление нечистот на королевских дорогах, о чём также упоминается в прокламации [13, р. 67]. Тем не менее, несмотря на достаточно суровый её тон, каких-либо кардинальных мер для борьбы с антисанитарией предпринято не было, хотя олдерменам и поручалось следить за чистотой вверенных приходов. Нарушителей же наказывали штрафом в 40 пенсов, возраставшим на полмарки всякий раз, как их уличали вновь [13, р. 67-68].

Очевидная недостаточность этих мер ярко проявилась уже в правление Эдуарда III (1327–1377), также неоднократно издававшего указы, обязывавшие олдерменов вычистить улицы города. Известно о четырёх таких монарших постановлениях (по одному в 1349 и 1361 гг., два в 1357 г.) [10, р. 215; 14, р. 298-300; 17, р. 295-296]. Одно из них, от 29 августа 1357 г., свидетельствует, что и во второй половине XIV в. среди острейших проблем английской столицы оставались «навоз, помои и другая грязь, скопившиеся в разных местах в городе и на берегу реки» (Темзы. – *прим.*), а также «чад и другие отвратительные запахи» [17, р. 295]. Только в этом случае положение усугублялось и продолжавшимися в стране периодическими вспышками чумы. Ею же, вероятно, была вызвана и категоричность формулировок: в отличие от отца, Эдуард III уже *требовал* от муниципальных властей вычистить город и замусоренные берега Темзы, а также подвергнуть нарушителей «такому наказанию, чтобы за совершение подобного оно вызвало страх и ужас у других...» [17, р. 296].

Как было замечено выше, фактор «Чёрной смерти» дал определённый импульс развитию системы муниципальной санитарии. Однако на начальном этапе любые мероприятия в этой области продолжали носить разовый характер, становясь ответом на конкретный вызов. Одним из них стали и высокие потери среди столичного населения, составлявшего, по современным подсчётам, до 80–100 тыс. человек к середине столетия [4, с. 48; 5, с. 31; 6, р. 396]. Необходимость противодействия распространению мора

актуализировала проблему организации похоронных мероприятий, сбора и ингумации тел погибших. Изначально использовались уже имевшиеся места погребений, например, при церквях, однако по мере роста числа умерших их возможности были исчерпаны: источники отмечают случаи захоронений в «неподобающих местах», а также сбрасывания тел в реку [7, р. 240; 8, р. 98; 10, р. 215]. Тогда, очевидно, и было принято решение основать в столице новое кладбище. Выбор муниципалитета пал на район Смитфилда, на западе современного Лондонского Сити. Впрочем, как позволяют судить некоторые косвенные данные, в этом деле могла принимать участие и королевская власть.

Впервые о здешнем «могильнике» упоминает ещё английский хронист и современник чумы Роберт из Эйвсбери [18, р. 65], однако вернее было бы говорить о двух отдельных кладбищах – Восточном и Западном. Место под них было отобрано не случайно: здесь располагался заброшенный карьер, носивший, судя по некоторым источникам, характерное название «ничья земля» [8, р. 99; 9; 11, р. 218;]. По словам П. Акройда, общая площадь приобретённого под захоронения участка составляла 5,2 га (52 тыс. м²), но, принимая во внимание данные Дж.П. Бирна о том, что впоследствии только Вест-Смитфилд был расширен до 13 акров (52 609,18 м²), возможно, речь идёт лишь об одном из кладбищ [2, р. 359; 8, р. 99]. В то же время Б. Корбетт пишет об относительно небольших (по сравнению с указанными) масштабах Ист-Смитфилда, достигавшего 2 га (20 тыс. м²) [9].

Она же полагает, что инициатива открытия кладбищ исходила непосредственно от короля, в пользу чего призван свидетельствовать высокий статус их основателей. В 1348 г. возникло Вест-Смитфилдское кладбище, создателем которого Б. Корбетт называет сэра Уолтера Мэнни, английского барона фламандского происхождения, одного из доверенных лиц Эдуарда III [9]. Вместе с тем, Дж.П. Бирн, приводя цитату из неназванного источника (возможно, монастырской хроники), утверждает, что Мэнни лишь расширил изначальную площадь кладбища, в то время как его действительным основателем являлся епископ Лондонский Ральф Стратфорд, приобретший в указанный год участок «ничьей земли», обнесший его забором и поставивший там часовню [8, р. 99]. Схожей позиции придерживается К.М. Бэррон, заявляющая о факте сотрудничества: сначала епископ выкупил 3 акра земли «за пределами Олдерсгейта», а затем барон присовокупил к ним соседний, больший по площади участок, приобретённый у Госпиталя Св. Варфоломея (его же она называет инициатором возведения часовни) [7, р. 240]. Впрочем, Б. Корбетт также упоминает столичного церковного иерарха, но говорит, что он лишь освятил уготованную для мёртвых землю [9]. Далее идёт А. Брайант, пишущий об участках Мэнни и Стратфорда как о двух разных кладбищах [3, с. 341]. Так или иначе, спустя несколько десятилетий, в 1371 г., на месте бывшего могильника был основан картезианский монастырь Чартерхаус, просуществовавший вплоть до времён Английской Реформации.

Чуть меньшими спорами окружена история появления Ист-Смитфилда. Все три упомянутых выше исследователя признают его основателем некоего Джона Кэри, правда,

сходятся во мнениях относительно рода его занятий: Б. Корбетт именует его «королевским слугой» (*royal servant*) и уверяет, что он действовал по прямому приказу монарха [9]. Дж.П. Бирн сначала называет «священником» (*clergyman*), а затем – «агентом» (*agent*) Эдуарда Чёрного Принца [8, р. 99; 11, р. 218], из чего можно сделать вывод, что Джон был капелланом наследника престола и действовал с его ведома. К.М. Бэррон также нарекает его «клириком» (*clerk*) и уверяет, что он руководствовался личной инициативой, поощряемый группой влиятельных горожан [7, р. 240].

Располагавшийся восточнее Тауэра участок земли был выкуплен им у приора Церкви Св. Троицы и освящён столичным епископом 12 апреля 1349 г. [7, р. 240; 11, р. 218]. В тот же год его обнесли стеной для защиты от падальщиков и воздвигли часовню [8, р. 99; 11, р. 218]. В 1350 г. Эдуард III передал её во владение цистерцианскому аббатству Милостивой Девы Марии в благодарность высшим силам за одержанную морскую победу при Слэйсе [6, р. 433]. Позднее на этом месте расположился Королевский монетный двор.

Всё тот же Роберт из Эйвсбери писал, что в одной чумной могиле могли одновременно хоронить от 20 до 60 человек [18, р. 64]. Правоту его слов подтвердили данные археологических раскопок, проводившихся на обоих кладбищах с середины 1980-х гг. Они представляли собой обширный комплекс групповых и индивидуальных захоронений, вмещавших в общей сложности 12 400 человек [10, р. 215]. В частности, в результате организованных в 1986–1988 гг. работ на Ист-Смитфилде были обнаружены две траншеи шириной 2 м, длиной 125 и 67 м и глубиной 0,75 и 1,25 м соответственно; в первой найдены останки 102, во второй – 242 человек [11, р. 218].

Умершие складировались аккуратными рядами, при этом глубина отдельных могил могла достигать 5 человеческих тел [11, р. 218; 15]. Для большей экономии места детские трупы умещались в проёмах между взрослыми [11, р. 218]. Около 10% погребённых были захоронены в деревянных гробах, 402 человека – в общих могилах [9; 11, р. 218]. Часть тел и гробов была обмазана древесным углём, что, по предположению археологов, делалось для борьбы со зловонием и выделявшимся организмом жидкостями [9; 11, р. 218]. 70% захороненных составляли взрослые, 30% – несовершеннолетние, в т. ч. дети от 5 лет [9]. Соотношение мужчин и женщин равнялось 1,8:1, большинство мужчин скончалось в возрасте до 35 лет [9; 11, р. 218].

Общее количество погребений в Ист-Смитфилде оценивается в 2 400 [11, р. 218]. В результате раскопок 2017 г. были обнаружены две группы захоронений – на западной и восточной сторонах кладбища, насчитывающие 558 и 192 тела соответственно [9]. На то, что это именно жертвы чумы, указывает обнаруженная в останках бактерия *Yersinia pestis* [9], та самая палочка, переносчиками которой становились крысы и обитавшие на них блохи.

К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о числе захороненных в Вест-Смитфилде. Так, К. Бэррон, отсылая читателя к выбитой на одном из могильных крестов латинской надписи, зафиксированной в «Лондонских описях» Ральфа Тресвелла

(английского картографа и топографа XVI–XVII вв.), утверждает, что здесь было захоронено 50 тыс. человек, хотя позднейшие записи монастыря Чартерхаус свидетельствуют о 60 тыс. [7, р. 239, footnote 9]. Дж.П. Бирн указывает, что к 2001 г. здесь удалось обнаружить останки 11 тыс. человек [8, р. 99], однако он ошибочно отождествляет Вест-Смитфилдское кладбище с основанным в 1150 г. кладбищем Госпиталя Св. Марии (возникшим даже прежде самой больницы), которое не использовалось для захоронения чумных больных. Общее число погребённых здесь действительно приближается к указанной цифре (10 516), однако наличествующие братские могилы, в которых лежат в общей сложности 4 тыс. тел, появились задолго до прихода «Чёрной смерти», ещё в первой половине XIII в. [12].

Таким образом, и в XIV в. проблема санитарного состояния Лондона не получила комплексного решения. Спорадически возникавшие залежи отходов, хотя и вызывали раздражение властей, но не становились причиной долгосрочных перемен в этой сфере, удовлетворявшейся многократным переизданием требований очистки улиц города. Эпидемия чумы, ставшая катализатором более масштабных мероприятий, в краткосрочной перспективе также не привела к серьёзным изменениям. Тем не менее, именно она послужила причиной для дальнейшей активизации диалога между королевской и муниципальной властями, развития общественной инициативы. При возможном участии доверенных лиц монарха в столице были основаны два новых кладбища, раскопки на которых позволили уточнить наши представления о масштабах эпидемии в городе, численности и половозрастном составе её жертв. И хотя и эта сторона повседневной жизни Лондона ожидаемо не лишена белых пятен, даже в таком виде она в состоянии существенно дополнить полотно наших суждений о времени Великого мора.

Литература

1. Акرويد П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2009. 896 с.
2. Акرويد П. Основание: От самых начал до эпохи Тюдоров / пер. с англ. В.В. Краснянской. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 624 с.
3. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии / пер. с англ. Т.В. Ковалевой, М.Г. Муравьевой. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 576 с.
4. Дженкинс С. Краткая история Лондона / пер. с англ. Д.В. Борока. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
5. Клаут Х. История Лондона / пер. с фр. Е.Д. Мурашкинцевой. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. 160 с.
6. Barron C.M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Cambridge University Press, 2008. Vol. 1. 600–1540. P. 395–440.

7. Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford: Oxford University Press, 2004. 472 p.
8. Byrne J.P. Daily Life during the Black Death. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 2006. 326 p.
9. Corbett B. East Smithfield // Medieval London. <https://clck.ru/38aDEm>
10. London, England // Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-Clio, 2012. P. 215-216.
11. London's East Smithfield Cemetery // Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-Clio, 2012. P. 218.
12. Milohnić J. St. Mary Spital Cemetery // Medieval London. <https://clck.ru/38aDFe>
13. Proclamation as to cleansing the streets of the City // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 67-68.
14. Proclamation for the preservation of order and cleanliness in the City; and for the regulation of the Poultry-market at Ledenhalle // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 298-300.
15. Regulation as to wearing Furs, and clearing the Streets // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 20.
16. Regulations for the safe-keeping of the Streets // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 34-35.
17. Royal order for cleansing the streets of the City, and the banks of the Thames // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 295-296.
18. The plague in the British Isles // The Black Death / transl. and ed. by R. Horrox. Manchester; New York: Manchester University Press, 1994. P. 62-92.

References

1. Akrojd, P. (2009). London: Biografiya / per. s angl. V. Babkova, L. Moty`leva. M.: Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj, 896 s. (in Russ.).
2. Akrojd, P. (2020). Osnovanie: Ot samy`x nachal do e`poxi Tyudorov / per. s angl. V.V. Krasnyanskoj. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 624 s. (in Russ.).

3. Brajant, A. (2001) E`poxa ry`czarstva v istorii Anglii / per. s angl. T.V. Kovalevoj, M.G. Murav`evoj. SPb.: Izdatel'skaya gruppа «Evraziya», 576 s. (in Russ.).
4. Dzhenkins, S. (2021) Kratkaya istoriya Londona / per. s angl. D.V. Boroka. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 480 s. (in Russ.).
5. Klaut, X. (2012). Istoriya Londona / per. s fr. E.D. Murashkincevoj. M.: Izdatel'stvo «Ves` Mir», 160 s. (in Russ.).
6. Barron, C.M. (2000). London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Cambridge University Press, Vol. 1. 600-1540. P. 395-440.
7. Barron, C.M. (2004). London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford: Oxford University Press, 472 p.
8. Byrne, J.P. (2006). Daily Life during the Black Death. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 326 p.
9. Corbett, B. East Smithfield // Medieval London. <https://clck.ru/38aDEm>
10. London, England // Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-Clio, 2012. P. 215-216.
11. London's East Smithfield Cemetery // Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-Clio, 2012. P. 218.
12. Milohnić J. St. Mary Spital Cemetery // Medieval London. <https://clck.ru/38aDFe>
13. Proclamation as to cleansing the streets of the City // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 67-68.
14. Proclamation for the preservation of order and cleanliness in the City; and for the regulation of the Poultry-market at Ledenhalle // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 298-300.
15. Regulation as to wearing Furs, and clearing the Streets // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 20.
16. Regulations for the safe-keeping of the Streets // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 34-35.
17. Royal order for cleansing the streets of the City, and the banks of the Thames // Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries. being a series

of extracts, local, social and political, from the Early Archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H.T. Riley. London: Longmans, Green, and Co, 1868. P. 295-296.

18. The plague in the British Isles // The Black Death / transl. and ed. by R. Horrox. Manchester; New York: Manchester University Press, 1994. P. 62-92.

дата поступления: 28.11.2023

дата принятия: 04.12.2023

© Лештаев Д.В., 2024

УДК 94(41/99)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/02>

Вяткина Д.С.

АНГЛИЙСКАЯ КАРИКАТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

D.S. Viatkina

ENGLISH CARICATURE AS A MEANS OF FORMING AND REFLECTION OF THE “IMAGE OF THE ENEMY” IN THE EPOCH OF THE NAPOLEONIC WARS

Аннотация. Статья посвящена актуальной в научном и общественно-политическом пространстве проблеме, связанной с формированием образа «врага». Данный вопрос рассматривается на примере английской карикатуры в эпоху наполеоновских войн. Карикатура до сих пор активно применяется в информационном пространстве, что делает ее важной частью политического дискурса. С момента своего появления и до сегодняшнего дня карикатура была эффективным механизмом отражения образа «другого» и образа «врага». Английским карикатуристам удалось создать определенное представление о самых популярных эпизодах и личностях наполеоновских войн и о бытовавших в то время образах и стереотипах. Самыми яркими из них были образы «кровожадных санкюлотов» во главе с «корсиканским чудовищем» в лице Наполеона. Зарубежные события воспринимались карикатуристами через призму английских интересов. Именно поэтому основное внимание в этих изображениях уделялось Франции, как одному из главных противников. Автор статьи на основе карикатур одного из самых известных карикатуристов «золотого века» Дж. Гилрея и его учеников, приходит к выводу о том, что наследие английской сатирической графики середины XVIII – начала XIX в. – яркий образец формирования образа «врага». Благодаря анализу карикатур были выделены основные компоненты образа не только французского императора, но и его Великой армии. Был сделан вывод о том, что эти компоненты прочно закрепились в виде стереотипов не только в британском сознании, но и в европейском, и продолжают существовать до сих пор.

Ключевые слова: эпоха наполеоновских войн; английская политическая карикатура, историческая память; образ врага; история Великобритании

Сведения об авторе: Вяткина Дарья Сергеевна, ORCID: 0009-0002-5624-7312, Уральский

Abstract. The article is devoted to the topical problem in the scientific and socio-political space associated with the formation of the image of the “enemy”. This issue is considered on the example of the English caricature in the era of the Napoleonic wars. Caricature is still actively used in the information space, which makes it an important part of political discourse. From its inception to the present day, caricature has been an effective mechanism for reflecting the image of the “other” and the image of the “enemy”. English cartoonists managed to create a certain idea about the most popular episodes and personalities of the Napoleonic wars and about the images and stereotypes that existed at that time. The most striking of them were the images of “bloodthirsty sans-culottes” led by the “Corsican monster” in the person of Napoleon. Foreign events were perceived by cartoonists through the prism of British interests. That is why the main attention in these images was given to France, as one of the main opponents. The author of the article, based on the caricatures of one of the most famous cartoonists of the “golden age” J. Gillray and his students, comes to the conclusion that the legacy of English satirical graphics of the mid-18th – early 19th centuries. – a vivid example of the formation of the image of the “enemy”. Thanks to the analysis of the cartoons, the main components of the image of not only the French emperor, but also his Great Army were identified. It was concluded that these components were firmly entrenched in the form of stereotypes not only in the British consciousness, but also in the European one, and continue to exist to this day.

Keywords: era of the Napoleonic wars, English political cartoon; historical memory; image of the enemy; history of Great Britain.

About the author: Daria S. Vyatkina, ORCID: 0009 0002 5624 7312, Ural State Pedagogical

государственный педагогический университет; г. Екатеринбург, Россия, andrdarya@yandex.ru University, Yekaterinburg, Russia, andrdarya@yandex.ru

Вяткина Д.С. Английская карикатура как средство формирования и отражения «образа врага» в эпоху наполеоновских войн // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/02>

Viatkina, D.S. (2024). English Caricature as a Means of Forming and Reflection of the "Image Of The Enemy" in the Epoch of the Napoleonic Wars. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/02>

В последние десятилетия все больший общественный и научный интерес в исторической науке вызывают проблемы формирования и трансформации исторической памяти. Об этом свидетельствуют как многочисленные зарубежные исследования по проблемам исторической памяти, так и регулярное издание этих работ на русском языке начиная с конца 1990-х по 2000-е гг. О неослабевающем внимании к данной проблематике свидетельствуют также и оригинальные исследования современных российских ученых [1; 3; 8], в том числе проблематика диссертационных работ [2; 7].

Историческая память выражается в историческом опыте, знаниях, идеях, верованиях, переходящих от поколения к поколению. Они оказывают большое влияние на социальное мировоззрение. Одним из эффективных методов трансляции исторической памяти служит изобразительное искусство в виде творческих работ выдающихся карикатуристов. Карикатуристы смогли визуализировать общепринятые стереотипы в такие образы, как образ «врага», образ «чужого», образ иностранца. Образы «другого» стали уже традиционным предметом исследований исторической памяти, а также исторической имагологии [4; 6]. Карикатурные изображения можно, с отдельными уточнениями, воспринимать как отражение взглядов общества на какие-либо исторические события. Такое понимание карикатур позволяет исследователю составить более сложную картину изучаемой исторической реальности. Необходимо понимать и то, что нейтрально окрашенный образ «другого» в карикатуре нередко приравнивался к негативному образу «врага».

Ярким примером такого перехода к более отрицательному восприятию является английская политическая карикатура начала XIX в. На фоне героических образов британцев, например, внушительного Джона Булля, ярко выделялись «другие» – враждебные и искаженные образы французов. Особое внимание художников привлекал французский император Наполеон – кровожадный карлик с маниакальным взглядом и в огромной шляпе.

Работы карикатуриста Дж. Гилрея – основоположника политической карикатуры в Англии – и его учеников дают возможность проследить, какими художественными средствами, с помощью каких приемов формировался образ «врага» в эпоху наполеоновских войн.

Мода и политика всегда шли рука об руку. Внешний облик часто являлся выражением политических воззрений. Этим активно пользовались художники-карикатуристы, демонстрируя через внешний вид изображаемого персонажа противостояние республиканской Франции и монархической Великобритании. В карикатуре «Французский портной примеряет на Джона Булля Жан де Бри» особое внимание привлекает образ портного: француз – чудовище-обезьяна во фригийском колпаке – пытается «втиснуть» коренастого Джона Булля в тесный, но модный в тот период времени, сюртук Жан де Бри¹, и гессенские сапоги (рис. 1) [13]. Этот костюм, столь любезно предложенный Джону Буллю, олицетворяет новые французские порядки, а республиканская кокарда подчеркивает идеологию, навязываемую «другим». Однако французская свобода узковата для англичан. Француз в данной карикатуре представлен традиционно: это высокий и худощавый модник с обезьяноподобными чертами лица, увешанный множеством символов, олицетворяющих борьбу за французскую «свободу».

Рис. 1. «Французский портной примеряет на Джона Булля Жан де Бри», Дж. Гилрей (1799)

Таким образом, в период идеологического и военного противостояния с революционной Францией офранцузенные британские модники в глазах многих превращались в опасных вольнодумцев, носителей чуждой идеологии. Это не могло не найти отражение в злободневной карикатуре.

¹ Сюртук имел рукав-фонарик и зауженую талию и был назван в честь французского революционного деятеля Жана де Бри (1760–1834 гг.), в свое время занимавшего пост президента Национального конвента Первой Французской республики. В 1799 г. на Жана де Бри было совершено покушение, в результате которого погибли два его товарища, но сам он остался жив. Часть общественности предполагала, что де Бри избежал гибели благодаря своей плотной одежде, однако были и те, кто считал де Бри предателем. По задумке Дж. Гилрея на вторую версию намекает парик на Джоне Булле, известный как «парик Брута».

Одной из самых популярных тем политической карикатуры Дж. Гилрея в конце XVIII в. была Французская революция. Так в карикатуре «Буонапарте, завершающий фарс Egalité» Наполеон со своими гренадерами штыками вытесняет членов Совета пятисот из оранжереи в Сен-Клу (рис. 2) [11]. На барабане, который держит в руках один из солдат, зритель мог прочесть надпись: «Да здравствует свобода!», а на бумагах под ногами написано: «Отставка директората» и «Список членов Совета 500». Карикатура стала иллюстрацией британского взгляда на государственный переворот во Франции, состоявшийся 18 брюмера, в результате которого Директория лишилась власти, представительные органы (Совет пятисот и Совет старейшин) были разогнаны, и Наполеон возглавил новое правительство.

Рис. 2. «Конец французской свободы или Буонапарте, закончивший фарс Равенства, в Сен-Клу», Дж. Гилрей (1799)

Все внимание на изображении автор намеренно сконцентрировал на правой стороне, где был тщательно выписан яркими красками надменный, хоть еще и не преувеличенно низкий, Наполеон. За его спиной Гилрей изобразил гренадеров, которых он нарисовал уже традиционно – обезьяноподобными и гротескно отталкивающими. Не менее искажены и фигуры членов Директории на переднем плане, изображенные столь же карикатурно, как и их противники. И лишь на заднем плане представители Совета пятисот – пухлые и намеренно упрощенно нарисованные – теряют свой обезьяноподобный облик, превращаясь в олицетворение крайнего ужаса.

С 1790-х годов в Англии особую популярность приобрели двухчастные карикатуры, противопоставлявшие английские и французские нравы, идеологию и образ жизни [5, с.

186]. Самой известной из целого ряда подобных работ стала гравюра «Французская свобода. Британское рабство» (рис. 3) [12]. Слева на ней был изображен обезьяноподобный голодающий санкюлот-модник, сидящий в лохмотьях. Вероятно, по задумке автора, он являлся олицетворением нового режима. Даже его скудная еда (улитки и луковичные головки), дом-развалина (об этом ярко свидетельствуют убогое убранство комнаты, разбитое стекло, кирпичи, проступающие сквозь облезшую штукатурку) не мешают ему радоваться тому, что он свободный гражданин. Справа уже известный собирательный образ англичанина – заплывший жиром Джон Буль, поедая огромный кусок ростбифа и запивая его кружкой пива, не может перестать думать о повышении налогов.

Рис. 3. «Французская свобода. Британское рабство», Дж. Гилрей (1792)

Дж. Гилрей был консерватором и отрицательно относился к Французской революции. Данная карикатура была не просто противопоставлением «французской свободы» «английскому рабству», но и предостережением британцам от соблазнов этой так называемой «свободы».

Однако стоит отметить, что в своих попытках противопоставить родную страну противнику за Ла-Маншем, Гилрей был не одинок. Так, двухчастная карикатура Томаса Роулэндсона «Контраст 1792 – Что лучше», демонстрирует схожую концепцию контраста «британской свободы» и «французской свободы» (рис. 4) [18]. Слева: Британия, в ногах которой находится лев, держащий «Великую хартию вольностей». Надпись под изображением отражает главные принципы страны: «Религия, нравственность, верность, подчинение законам, независимость, личная безопасность, справедливость, наследство, защита, собственность, промышленность, национальное процветание, СЧАСТЬЕ». Справа:

тощее уродливое и плохо одетое олицетворение Франции, которая подобна Медузе Горгоне со змеями вместо волос. Насадив на пику чью-то отрубленную голову, Франция топчет обезглавленный труп на фоне человека, повешенного на фонарном столбе. Под этим изображением надпись: «Атеизм, Лжесвидетельство, Восстание, Измена, Анархия, Убийство, Равенство, Безумие, Жестокость, Несправедливость, Предательство, Неблагодарность, Праздность, Голод, Национальное и Частное Разрушение, СТРАДАНИЕ». Внизу карикатуры большим шрифтом общий вопрос: «Что лучше?».

Рис. 4. «Контраст 1792 – Что лучше», Т. Роулэндсон (1792)

Политическая карикатура того периода постепенно превратилась в одно из основных средств борьбы с пропагандой революционных идей. Именно в это время появляются образы «кроважного санкюлота», «санкюлота-каннибала» и др. Можно предположить, что этот процесс происходил не без вмешательства британского правительства. Дж. Гилрей был близким товарищем Джорджа Каннинга², и часто посещал заседания британского парламента [17].

В дальнейшем особое место в английской политической карикатуре было отведено событиям эпохи наполеоновских войн, когда борьба между Францией и Великобританией начала носить характер открытого противостояния. Большинство карикатур Дж. Гилрея было сосредоточено на образе Наполеона, который стал персонификацией образа «врага». В действиях французского императора карикатуристы видели несомненную опасность – и для Великобритании, в первую очередь, и для мира в целом. Именно поэтому было важно доступно и наглядно отразить это в сатире.

² Джордж Каннинг (1770–1827 гг.) – британский государственный и политический деятель, представитель либерального крыла партии тори, занимавший посты министра иностранных дел (1807–1809 гг., 1822–1827 гг.) и премьер-министра (1827). С именем Каннинга связывают внешнюю политику Великобритании во время наполеоновских войн в Европе.

В карикатуре «Обещанные ужасы французского вторжения» Дж. Гилрей фантазирует на тему возможного вторжения Франции в Великобританию (рис. 5) [15]. Французские войска с примкнутыми штыками маршируют по Сент-Джеймс-стрит. Вдали пылают ворота Сент-Джеймского дворца. На переднем плане карикатуры изображено «Дерево свободы» (столб, украшенный цветами и увенчанный большой шапкой с надписью «свобода»). К дереву привязан У. Питт, раздетый до пояса, а Дж. Фокс (слева) яростно бьет его розгами. К

Рис. 5. «Обещанные ужасы французского вторжения», Дж. Гилрей (1796)

Данная карикатура демонстрирует сцены жестокости французов. Один из них топчет распростертое и истекающее кровью тело, другой пронзает горло члену клуба, а позади него остальные члены клуба подняли руки, умоляя о пощаде. Другие солдаты достигли балкона и используют кинжалы; они толкают вниз с балкона истекающее кровью тело герцога Йоркского. Слово полчища муравьев тесные ряды французских солдат заполнили улицы Лондона. Им рада лишь небольшая группа британских якобинцев справа. Французские офицеры изображены массово и обезличено, однако по тем зверствам, которые происходят на Сент-Джеймс, можно определить, какой образ «врага» создается автором: неуправляемые и жестокие радикалы, покушающиеся на самое святое для британского джентльмена – свободу, жизнь, достоинство и клубы.

В карикатуре Дж. Гилрея «Надпись на стене» проведена аналогия с известной картиной британского художника Дж. Мартина «Пир Валтасара»: Наполеон и Жозефина, воплощая угрозу вторжения, лакомятся английскими «блюдами», среди которых Лондонский Тауэр и Банк Англии (рис. 6) [16]. Однако Наполеон с ужасом смотрит на

пророческую надпись на стене, на которую указывает длань Бога. Над головой Первого консула другая рука Бога держит пару весов, на которых корона Франции весит тяжелее, чем шапка свободы, под которой скрыт деспотизм Наполеона.

Рис. 6. «Надпись на стене», Дж. Гилрей (1803)

Помимо уже типичных для Гилрея образов французских гренадеров с выпученными глазами, огромными губами и нелепыми усами, на картине присутствуют и представительницы прекрасного пола. Дамам на изображении уделено особое внимание автора: начиная со свиноподобной «первой леди», возле которой образовалось скопление пустых бутылок от вина, не говоря уже о ее небрежном виде, заканчивая ее «фрейлинами», стоящими позади нее. Французские дамы Гилрея составляют прекрасную пару французским мужчинам, соревнуясь своим видом в нелепости облика.

Дж. Крукшенк, ученик Гилрея, продолжил его сатирическую традицию, и посвятил большинство своих гравюр эпохе наполеоновских войн. В карикатуре «Аполлион, генералиссимус дьяволов, обращается к своим легионам!» представлен Наполеон, произносящий пламенную речь о своих успехах на берегах Дуная и Вислы (рис. 7) [10]. В своей речи он призывает свои «легионы смерти» пройти маршем через всю Францию, не отдыхая ни минуты, для освобождения территории Испании и Португалии от религиозного влияния. Наполеон как всегда хвастлив, слишком амбициозен. Не отстают от него и солдаты, которые внимательно слушают его с агрессивными гримасами. В данной карикатуре ярко показан образ «врага» не только в лице Наполеона, но и в представителях Великой армии. «Легионы смерти», несмотря на разнородность своего состава, изображены одинаково отталкивающими.

Рис. 7. «Аполлион, генералиссимус дьяволов, обращается к своим легионам!», Дж. Крукшенк (1808)

В карикатуре «Бредящий маньяк, или Маленький Бони в сильном припадке», опубликованной в мае 1803 г., Дж. Гилрей изобразил момент, когда Наполеон прочитал газетные репортажи о себе (рис. 8) [14]. Топая ногами и сжав кулаки, он в ярости опрокинул стол. Причина его неистовой истерики раскрывается в тексте над его головой, гласящем: «Английские газеты! О, английские газеты; ненавидимый и преданный французами; презираемый англичанами; над ним смеется весь мир; измена; вторжение; четыреста восемьдесят тысяч французов в британском рабстве – и вечных цепях».

Рис. 8. «Бредящий маньяк, или Маленький Бони в сильном припадке», Дж. Гилрей (1803)

В ноябре 1806 года Наполеон со своей армией вошел в Польшу. Незвестный художник изобразил это в карикатуре «Вход в Польшу или другой Бонн Буш для Бони» (рис. 9) [9]. Польские магнаты стоят на коленях и восклицают, целуя сапог Наполеона: «Какой счастливый день для Польши!». Наполеон в свою очередь высокомерно возвещает им о свободе и независимости поляков. Позади знаменосец несет флаг, на котором изображена пара оков, гильотина и два скрещенных меча с надписью «Комфорт для поляков». Рядом с ним другой французский солдат в рваной форме с насмешкой достает оковы из мешка.

Рис. 9. «Вход в Польшу или другой Бонн Буш для Бони», Ч. Уильямс, (1807)

Карикатуристы достаточно быстро реагировали на события начала XIX в., отражая их в своих произведениях часто в иносказательном и гротескном виде. Эти изображения были образными, но неизменно яркими. Чаще всего карикатуры высмеивали недостатки неприятеля, подчеркивали его нелепость и даже неполноценность, ведь такого врага сложно бояться и легче победить.

Франции и французам – главному и традиционному сопернику английской короны на континенте и в заморских территориях – доставалась незавидная роль главного идеологического соперника Великобритании. Ухудшение политической ситуации в конце XVIII – начале XIX вв. только добавило остроты в это противостояние, сделав образ «другого» еще более отталкивающим. Безусловно, самым ярким примером «врага» был сам Наполеон – *кровожадный и беспощадный карлик*. Именно он был главным героем каждой второй издававшейся карикатуры. Однако особую значимость образу «врага» придает «массовка». Несмотря на то, что Наполеон зачастую находится в центре внимания на

представленных карикатурах, его Великая армия – «орудие» в его руках – не менее интересна для анализа. Армия неприятеля в английской политической карикатуре могла быть описана исключительно негативными характеристиками: *мародерство, воровство, грабеж*. По сложившейся традиции солдаты Наполеона изображались, как и все французы, *обезьяноподобными чудовищами*.

Впрочем, Франция, оставаясь наиболее часто изображаемой, была не единственной страной, привлекавшей к себе внимание британских сатириков. Те народы, с кем британцы были менее знакомы, например, русские или австрийцы, обычно изображались в виде диких зверей. Стоит отметить и более близких в территориальном плане соперников – шотландцев и голландцев, когда-то и они представляли угрозу могуществу и господству Великобритании. Однако в случае с Шотландией и Голландией образ «врага» был более узнаваем и понятен британской публике и менее негативен.

Английской карикатуре удалось закрепить в европейском сознании многие национальные стереотипы, визуализировав их в эффектные и запоминающиеся образы «врагов». При этом важно отметить, что враг – это не просто некто незнакомый или чужой, это источник опасности. Ощущение опасности, исходившие от народов, проживавших по другую сторону Ла-Манша, могли пробудить в британской публике такие эмоции, как страх, агрессию и ненависть. Высмеяв врага, намеренно принизив его, можно было снять копившееся в обществе напряжение и показать, что «враг» не так страшен. Это хорошо понимали британские сатирики эпохи наполеоновских войн, создавая гротескные образы враждебных французов во главе с «корсиканским чудовищем».

До сих пор одной из ярких характеристик современного политического дискурса является социальное мифотворчество. Образ «врага» постоянно присутствует в политической сфере. При этом средства и механизмы его насаждения в массовое сознание и степень интенсивности внедрения варьируются в зависимости от поставленных задач. В связи с этим актуальность изучения карикатуры как исторического источника не угасает. Способность карикатуры ярко и ёмко представить информацию сделало ее популярной не только среди современников, но и у предшественников. При этом жанр существует и развивается, трансформируясь в новые формы, например, в интернет-мем.

Литература

1. История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2010–2013. Вып. 1-8.
2. Постникова А.А. Русская кампания Наполеона: история «европейского мифа»: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2022. 419 с.
3. Репина Л.П. История и память: историческая культура Европы. М.: Кругъ, 2006.

4. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века // Вестник РУДН. Серия «история России». 2006. № 2 (6). С. 54-78.
5. Успенский В.М. Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII – первой трети XIX века. М.: Арт Волхонка, 2016. 352 с.
6. Хацкевич Т.М. Образ Наполеона как «иного / другого» в романе Дженет Уинтерсон «Страсть» // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 60-64.
7. Шестакова Н.Ф. Историческая память Уэльса (конец XV – начало XX вв.): основные этапы и механизмы конструирования: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2018. 28 с.
8. Шумкина Т.Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии: (по материалам сборника научных трудов «История и историческая память») // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2014. Вып. 16: Историческая политика и политика памяти. С. 282-293.
9. Charles Williams. The Entrance into Poland - or another bonne bouche for Boney, 1807. <https://clck.ru/38aSNQ>
10. George Cruikshank. Apollyon, the devils generalissimo, addressing his legions, 1808. <https://clck.ru/38aSMY>
11. James Gillray. Buonaparte closing the farce of Egalité, 1799. <https://clck.ru/38aSKw>
12. James Gillray. French Liberty – British Slavery, 1792. <https://clck.ru/38aSJh>
13. James Gillray. French taylor fitting John Bull with a “Jean de Bry”. <https://clck.ru/38aSJ3>
14. James Gillray. Maniacraving's or – Little Boney in a strong fit, 24 May 1803. <https://clck.ru/38aSGw>
15. James Gillray. Promis'd horrors of the French invasion, 1796. <https://clck.ru/38aSFT>
16. James Gillray. The handwriting upon the wall, 24 August 1803. <https://clck.ru/38aSEX>
17. Richard Godfrey. James Gillray: The Art of Caricature. 2001. P. 116.
18. Thomas Rowlandson. The Contrast 1792-Which Is Best, 1792. <https://clck.ru/38aSDJ>

References

1. Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhevuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 2010–2013. Vy`p. 1-8. (in Russ.).
2. Postnikova, A.A. (2022). Russkaya kampaniya Napoleona: istoriya «evropejskogo mifa»: avtoreferat dis. ... doktora istoricheskix nauk. Ekaterinburg, 419 s. (in Russ.).
3. Repina, L.P. (2006). Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul`tura Evropy`. M.: Krug`. (in Russ.).
4. Senyavskij, A.S., & Senyavskaya, E.S. (2006). Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya «obraza vraga» (na materialax rossijskoj istorii XX veka. *Vestnik RUDN. Seriya «istoriya Rossii»*. № 2 (6). S. 54-78. (in Russ.).

5. Uspenskij, V.M. (2016). *Anatomiya smexa. Anglijskaya karikatura XVIII – pervoj treti XIX veka*. M.: Art Volxonka, 352 s. (in Russ.).
6. Xaczkevich, T.M. (2014). *Obraz Napoleona kak «inogo / drugogo» v romane Dzhenet Uinterson «Strast»*. *Filologiya i kul'tura*. № 3 (37). S. 60-64. (in Russ.).
7. Shestakova, N.F. (2018). *Istoricheskaya pamyat' Ue'l'sa (konecz XV – nachalo XX vv.): osnovny'e e'tapy i mexanizmy konstruirovaniya: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskix nauk*. Ekaterinburg, 28 s. (in Russ.).
8. Shumkina, T.G. (2014). *Problema istoricheskoy pamyati v sovremennoj rossijskoj istoriografii: (po materialam sbornika nauchny'x trudov «Istoriya i istoricheskaya pamyat'»)*. *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy vseobshhej istorii*. Vy'p. 16: *Istoricheskaya politika i politika pamyati*. S. 282-293. (in Russ.).
9. Charles Williams. (1807). *The Entrance into Poland - or another bonne bouche for Boney*. <https://clck.ru/38aSNQ>
10. George Cruikshank. (1808). *Apollyon, the devils generalissimo, addressing his legions*. <https://clck.ru/38aSMY>
11. James Gillray. (1799). *Buonaparte closing the farce of Egalité*. <https://clck.ru/38aSKw>
12. James Gillray. (1792). *French Liberty – British Slavery*. <https://clck.ru/38aSJh>
13. James Gillray. *French taylor fitting John Bull with a “Jean de Bry”*. <https://clck.ru/38aSJ3>
14. James Gillray. *Maniacraving's or – Little Boney in a strong fit, 24 May 1803*. <https://clck.ru/38aSGw>
15. James Gillray. (1796). *Promis'd horrors of the French invasion*. <https://clck.ru/38aSFT>
16. James Gillray. *The handwriting upon the wall, 24 August 1803*. <https://clck.ru/38aSEX>
17. Richard Godfrey. (2001). *James Gillray: The Art of Caricature*. P. 116.
18. Thomas Rowlandson. (1792). *The Contrast 1792-Which Is Best*. <https://clck.ru/38aSDJ>

дата поступления: 07.07.2023

дата принятия: 10.09.2023

© Вяткина Д.С., 2024

КОМАНДИРЫ СИБИРСКОГО КОРПУСА В 1777–1789 гг. ГЕНЕРАЛЫ Н.Г. ОГАРЕВ И Н.С. ФЕДЦОВ

V.D. Puzanov

COMMANDERS OF THE SIBERIAN CORPS IN 1777–1789 GENERALS N. G. OGAREV AND N. S. FEDTSOV

Аннотация. Сибирский корпус русской армии защищал земли Западной Сибири и Восточной Сибири. Целью исследования является изучение биографий командиров Сибирского корпуса в 1777–1789 гг. Н.Г. Огарева и Н.С. Федцова. Методологической основой работы стали важнейшие принципы исторической науки – историзм, научная объективность, системность. Исследование опирается на биографический, описательный, проблемно-хронологический, структурный, количественный и сравнительно-исторический методы. В результате исследования удалось восстановить основные этапы биографий командиров Сибирского корпуса генерал-поручика Н.Г. Огарева и генерал-майора Н.С. Федцова. Генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов принадлежали к старым родам русских дворян, были помещиками. Генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов были почти сверстниками и начали службу солдатами в полках гвардии – Измайловском и Конной гвардии, что позволило им в возрасте 20 лет стать армейскими офицерами. Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов прошли тяжелую школу Семилетней войны, позднее участвовали в войнах с Османской империей и с конфедератами Польши. В результате участия в этих конфликтах офицеры Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов смогли сделать успешную военную карьеру в русской армии. Военная коллегия произвела Н.Г. Огарева и Н.С. Федцова в генералы и отправила командовать далеким Сибирским корпусом. В Сибири генералы проводили преобразование военных сил Сибирского корпуса по плану президента Военной коллегии фельдмаршала Г.А. Потемкина.

Ключевые слова: Сибирский корпус; генерал; полковник; драгуны; солдаты; полк; крепость; губерния.

Сведения об авторе: Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р истор. наук, профессор,

Abstract. The Siberian corps of the Russian Army defended the territories of Western and Eastern Siberia. The purpose of the paper is to study the biographies of the Siberian Corps commanders in 1777–1789, the tasks are to study the biographies of N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov, the Siberian Corps generals. The methodological basis of the work is the most important principles of historical science – historicism, scientific objectivity and consistency. The research is based on biographical, descriptive, problem-chronological, structural, quantitative and comparative-historical methods. The results of the study make it possible to restore the main stages of the biographies of the Siberian Corps commanders, Lieutenant General N. G. Ogarev and Major General N. S. Fedtsov. Generals N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov belonged to old Russian noble families, landowners. Generals N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov were almost the same age and began serving as soldiers in the Guard regiments – Izmailovsky and Horse Guards, which allowed them to become army officers at the age of 20. N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov passed the hard school of the Seven Years' War, later participated in the wars with the Ottoman Empire and with the Confederates of Poland. As a result of their participation in these conflicts, officers N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov were able to make a successful military career in the Russian army. The Military Collegium promoted N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov to generals and sent them to command the distant Siberian Corps. In Siberia, the generals carried out the transformation of the military forces of the Siberian Corps according to the plan by the president of the Military College, Field Marshal G. A. Potemkin.

Keywords: Siberian corps; general; colonel; dragoons; soldiers; regiment; fortress; province.

About the author: Vladimir D. Puzanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Shadrinsk State

Шадринский государственный педагогический Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, университет, г. Шадринск, Россия, alan1971@bk.ru alan1971@bk.ru

Пузанов В.Д. Командиры сибирского корпуса в 1777–1789 гг. генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/03>

Puzanov, V.D. (2024). Commanders of the Siberian Corps in 1777–1789 Generals N. G. Ogarev and N. S. Fedtsov. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/03>

Сибирский корпус русской армии прикрывал 2300 верст сибирских линий – Ишимской, Тарской, Иртышской, Колыванской и Кузнецкой, а также Восточную Сибирь. В 1764 г. в Сибирском корпусе служили семь гарнизонных батальонов и восемь драгунских полков: Троицкий, Вологодский, Луцкий, Олонецкий, Азовский, Ревельский, Сибирский и Колыванский [15, л. 1333].

В 1763–1771 гг. Сибирским корпусом командовал генерал-поручик Иван Шпрингер [13, с. 216], в 1771–1777 гг. – генерал-поручик Иван Александрович Деколонг, а в 1777 г. – генерал-майор Антон Данилович Скалон, из Лифляндии. В 1777 г. командиром Сибирского корпуса был назначен генерал-майор Николай Гаврилович Огарев, который происходил из российских дворян, и принадлежал к весьма обеспеченным помещикам: за ним состояло в Медынском уезде 317 душ м. п. [16, л. 54-56].

Брат генерала Илларион Гаврилович в 1753 г. служил прапорщиком Псковского драгунского полка. Отцом генерала был Гавриил Иоакимович Огарев, отмеченный как подполковник в 1753 г. и коллежский советник с 16 августа 1760 г. Дед Иоаким Илларионович Огарев был одним из семи известных нам сыновей Иллариона Петровича Огарева, который дослужился до жильца в 1669 г. и московского дворянина в 1671 г., но в 1686 г. был отставлен от службы [18, с. 210].

Петр Никитич Огарев был медынский городской дворянин в 1607–1629 гг. Никита Павлович Огарев упомянут как помещик Медынского уезда в 1584–1585 гг. В том же уезде имели поместья и его братья Федор Павлович и Андрей Павлович. Отцом их был Павел Васильевич Огарев, имевший брата Василия Васильевича, а дедом – Василий Андреевич, в 1581 г. служивший воеводой в Холме.

По семейному преданию основателем рода Огаревых был мурза Кутлу-Мамет, который выехал из Орды еще к великому князю Александру Невскому, крестился и был пожалован вотчинами в Шацке, Касимове, Медыни и других городах. Один из его потомков Никита Данилович Огарев служил наместником на Ваге при великом князе Иване Васильевиче [18, с. 206]. Брат его Яков Данилович Елман был отцом Андрея Яковлевича Огарева сына боярского из Ржева, который был пожалован поместьем в Московском уезде 2 октября 1550 г. Многочисленные представители рода Огаревых служили стрелецкими головами, детьми боярскими по уездным городам Медыни, Дмитрову, Владимиру. Некоторые дослуживались до московских дворян, стряпчих и стольников, служили

воеводами в дальних городах: Ефрем Данилович Огарев из владимирского дворянина стал московским и служил воеводой в Шацке в 1620–1621 гг., Евсей Григорьевич – тоже из московских дворян – был воеводой в Березове в 1673–1675 гг. [18, с. 208].

Кирилл (Постник) Григорьевич Огарев в 1604 г. был послом Бориса Годунова к польскому королю Сигизмунду, служил воеводой у Яузских ворот в Москве, в 1608 г. был убит под Москвой. Григорий Кириллович дворянином московским был послан воеводой в Переяславль Залесский. Иван Кириллович в чине дворянина московского служил головой в Томске в 1626–1631 гг. [18, с. 209].

По данным списка, в 1787 г. Н.Г. Огареву было 54 года. Он начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку 9 марта 1749 г. в возрасте около 15 лет, как было принято у русских дворян. 25 апреля 1750 г. он был произведен в капралы, а 18 декабря 1753 г. – в фурьеры Измайловского полка. 25 апреля 1754 г. Н.Г. Огарев был выпущен из гвардейского полка подпоручиком в пехотные полки [16, л. 54-56].

Надо отметить, что в это время в полках гвардии начали службу несколько представителей рода Огаревых одного поколения с Н.Г. Огаревым. Сергей Алексеевич Огарев (1750–1835) служил в Измайловском полку, откуда был уволен в 1776 г. армии подпоручиком, позднее жил помещиком в Епифанском уезде. Иван Ильич Огарев по прозвищу Иона в 1760–1765 гг. служил в гвардейском Конном полку, откуда вышел поручиком в армию, в чине ротмистра перешел на гражданскую службу и к 1806 г. служил статским советником. Сергей Алексеевич Огарев вышел из гвардии прапорщиком и в 1794 г. был помещиком Тверского и Новоторжского уездов [18, с. 211].

Однако из многих представителей рода именно Н.Г. Огарев сделал наиболее успешную военную карьеру в XVIII в. 25 апреля 1755 г. Н.Г. Огарев был произведен в поручики, 1 января 1757 г. в капитаны. 1 января 1760 г. стал премьер-майором, 1 мая 1763 г. подполковником, 1 января 1770 г. полковником. 17 марта 1774 г. был назначен бригадиром и 10 июля 1775 генерал-майором. Образование генерала заключалось в знании грамоты, он умел читать и писать «по-русски» [16, л. 54-56].

Участник Семилетней войны с 1758 г., Н.Г. Огарев был в походах в Пруссии, участвовал «в действительном против неприятеля сражении» в знаменитых битвах при Цорндорфе в 1758 г., Пальциге и Франкфурте в 1759 г. [16, л. 56]. В 1760, 1761, 1762 годах Н.Г. Огарев также служил в русских войсках в Пруссии. В 1769 г. Н. Г. Огарев во второй армии был отправлен в особом отряде – «отделенном detaшamente» – к крупной турецкой крепости Бендерам. В 1770 г. Н.Г. Огарев служил в войсках в Польше в походе до местечка Ладышина, в 1771 и 1772 годах служил с полком в Молдавии в походе до города Ясс [16, л. 56].

В 1773 г. главная русская армия под командованием фельдмаршала П.А. Румянцева после побед над войсками Османской империи при Ларге и Кагуле начала военные действия к югу от Дуная. 26 мая 1773 г. В этой кампании принял участие и полковник Пермского полка Н.Г. Огарев. Позднее он писал, что был откомандирован с полком за

р. Дунай для содержания Гирсовской крепости. От Гирсовской крепости с особым «деташаментом» Н.Г. Огарев был послан вверх по Дунаю к Силистрии для прикрытия моста, где и находился с 18 по 22 июня [16, л. 56].

В июне 1773 г. отряды генерал-майора О.А. Вейсмана и генерал-поручика Г.А. Потемкина перешли Дунай на переправе у Гуробали и двинулись к лагерю турецкого отряда. П.А. Румянцев писал О.А. Вейсману в ордере от 3 июня, чтобы последний, придя с корпусом на переправу, решил, оставлять ли отряд «господина полковника Огарева» на посту или отправить его в Гирсов [19, с. 623].

Полковник Н.Г. Огарев с его полком и тремя пушками взял под защиту обозы отряда генерал-майора Вейсмана, который утром 7 июня пошел к лагерю турок у Гуробала. Турки бежали из лагеря, неся большие потери [9, с. 49].

9–11 июня 1773 г. через Дунай переправились и основные силы во главе с главнокомандующим П.А. Румянцевым. Позднее русская армия разбила лагерь в окрестностях Силистрии – важной турецкой крепости, с гарнизоном 15000 человек. Около Силистрии также стояла укрепленным лагерем двадцатитысячная армия Осман-паши. Главные силы турок находились на юге, в ставке визиря под Шумлой. Русская армия впервые осадилась эту мощную турецкую крепость. Как писал П.А. Румянцев Екатерине II «город сей лежит у подошвы гор при самом берегу Дунайском...» [19, с. 642].

12 июня 1773 г. русские войска нанесли поражение армии Осман-паши, войска которого разошлись по окрестностям. В это время П.А. Румянцев оставил для защиты переправы у р. Галицы в шести верстах от Силистрии полковника Н.Г. Огарева с Пермским пехотным полком [20, с. 69]. Это был, как Румянцев позднее писал в реляции Екатерине, только «небольшой пост» численностью около 500 русских солдат [19, с. 649].

20 июня 1773 г. к переправе у р. Галицы подошла и главная армия П.А. Румянцева от Силистрии. В это время великий визирь отправил из лагеря под Шумлой в тыл русской армии к Силистрии лучшую турецкую армию под командой сераскира Нуман-паши, который ранее командовал турецкими силами в Грузии, чтобы разбить и уничтожить армию Румянцева. Полковник Н.Г. Огарев первый сообщил командующему П.А. Румянцеву о подходе новой турецкой армии. Однако отряд Н.Г. Огарева в пятьсот человек был слишком малочисленным для борьбы с армией турок. 20 июня полковник Н. Г. Огарев написал командующему о новом неприятельском лагере, построенном около левого фланга русской армии у деревни Кучук-Кайнарджи. В лагере стояли свежие турецкие войска численностью более 20 000 человек, из которых около 10000 составляли отборную пехоту «далкаличы» называемой, которые присягают сражаться одною только саблею». 21 июня Румянцев отправил к лагерю турок корпус под командой генерала О.А. Вейсмана фон Вейсенштейна в составе Троицкого, Кабардинского, Невского, Ширванского пехотных полков, Московского и Тверского карабинерного, Харьковского гусарского, Елизаветградского гусарского и полка донских казаков. 22 июня корпус О.А. Вейсмана в тяжелом и упорном

бою разбил турецкую армию, но сам храбрый и талантливый генерал встал впереди солдат и был убит в бою пулей, пронзившей его руку, грудь и сердце. В битве турки потеряли 3700 человек убитыми, русские – 18 человек убитыми и 152 ранеными [2, с. 148]. Турецкий лагерь с артиллерией и обозом достался русским. Остатки турецкой армии бежали на юг. Корпус Потемкина преследовал отступавших. Великий визирь после поражения покинул Шумлу и ушел в Румынию [20, с. 72].

Однако и русская армия отправилась на север за Дунай. После победы военный совет армии, созданный по приказу П.А. Румянцева 24 июня, решил уйти на северный берег Дуная. Конница после многих дней боев нуждалась в отдыхе, а пехоты в 3 корпусах армии насчитывалось только 13000 человек. Румянцев писал императрице, что с такими силами нельзя взять Силистрию или идти на главную военную базу турок – крепость Шумлу.

По словам командующего, «Булгария весьма приличное название у турок имеет – Делиарман, то есть: лес разбойнский, которым в ней одним воевать удобно. Горы крутые и впадины глубокие составляют положение оной. Мы брали у неприятеля полные лагеря, обозы и артиллерию, но побить наголову нельзя никак его войск, в убежище везде себе находящих леса и овраги, по которым по образу нашего ополчения кавалерии и пехоты, артиллерии и тягостного обоза, никак нельзя и ходить, а и того меньше действовать, а напротив ничего так нелегко в той земле, как засаду делать и внезапно нападать, к чему и было покушение неприятеля напряжено на совершенное нас истребление» [19, с. 653].

После соединения отряда Н.Г. Огарева с армией на Дунае, с 22 октября по 16 ноября он с полком стоял на островах против Силистрии и у прикрытия главной батареи, а затем был отослан к Ольтеницам. 18 ноября полк Н.Г. Огарева переправился за Дунай в районе Туртукая с поиском и обратно. 24 ноября полк Н.Г. Огарева снова перешел Дунай и был послан в Журжевскую крепость. В крепости Н.Г. Огарев служил с 4 декабря «до окончания той прошедшей турецкой войны» и был в ней «главным командиром» над всеми в ней состоящими пехотными, кавалерийскими полками и нерегулярными войсками [16, л. 56].

Во время войны с Османской империей Н.Г. Огарев показал себя храбрым и ответственным офицером, хорошим командиром полка и вскоре получил повышение в чине. Через год после заключения мира с Османской империей 10 июля 1775 г. в группе из шести русских офицеров Н.Г. Огарев получил чин генерал-майора. В 1776 г. генерал Н.Г. Огарев служил в Казанской дивизии. В 1777 г. Военная коллегия назначила генерал-майора Николая Гавриловича Огарева командиром Сибирского корпуса. В списке 1787 г. Н.Г. Огарев отметил, что он «в комплекте состоит у командования Сибирского корпуса» [16, л. 56].

Н.Г. Огарев несколько раз брал продолжительные отпуска из армии. Первый отпуск он получил в начале службы солдатом в Измайловском полку в 1749 г. на целый год, затем с 1 февраля 1751 г. отпуск был продлен до 2 января 1752 г., в 1753 г. на полтора месяца, в 1754 г. на год, с 26 ноября 1775 г. по 26 ноября 1776 г. Последний отпуск генерал взял уже командиром Сибирского корпуса с 11 июля 1785 г. на год. Н.Г. Огарев отметил, что явился

к месту службы в указанный срок [16, л. 56]. Возможно, дела обширного поместья в Медынском уезде требовали присутствия генерала? Характерно, что сибирский офицер Иван Андреев в своей частной летописи особо отметил, что 24 июля 1785 г. генерал-поручик Н.Г. Огарев отбыл в Москву по своей просьбе в «домовой отпуск» на год с полным жалованием, поруча командование на линии генерал-майору Н.С. Федцову [12, с. 38].

28 июня 1782 г. в Сибири Н.Г. Огарев получил чин генерал-поручика. 24 ноября 1782 г. Екатерина II наградила Н.Г. Огарева орденом св. Анны. Иван Андреев дал генералу Н.Г. Огареву такую характеристику: «хотя добрый человек, но не сведущий никакого учения и понятия» [12, с. 55]. Андреев отмечал, что Н.Г. Огарев был религиозным человеком, православным христианином, «прилежен был к церквам и строению оных, горячего нрава, но никому зла не делал» [12, с. 55].

По данным домовой летописи Андреева, генерал-поручик Н.Г. Огарев умер в Омской крепости 19 апреля 1789 г. Андреев полагал, что в 1789 г. от роду Н.Г. Огареву было лет 60 [12, с. 55]. Иван Андреев писал, что к 1789 г. форпосты и станцы Семипалатной дистанции «...все развалились и никакого почти строения, а в других местах ниже рогаток и надолоб не было, ибо генерал Огарев за сие не принимался» [12, с. 55]. Видимо, таким же было положение и на других участках сибирских линий.

В 1787 г. в Сибирском корпусе под началом Н.Г. Огарева служили генерал-майор Н.С. Федцов и генерал-майор Г.Г. Штрандман. В марте 1787 г. Г.Э. Штрандман был назначен в Сибирский корпус командиром дивизии на Иртышской линии [7, с. 18].

В 1787 г. генерал-майору Николаю Савичу Федцову было 53 года. Федцовы – старый дворянский род Рязанской земли, известный, по крайней мере, с XVI в. Служилый человек из Калуги Григорий Яковлев сын Юрьев Федцов участвовал в Казанском походе 1552 г. и был убит во время штурма Казани 2 октября 1552 г. [4, с. 200] Н.С. Федцов имел небольшое поместье в селе Неретино Рязского уезда всего с 60 душами м. п. Надо отметить, что в селе Неретино Рязского уезда поместьями владели и жили 10 дворян: прапорщик и вахмистр Батурины, майорша и недоросль Давыдовы, дворянин Полянский, коллежский ассессор Канарский, поручица Исаева и другие. Жизнь помещиков в таких мелких поместьях мало отличалась от жизни их крестьян.

16 марта 1753 г., в 18 лет, Н.С. Федцов начал службу в рейтарах Конной гвардии. 18 декабря 1753 г. он стал капралом лейб-гвардии; 9 мая 1754 г. выпущен подпоручиком; 25 декабря 1755 г. стал поручиком и 1 января 1760 г. – ротмистром; 1 января 1767 г. – секунд-майором; 1 января 1770 г. – премьер-майором; 24 ноября 1771 г. – подполковником; 28 июля 1777 г. – полковником; 28 июля 1782 г. – бригадиром; 24 ноября 1784 г. – генерал-майором [16, л. 310].

По скаске генерала, он умел читать и писать на русском языке. Н.С. Федцов участвовал в кампаниях Семилетней войны с 1757 г., 19 августа 1757 г. он был в русской армии «на баталии» при деревне Грос-Егерсдорф, 14 августа 1758 г. при Цорндорфе Н.С.

Федцов служил «при реке Одере, где прусская армия через ту реку перебралась, против зделанной неприятелем батареи» при блокаде города Колберха, 3 июля 1759 г. Н.С. Федцов стал участником сражения «при атаке неприятельского арьергарда» [16, л. 310]. 12 июля 1759 г. служил «при деревне Пальцыхе на баталии, того ж месяца 18 при блокаде города Фракфурта и при взятъе ретировавшегося из него неприятельского гарнизона» [16, л. 310]. 1 августа 1759 г. был участником битвы при Кунесдорфе «при том же Франкфурте на баталии», В 1760 г. Н.С. Федцов действовал «при атаке и взятъи города Берлина и противу идущего к оному городу сикурсу». В 1762 г. Н.С. Федцов служил уже «с прусскою армией против австрийцев июня 28 под Шермицами находился» [16, л. 310].

В 1768 г. Н.С. Федцов служил «против возмутителей» в Польше. 19 апреля 1769 г. под Хотиным Н.С. Федцов был «при атаке и взятъе неприятельского лагеря, в сражении с неприятелем августа 29, на баталии сентября 5 при атаке неприятельских фуражиров и во всю прошедшую кампанию, где только кавалерия с неприятелем дело имела, находился безотлучно» [16, л. 310]. 28 сентября 1770 г. Н.С. Федцов участвовал «при атаке города Браилова с неприятельской вылазкой в действительном сражении», 4 октября 1770 г. «с конницей неприятельской в сражении и прогнаны за ретражемент» [16, л. 310]. 9 ноября 1770 г. Н.С. Федцов служил «при занятии города Браилова», а затем «при корпусе генерал-майора и кавалера Кречетикова из Бухареста до Кракова в походе командовал авангардом и под Краковом в сражении с превосходным неприятельским войском находился, где разбив одного, и город Краков своею командою занял» [16, л. 310]. 18 июня 1773 г. Н.С. Федцов с отрядом находился «за рекою Дунаем в Болгарии в сражении под городом Силистрии и при атаке неприятельского ретражамент». В 1774 г. Н.С. Федцов служил «в походах за рекою Дунаем до вершины озера Галиц» [16, л. 310].

После окончания войны с Османской империей 26 ноября 1774 г. Н.С. Федцов стал кавалером ордена св. Георгия IV степени. В списке Н.С. Федцов отметил, что за время службы не был наказан штрафами. Генерал Н.С. Федцов брал отпуск от службы с 15 декабря 1762 г. по 30 марта 1763 г. Позднее в Сибири ему понадобился большой отпуск для лечения. Возможно, кавалерийский начальник, часто водивший полк в атаки на противника, болел после серьезных ранений? К сожалению, об этом скаска Н.С. Федцова не сообщает. Военная коллегия отпустила Н.С. Федцова указом «для врачевания болезни» из Сибири с 18 октября 1786 г. на два года [16, л. 310]. Вероятно, именно болезни помешали ему занять пост командира Сибирского корпуса после кончины его товарища генерала Н.Г. Огарева 19 апреля 1789 г.

Н.С. Федцов пользовался доверием двора императора Павла I. В 1797 г. Павел I назначил генерала Н.С. Федцова и сенатора Н.Е. Мясоедова попечителями Златоустовских заводов на Южном Урале, принадлежавших семье заводчиков Лугининых [11, с. 110]. Н.С. Федцов умер 16 мая 1799 г.

В 1771 г. в России началось формирование 25 легких полевых команд из драгунских полков. 13 августа 1771 г. Екатерина II одобрила доклад Военной коллегии, и драгунские

полки Сибири были расформированы в легкие полевые команды. К 1774 г. в Сибирском корпусе служили 11 635 человек. В крае были сформированы 7 легких полевых команд и 5 пограничных батальонов [5, с. 162-170].

Восстание Пугачева показало правительству слабость военных сил на востоке империи. Генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов проводили преобразования армейских подразделений Сибири по плану вице-президента (1774–1784 гг.), а позднее президента (1784–1791 гг.) Военной коллегии фельдмаршала Г.А. Потемкина. 22 февраля 1775 г. Военная коллегия приказала легкие полевые команды превратить в отборные войска – пехотные батальоны. К 1795 г. в 25 легких полевых батальонах русской армии служили 22 533 человек. Фельдмаршал Г.А. Потемкин решил увеличить также части егерей – легкой отборной пехоты в русской армии. В 1777 г. в русской армии служили 6 батальонов егерей, в 1788 г. – 24 батальона егерей, а к 1796 г. – 43 батальона егерей [3, с. 11].

В 1775 г. в Сибири началось формирование Сибирского драгунского полка из 10 эскадронов численностью 1882 человек [10, с. 485]. 18 ноября 1786 г. Г.А. Потемкин приказал формировать в Сибири новый Иркутский драгунский полк в 10 эскадронов. Командир Сибирского корпуса генерал Огарев разделил Сибирский драгунский полк на две части, и, дополнив рекрутами, сформировал 2 драгунских полка для защиты Сибири [1, с. 32-38].

Военная коллегия по плану Г.А. Потемкина начала формирование в Сибири 1 пехотного полка, 2 егерских батальонов и 4 мушкетерских батальонов. По расписанию войск Российской империи от 10 октября 1786 г., составленному Г.А. Потемкиным и утвержденному Екатериной II, в Сибирском корпусе служили Сибирский драгунский полк и Иркутский драгунский полк, Ширванский мушкетерский полк, Первый егерский батальон и Второй егерский батальон, 6 полевых батальонов, а также войско Сибирское и Иркутское казачьи. В 1786 г. по штатам в частях Сибирского корпуса должны были служить 11 673 человек, а в реальности не хватало 4 089 человек.

Шефом Иркутского драгунского полка стал кавалерист генерал Н.С. Федцов. В 1788–1790 гг. Иркутский полк формировал и командовал им премьер-майор Христофор Сакен [1, с. 37]. 21 апреля 1789 г. командиром Иркутского драгунского полка был назначен полковник Н.Ф. Аршеневский, тридцати лет от роду, из смоленских дворян [1, с. 49].

В 1788 г. в Иртышские крепости из России был переведен Ширванский полк, который ранее в 1745–1753 гг. служил в Сибири в крепостях на р. Иртыш, а в 1763 г. – в Московской дивизии [14, с. 91]. К январю 1790 г. в Сибирском корпусе состояли 2 егерских батальона, в которых служили 1934 человека. Сибирские егеря получили и новое оружие – штуцеры. В 1792 г. генерал Г.Э. Штрэндман проводил инспекцию стрельбы сибирских егерей из новых штуцеров в Семипалатной крепости.

В январе 1790 г. в Сибирском драгунском полку числилось 1850 человек, в Иркутском драгунском полку – 1849 человек. В «нерегулярном конном войске» казаков, на сибирских

линиях – 2866 человек. [17, л. 15-18]. В 1790 г. в Сибирском корпусе служили также 6 полевых мушкетерских батальонов и 5 гарнизонных пограничных батальонов – Омский первый и второй, Петропавловский, Семипалатинский и Бийский [11, с. 26]. В 1808–1811 гг. регулярные полки Сибири были переведены в западные губернии Европейской России и приняли активное участие в борьбе с армией Наполеона [8, с. 38].

Генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов принадлежали к старинным родам русских служилых людей по отчеству. Генералы владели поместьями, но если Н.Г. Огарев имел среднее поместье в 317 душ м. п., то поместье Н.С. Федцова в 60 душ м. п. относилось к разряду мелких. Генералы Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов были почти сверстниками, в 1787 г. Н.Г. Огареву было 54 года, а Н.С. Федцову 53 года. При этом служить они начали в разное время: Н.Г. Огарев в 1749 г., а Н.С. Федцов в 1753 г. Характерно, что оба дворянина начали службу солдатами в полках гвардии – Измайловском и Конной гвардии, что позволило им в двадцатилетнем возрасте стать армейскими офицерами. Н.Г. Огарев и Н.С. Федцов прошли тяжелую школу Семилетней войны, позднее участвовали в войнах с Османской империей и с конфедератами Польши. В результате участия в этих конфликтах офицеры смогли сделать успешную военную карьеру в русской армии. Военная коллегия произвела Н.Г. Огарева и Н.С. Федцова в генералы и отправила командовать далеким Сибирским корпусом. В Сибири генералы проводили преобразование военных сил Сибирского корпуса по плану президента Военной коллегии фельдмаршала Г.А. Потемкина.

В 1789–1798 гг. возглавил Сибирский корпус генерал-майор Г.Э. Штрэндман, который в мае 1789 г. из Усть-Каменогорской крепости прибыл в Омскую крепость. Г.Э. Штрэндман критично оценивал деятельность своего предшественника генерал-поручика Н.Г. Огарева по строительству крепостей на линиях Сибири. Характерно, что Г.Э. Штрэндман решил проверить форпосты и станцы на р. Иртыш, приказав солдатам и казакам все исправить по правилам фортификации [16, с. 56]. 12 декабря 1790 г. Г.Э. Штрэндман писал в Коллегию иностранных дел, что «...за первой предмет себе поставлял запущенное до меня по всей Сибирской линии, простиравшейся на 2 300 верст крепостное укрепление привести в оборонительное состояние...» [6, с. 209].

Литература

1. Альбовский Е.А. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк) Минск: Тип.-лит. Б.И. Соломонова, 1902. 316 с.
2. Андреев Иван. Домовая летопись, писанная Иваном Андреевым в 1789 году. М.: Университетская типография Каткова, 1871. 114 с.
3. Байов А. Курс истории русского военного искусства. В 7 вып. Вып. 5: Эпоха Императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909. 231 с.
4. Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII в. // Вестник Челябинского университета. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 109-115.

5. Дмитриев-Мамонов, А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири: ист. очерк по офиц. Документам. СПб.: И. Балашов, 1907. 256 с.
6. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Кн. 2: док. и материалы. М. Наука, 1989. 340 с.
7. Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011, 556 с.
8. Панфилов В.В. Пузанов В.Д. Организация и передислокация сибирских регулярных полков в 1808–1811 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. № 2. С. 33–40.
9. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 4. 418 с.
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 20 (1775–1780 гг.). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1041 с.
11. Пузанов В.Д. Военные силы Сибирского корпуса в эпоху Екатерины II // Военно-юридический журнал. 2020. № 2. С. 24–28.
12. Пузанов В.Д. Г.Г. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.
13. Пузанов В.Д. Командир Сибирского корпуса генерал-поручик И.И. Шпрингер // Вопросы истории. 2021. № 12–2. С. 207–232.
14. Пузанов В.Д. Русская армия в Сибири в 30–50 годы XVIII в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3. С. 84–95.
15. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83.
16. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1988.
17. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1993.
18. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб: Издание А. С. Суворина, 1887. 918 с.
19. Румянцев П.А. Документы. Русские полководцы. Т. 2. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1955. 864 с.
20. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800 гг. СПб., 1908. 273 с.

References

1. Al'bovskij, E.A. (1902). *Istoriya Irkutskogo polka (50-j dragunskij Irkutskij polk)*. Minsk: Tip.-lit. B.I. Solomonova, 316 s. (in Russ.).
2. Andreev, Ivan. (1871). *Domovaya letopis', pisannaya Ivanom Andreevy'm v 1789 godu*. M.: Universitetskaya tipografiya Katkova, 114 s. (in Russ.).
3. Bajov, A. (1909). *Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva. V 7 vy`p. Vy`p. 5: E`poxa Imperatricy Ekateriny` II*. SPb.: Tip. Gr. Skachkova, 231 s. (in Russ.).
4. Bochkareva, E.S. (2015). *Perexod Zlatoustovskix zavodov v kazennoe vladenie v konce XVIII v. Vestnik Chelyabinskogo universiteta. № 14 (369). Istoriya. Vy`p. 64. S. 109-115.* (in Russ.).
5. Dmitriev-Mamonov, A.I. (1907). *Pugachevskij bunt v Zaural'e i Sibiri: ist. ocherk po oficz. Dokumentam*. SPb.: I. Balashov, 256 s. (in Russ.).
6. *Mezhdunarodny`e otnosheniya v Central`noj Azii XVII–XVIII vv. Kn. 2: dok. i materialy`*. M. Nauka, 1989. 340 s. (in Russ.).
7. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya / Sostavitel` A.V. Antonov. M.: Drevlexranilishhe, 2011, 556 s.* (in Russ.).
8. Panfilov, V.V., & Puzanov, V.D. (2022). *Organizaciya i peredislokaciya sibirskix reguljarny`x polkov v 1808–1811 gg. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2. S. 33-40.* (in Russ.).
9. Petrov, A.N. (1866). *Vojna Rossii s Turciej i pol`skimi konfederatami s 1769–1774 gg.* SPb., T. 4. 418 s. (in Russ.).
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. Sobranie 1. T. 20 (1775–1780 gg.).* SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. 1041 s. (in Russ.).
11. Puzanov, V.D. (2020). *Voenny`e sily` Sibirskogo korpusa v e`poxu Ekateriny` II. Voенно-yuridicheskij zhurnal. № 2. S. 24-28.* (in Russ.).
12. Puzanov, V.D. (2023). *G.G. Shtrandman – ostzeecz na sluzhbe Rossijskoj imperii. Voprosy` istorii. № 1-2. S. 4-27.* (in Russ.).
13. Puzanov, V.D. (2021). *Komandir Sibirskogo korpusa general-poruchik I.I. Shpringer. Voprosy` istorii. № 12-2. S. 207-232.* (in Russ.).
14. Puzanov, V.D. (2021). *Russkaya armiya v Sibiri v 30–50 gody` XVIII v. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3. S. 84-95.* (in Russ.).
15. *RGVIA (Rossijskij gosudarstvenny`j voенно-istoricheskij arxiv). F. 490. Op. 3/214. D. 83.*
16. *RGVIA. F. 489. Op. 1. D. 1988.* (in Russ.).
17. *RGVIA. F. 489. Op. 1. D. 1993.* (in Russ.).
18. Rummel`, V.V., & Golubczov V.V. (1887). *Rodoslovny`j sbornik russkix dvoryanskix familij. T. 2. Spb: Izdanie A. S. Suvorina, 918 s.*

19. Rumyancev, P.A. (1955). Dokumenty`. Russkie polkovodcy. T. 2. M.: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony` SSSR, 864 s. (in Russ.).

20. Xronologicheskij ukazatel` voenny`x dejstvij russkoj armii i flota. T. 1. 1695–1800 gg. Spb., 1908. 273 s. (in Russ.).

дата поступления: 20.11.2023

дата принятия: 03.12.2023

© Пузанов В.Д., 2024

УДК 94(47).08

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/04>*Ершов М.Ф.***МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ЮГРЕ
И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.***M.F. Ershov***INTERETHNIC CONTACTS IN YUGRA AND CHRISTMAS STORIES OF THE TURN OF
THE 19TH – 20TH CENTURIES**

Аннотация. Этнические стереотипы во многом обуславливают действия индивида при его контактах с чужаками – представителями другой культуры. В тоже время, эти действия, как и стереотипы, не есть что-либо неизменное. Целью публикации является исследование эволюции отношения к аборигенам Югры на рубеже XIX – XX вв. Для её достижения необходимо обращение к местным социокультурным реалиям. Сведения о них отображены в различных историко-этнографических источниках, к которым, в частности, допустимо отнести и некоторые произведения художественной литературы. Особое место здесь принадлежит жанру рождественских (святочных) рассказов, чья специфика обычно изучается литературоведами. При этом в провинциальной литературе нередко имеется информация о восприятии аборигенов русским населением. Специфика настоящего исследования потребовала использования междисциплинарного подхода, в котором теоретические наработки литературоведения дополняют историко-этнографические методы. Полученные результаты свидетельствуют об амбивалентном отношении в российской культуре к межэтническим контактам с народами Севера. Образы аборигенов связывались с потенциальными угрозами из иного мира. И, одновременно, они же выступали жертвами обмана, насилия и отверженными носителями подлинных христианских добродетелей. Кроме того, присутствовало осязаемое различие в оценочных суждениях между народной и официальной культурой. Народная культура тяготела к стабильности, повторяемости и цикличности. Напротив, официальная культура с её европейским рационализмом, ориентировалась на ценности прогресса. Рождественские рассказы периферийных писателей, дополненные этническим колоритом, были свидетельствами нового в общественном сознании. На региональном уровне возрастало значение межэтнической коммуникации, усиливалась этническая толерантность, постепенно сближались и даже переплавлялись разобщенные компоненты отечественной культуры, хотя данные

Abstract. Ethnic stereotypes largely determine the actions of an individual during his contacts with strangers – representatives of a different culture. At the same time, these actions, like stereotypes, are not permanent. The objective of the paper is to study the evolution of the attitude to the Yugra aborigines at the turn of the 19th – 20th centuries. To achieve it, it is necessary to address the local sociocultural realities. Information about them is reflected in various historical and ethnographic sources, which, in particular, can include some works of fiction. A special place belongs to the genre of Christmas (Yuletide) stories, which specifics are usually studied by literary scholars. At the same time, provincial literature often contains information about the perception of aborigines by the Russian population. The specifics of the study required the use of an interdisciplinary approach, in which the theoretical developments of literary criticism complement historical and ethnographic methods. The results obtained indicate an ambivalent attitude to interethnic contacts with the peoples of the North in Russian culture. Images of the aborigines were associated with potential threats from another world. And, at the same time, they acted as victims of deception, violence and rejection by bearers of genuine Christian virtues. In addition, there was a noticeable difference in value judgments between folk and official culture. Folk culture tended towards stability, repetition and cyclical nature. On the contrary, the official culture with its European rationalism, was oriented towards the values of progress. Christmas stories by peripheral writers complemented by ethnic flavor were the evidence of something new in the public consciousness. At the regional level, the importance of interethnic communication and ethnic tolerance increased. The disparate components of Russian culture gradually came closer together, although these processes were not yet completed. Only further consideration of

процессы тогда еще не были завершены. Лишь дальнейшее рассмотрение литературных тестов способно помочь в осознании противоречий прошлого.

Ключевые слова: абориген; восприятие; образ; рождественский (святочный) рассказ; этнический стереотип; фольклор; Югра.

Сведения об авторе: Ершов Михаил Федорович, ORCID: 0000-0002-8518-4368, канд. ист. наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия, mferhov@mail.ru

literary tests can help in understanding the contradictions of the past.

Keywords: aborigine; perception; image, Christmas (Yuletide) story; ethnic stereotype; folklore; Yuga.

About the author: Mikhail F. Yershov, ORCID: 0000-0002-8518-4368, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russia, mferhov@mail.ru

Ершов М.Ф. Межэтнические контакты в Югре и рождественские рассказы рубежа XIX–XX вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/04>

Ershov M.F. (2024). Interethnic Contacts in Yuga and Christmas Stories of the Turn of the 19th – 20th Centuries. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/04>

Ряд рождественских (святочных) рассказов допустимо использовать как историко-этнографические источники. В художественной форме в них отображена потребность в неожиданном чуде и жажда дефицитного добра. В основе этих рассказов – единство фольклора и профессиональной литературы, зафиксированное исследователями [2; 6; 17]. Предсказуемость и оптимизм литературных развязок не отменяют самой возможности реконструкции конкретно-исторических особенностей и специфики авторского видения. В конечном итоге, историческая критика этих рассказов содействует выявлению изменений в этнических стереотипах. В исследовании на материалах этнографических описаний и рождественских рассказов рубежа XIX–XX вв. раскрыта эволюция отношения русского населения к коренным народам Югры и межэтническим контактам. Изучение взаимоотношений между представителями различных этносов весьма традиционно. Имеются публикации, посвященные таким контактам в истории Югры [3; 4; 5]. Особенность исследования потребовала использования междисциплинарного подхода, в котором теоретические наработки литературоведения дополняют историко-этнографические методы.

Рождественские рассказы имеют глубокие исторические корни. В различные периоды прошлого в них фиксировались социальное неблагополучие, жизнь обездоленных и искренние надежды на перемены к лучшему. Многие писатели создавали и создают рождественские рассказы. Емкое определение такого произведения дал Н.С. Лесков: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело» [9, с. 4]. Гуманизм рождественских рассказов

обычно связан с ценностями Нового Завета. Писатель рубежа XIX – XX вв. А.И. Свирский при описании обездоленных в очерке «Святки» обращался к читателям: «Вот туда, в эти угрюмые вертепы, вы, сытые баловни, взгляните на минуту. На одну минуту подавите в себе чувство гадливости и посмотрите до какой степени пал ваш ближний, ваш брат по Христу» [14, с. 7].

Акцентирование внимания на контрасте между благополучием и бедствиями, между комфортом и бездомностью, между сытостью и голодом не случайно. В традиционной русской культуре значимые компоненты времени и пространства качественно отличались друг от друга. Но основное различие в культуре было между профанностью и сакральностью. Граница между этими сферами в принципе не являлась непреодолимым препятствием. Вопрос заключался лишь в том, как именно, где и когда было возможно соприкосновение с иными мирами для обычного человека. Святки, связанные с Рождеством, считались временем, в котором события, невозможные в повседневности, оказывались не только вероятными, но и допустимыми. «Пограничные» Святки были насыщены магическими обрядами, гаданиями, приметами, обычаями или запретами. Переходность святочного времени в России была особенно значимой для периферийных областей, во многом лишенных неформального статуса принадлежности к миру Святой Руси. К таким землям относилась некогда «басурманская» Сибирь: её русское население подспудно осознавало свою маргинальность и близость к запредельному миру.

Этнографические материалы свидетельствуют, что, по представлениям русского населения, переходы в иные миры отличались многообразием. Они существовали в жилой застройке и особенно вне её: в воде и в лесной чаще. Были также и живые носители: от животных до людей. По мнению жителей Сургута, лицами, связанными с нечистой силой, были «чернокнижники», «еретики» («еретицы») и «вещицы» [10, с. 48-59]. Кроме этих тайных посредников имелись и явные. В первую очередь к ним относились аборигены. В глазах русских, коренные народы Севера были причастны к потенциальным угрозам иного мира. Признание русскими положительных качеств у аборигенного населения, однако, «отменялось» значимым обстоятельством: инородцы, по мнению русских, не были полноценными людьми. Одна из причин негатива – их религия, непонятная для русских жителей. «Первый, главнейший и упорный предрассудок сургутян относительно остяков выражается словами: “остяк – собака” ... – отмечал И.Я. Неклепаев. – С этого пункта нельзя сбить сургутянина. Они охотно признают за остяками все их хорошие качества – честность, гостеприимство, услужливость, прекрасно умеют пользоваться ими, иной раз не прочь даже, при сравнении с русским, отдать предпочтение остяку, в смысле его большей правдивости и честности, и, например, свободно положиться на остяка в том, что не всегда доверяют русскому, но за всем этим, раз дело касается общей характеристики остяков, она неизменно выражается у сургутян формулой: остяк – собака» [10, с. 68].

Появление этого этнического стереотипа, сложившегося ещё со времен покорения Сибири, было вполне закономерно. Всё чуждое первоначально вызывает у человека

реакцию отторжения, и, в том числе, – агрессию. Данный стереотип также отчасти содействовал сохранению собственной культурной специфики первопроходцами и их преемниками при отдалённости от метрополии и в условиях иноэтничного окружения. Он же в последующем служил оправданием обмана и насилий со стороны предпринимательских слоёв и чиновников в отношении аборигенов. Однако у негативного отношения существовали свои пределы. Признание того, что аборигены поклоняются «чёрту», выводило последних за грань обыденности. Считалось, что остяки при обиде вполне могли навести порчу, смертельную болезнь на зарвавшегося аморального русского [10, с. 71-74]. Рост межэтнических коммуникаций постепенно деформировал негативный образ «чужого». Явочным порядком у аборигенов постепенно стали признавать не только отдельные положительные свойства, но и человеческие качества в целом. Происходило это не разово (однократно), и процессы изживания прежнего стереотипа растянулись на десятилетия. С.П. Швецов в воспоминаниях о Сургуте 80-х гг. XIX в. упоминает, как у торговца, обманывавшего аборигенов, внезапно проснулась совесть и началось раскаяние. Подобный случай был не единственным в городе [10, с. 106-107].

Несомненно, что христианское миссионерство и европейский рационализм при этом смягчали нравы не столько инородцев, сколько местного русского старожильческого населения. Важная роль здесь принадлежала рождественским (святочным) рассказам, своеобразному синтезу идей прогресса, христианской культуры и фольклорных преданий. Типичные персонажи этих рассказов – несчастные маргиналы, дети, старики. Они воплощали близость к иному миру, момент рождения (перерождения) или смерти, что перекликалось с устоявшимися жизненными циклами. «Кстати, – задаётся вопросом литературовед М.Н. Эпштейн, – откуда у маленьких детей и первобытных народов мифологическое, с нашей точки зрения – причудливо-фантастическое, восприятие действительности? Не оттого ли, что их предыдущая жизнь – в утробе, до рождения – такой и была и еще свежа в их памяти: непрерывное перевоплощение из одной формы в другую, сквозной пролет по всем ступеням животного царства?» [20, с. 35]. Очевидно, что краткостью пребывания в нашем мире детство действительно близко к иным сферам. Нечто подобное происходило и с аборигенами, которых европейские наблюдатели нередко причисляли либо к неразумным «детям природы», либо к народам в «старческом возрасте», якобы уже лишенным жизненных сил и неспособным отвечать на вызовы времени. Кроме того, повсеместно существовала вера в скорую гибель «диких» народов. Так, на Обском Севере были распространены следующие суждения: «Орда или азиатцы (так называют русские остяков) не живет между Русью: как только мы поселимся, то остяк перестает плодиться» [1, с. 353].

Последовательно оппозиция рождения, жизни и смерти проводится в рассказах К.Д. Носилова. У писателя-беллетриста с избытком хватало личных впечатлений от контактов с жителями Севера, при длительных путешествиях и зимовках на Новой Земле. В рассказе

«Из рождественских воспоминаний» описана депрессия главного персонажа, от чьего имени ведется повествование. Далее следует спасение старика-самоеда, случайно раненного выстрелом из ружья. Конец рассказа, в отличие от начала, вполне оптимистичен: и самоеды, и русские на отдалённой Новой Земле весело празднуют Новый год. Герой, однако, пытается понять, что же с ним произошло: «мне не верилось, что полярная ночь могла убить во мне силы, ум, чувства, истощить до того, что потребовалось сильное, страшное ощущение, чтобы воротить ко мне силы, ум, чувства, чтобы снова сделать живым, любящим, сильным человеком. И мне казалось – не я спасал старика-самоеда, а он меня. Он спас нас от того сна, которым засыпали многие в этой полярной пустыне» [11, с. 70]. Еще одно произведение К.Д. Носилова «Цинга. Святочный рассказ» сюжетно перекликается с предыдущим. Участники зимовки, собравшись в рождественский вечер, рассказывают необычные истории о посещении их в долгие полярные ночи то ли покойниками (вымершая чудь белоглазая), то ли оборотнями, то ли цингой в образе обнаженной женщины. И здесь люди, вне этнической принадлежности, совместными усилиями противостоят суровой природе и тому болезненному мороку, который пытается их одолеть [11, с. 71-83].

Вершиной святочных произведений К.Д. Носилова является рассказ «Рождество в снегу». Для зимнего путешествия через Уральские горы герою, с которым писатель привычно отождествляет себя, нужен проводник с оленями. И, в конечном итоге, проводник находится. Это вогул Певзнер, который отказывается ехать без жены:

– Без бабы я не поеду, – заявляет он решительно. – Пим порвётся – кто его чинить будет? Котёл варить – что я сам буду его варить? Без бабы когда наш брат ездит в дорогу?

В рождественскую ночь, в непогоду, возле костра, проводник будит путешественника и просит водки: человек родился. Оказывается, жена Певзнера только что разрешилась от бремени: «И лес, и звёзды, и эта тихая ночь кажутся мне совсем другими, я готов молиться и плакать. Родился человек, думаю я и никак не могу постигнуть этой тайны, как никогда не мог я постигнуть другой – рождения в эту ночь Спасителя. Это что-то выше человеческого разума, это что-то выше нашей бедной обстановки жизни со всеми её радостями, которые стущёвываются перед тайнами мира», – размышляет повествователь, от лица которого ведется рассказ [12, с. 98-109].

В незначительной мере дорожный мотив представлен в рассказе И.Ф. Колотовкина «Нехристь. Из нравов далёкой старины». Главная проблема повествования – что есть подлинные христианские ценности. Перед Рождеством смотритель на прииске богомольный Мартын Агафоныч не желает войти в положение Наума, хотя, он, отчасти, и является источником бедствия наёмного работника. В деревне у Наума жена и шесть голодных детей, но тяжкая работа на прииске средств к существованию не дала. По дороге домой замерзающий мужик встречает тройку оленей, управляемую стариком-аборигеном. «Вогул этот был пьян, весел, наивен, как сущее дитя, и до крайности словоохотлив». Старик везёт исправнику добытых соболей. Перед Наумом встала мучительная дилемма – что же

важнее: накормить голодных детей или избежать соблазна греха? Наум, выбирая первое, вырывает соболя и, столкнув пьяного аборигена с нарт, уезжает. Однако в дороге, не справившись с упряжкой, Наум падает с нарт и остаётся замерзать в снегу. Его повторное спасение вновь приходит от прежнего вогула, к которому вернулись олени. Старик дарит соболей, объясняя, что у него их много, а у Наума ничего нет [7, с. 280-289].

Дорожные трудности присутствуют у Л.А. Корикова-Михайлова в рассказе «Буря в тундре (Из воспоминаний северянина)». В этом рассказе описана поездка на Рождество в Березов и вынужденное возвращение обратно вместе с ямщиком, мальчиком-евреем. Тяжелая дорога в оба конца составила около тысячи вёрст. Вероятно, что добровольное путешествие было вызвано потребностью в общении фельдшера, живущего в отдалённой глуши. В дороге встретилось много опасностей. Были встреча с волками, попадание в полынью и другие неприятности на грани смерти, но, в привычном соответствии с рождественскими клише, поездка закончилась благополучно [3]. Примеры гибельных ситуаций у аборигенов даны Л.Х. Симоновой в книжке «Эзе: очерки из быта остяков». Чиновники, скупщики, добыча золота и меди делают невозможной прежнюю жизнь. Часть коренного населения вынуждена уйти дальше в тайгу, на северо-восток. Главная героиня, чтобы спастись от голодной смерти, идет по зимней дороге и, ослабевшая, теряет сознание. Затем следует рождественский финал. Девочка вначале попадает в семью священника, а затем в городской приют. Там Эзе овладевает грамотой и собирается выйти замуж за своего единоплеменника Иту. Она считает, что, и живя с мужем в юрте, нужно уметь отстаивать свои права: не позволять рыботорговцам обманывать себя, при заболеваниях требовать от властей докторов, пользоваться кредитом в казённых хлебозапасных магазинах [15]. Характерно, что Л.Х. Симонова не озабочена выяснением этнической принадлежности своей героини: в иных изданиях этого автора Эзе причислена к самоедам [16].

«Ёлка Митрича» Н.Д. Телешова является общепризнанным хрестоматийным рождественским рассказом. Он неоднократно переиздавался, как в царской, так и в советской России. Рассказ написан под впечатлением от поездки писателя на Урал и в Сибирь в конце XIX в. В настоящем исследовании это единственное анализируемое произведение, принадлежащее перу столичного, не периферийного литератора. Судя по всему, место действия этого рассказа – временный переселенческий городок возле Тюмени. Современников ужасали положение и массовые заболевания в среде крестьян, переезжавших в Сибирь. Случалось, что малолетние дети умерших родителей здесь оказывались одни, без присмотра. Главный герой рассказа, отставной солдат Митрич, сторож возле переселенческих барачков. Под Новый год он, по собственной инициативе, организует ёлку с подарками для восьми детишек, оставшихся без попечения взрослых [18, с. 159-167]. У датчанина Сигерта Патруссона в книге о путешествии по Сибири в 1889 – 1895 гг. присутствует описание как в Рождество по Сургуту ходят дети и славят Христа, надеясь на подарки взрослых. Путешественник замечает, что, поскольку почти все они дети

бедноты, то «в этом нет ничего предосудительного; наоборот, следует, как бы то ни было, считать этот обычай похвальным» [13, с. 137].

По различным основаниям, дети, приезжие и, особенно, аборигены воспринимались как чужаки русским старожильческим населением Югры. Коренные народы, полностью или частично, принадлежали к иному миру. Затем, в ходе исторического развития, негативный этнический стереотип постепенно деформировался. Это нашло отображение в провинциальной художественной литературе, когда на рубеже XIX–XX вв. создаются положительные образы аборигенов. Они в литературных произведениях выступают жертвами обмана, насилия и – одновременно – отверженными носителями христианских добродетелей. Отсутствие перспектив быстрого улучшения бедственного положения аборигенного населения провоцировало обращение к фантастическим сюжетам. Так рождественские рассказы в художественной форме воспроизводили максиму Христа о царствии Небесном: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф 19:27–30). Вхождение в сакральный мир требовало преодоления испытаний и качественного (пере)рождения. Конструируемые в соответствии с логикой мифа образы персонажей из числа коренных народов оказались во многом отвлечёнными от подлинных реалий и внутренне противоречивыми. Для них характерны как гуманистический потенциал, так и отказ от психологической глубины. Данные образы не смогли покинуть мифический массив. Достичь принципиально новых соответствий с отображаемыми объектами им не удалось. Это обстоятельство провоцировало ряд последующих кризисов в межэтнических контактах. Однако анализ взаимосвязей между эволюцией этнических стереотипов и государственной политикой последующего времени не входит в число задач настоящей публикации.

Литература

1. Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94. № 1. С. 353-388.
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Языковый центр СПбГУ, 1995. 256 с.
3. Ершов М.Ф. Вне цивилизации: восприятие аборигенов Северо-Запада Сибири в XIX – начале XX в. // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России. Омск: Изд-во Омск гос. ун-та, 2021. С. 201-210.
4. Ершов М.Ф. Об эволюции воззрений на характер аборигенов Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. №2(58). С. 41-48.
5. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.

6. Козина Т.Н. Метаморфозы рождественского архетипа в современном рассказе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (22). С. 84-90.
7. Колотовкин И. «За горами» и другие рассказы. Екатеринбург: Тип-я. С. Словцова, 1905. 289 с.
8. Корилов Л. Буран в тундре (Из воспоминаний северянина) // Сибирская торговая газета. 1903. № 1. 1 янв.
9. Лесков Н.С. Святочные рассказы. СПб., М.: Изд.-е Тов.-а М.О. Вольф, 1886. 403 с.
10. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Т. 30. Омск: Тип-я Окр. штаба, 1903. С. 27-230.
11. Носилов К.Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1903. 327 с.
12. Носилов К.Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1904. 255 с.
13. Патурссон С. От Фарер до Сибири. М.: Паулсен, 2019. 304 с.
14. Свирский А.И. Погибшие люди. Очерки. Т. 1. Мир трущобный. СПб.: Изд-е А.Н. Морозова, 1898. 248 с.
15. Симонова Л. Эзе: очерки из быта остяков. СПб: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1906. 95 с.
16. Симонова Л.Х. Ильдиа. СПб.: Родник, 1886. 63 с.
17. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
18. Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. М.: Сов. Россия, 1983. 336 с.
19. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.
20. Эпштейн М.П. Отцовство: Роман-дневник. М.: Ника, 2014. 320 с.

References

1. Gubarev, K. (1863). Ot Tobol'ska do Berezova. *Sovremennik*. T. 94. № 1. S. 353-388. (in Russ.).
2. Dushechkina, E.V. (1995). Russkij svyatochny`j rasskaz: stanovlenie zhanra. SPb.: Yazy`kovy`j centr SPbGU, 256 s. (in Russ.).
3. Ershov, M.F. (2021). Vne civilizacii: vospriyatie aborigenov Severo-Zapada Sibiri v XIX – nachale XX v. *Lyudi imperii – imperiya lyudej: personal'naya i institucional'naya istoriya aziatskix okrain Rossii*. Omsk: Izd-vo Omsk gos. un-ta, S. 201-210. (in Russ.).

4. Ershov, M.F. (2022). Ob e`volyucii vozzrenij na xarakter aborigenov Tobol`skogo Severa v XIX – nachale XX vv. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. №2(58). S. 41-48. (in Russ.).
5. Karix, E.V. (2004). Mezhe`tnicheskie otnosheniya v Zapadnoj Sibiri v processe ee xozyajstvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 232 s. (in Russ.).
6. Kozina, T.N. (2012). Metamorfozy` rozhdestvenskogo arxetipa v sovremennom rasskaze. *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki*. № 2 (22). S. 84-90. (in Russ.).
7. Kolotovkin, I. (1905). «Za gorami» i drugie rasskazy`. Ekaterinburg: Tip-ya. S. Slovczova, 289 s. (in Russ.).
8. Korikov, L. (1903). Buran v tundre (Iz vospominanij severyanina). *Sibirskaya trgovaya gazeta*. № 1. 1 yanv. (in Russ.).
9. Leskov, N.S. (1886). Svyatochny`e rasskazy`. SPb., M.: Izd.-e Tov.-a M.O. Vol`f, 403 s. (in Russ.).
10. Neklepaev, I.Ya. (1903). Pover`ya i oby`chai Surgutskogo kraja. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo Obshhestva*. T. 30. Omsk: Tip-ya Okr. shtaba, S. 27-230. (in Russ.).
11. Nosilov, K.D. (1903). Na Novoj Zemle. Oчерки i nabroski. SPb.: Izd-e A.S. Suvorina, 327 s. (in Russ.).
12. Nosilov, K.D. (1904). U vogulov. Oчерки i nabroski. SPb.: Izd-e A.S. Suvorina, 255 s. (in Russ.).
13. Patursson, S. (2019). Ot Farer do Sibiri. M.: Paulsen, 304 s. (in Russ.).
14. Svirskij, A.I. (1898). Pogibshie lyudi. Oчерки. T. 1. Mir trushhobny`j. SPb.: Izd-e A.N. Morozova, 248 s. (in Russ.).
15. Simonova, L. (1906). E`ze: oчерки iz by`ta ostyakov. SPb: Tipo-lit. M.P. Frolovoj, 95 s. (in Russ.).
16. Simonova, L.X. (1886). Il`dia. SPb.: Rodnik, 63 s. (in Russ.).
17. Slyozkin, Yu. (2017). Arkticheskie zerkala: Rossiya i maly`e narody` Severa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 s. (in Russ.).
18. Teleshov, N.D. (1983). Rasskazy`. Povesti. Legendy`. M.: Sov. Rossiya, 336 s. (in Russ.).
19. Shveczov, S.P. (1998). Oчерки Surgutskogo kraja // Tobol`skij Sever glazami politicheskix ssyl`ny`x XIX – nachala XX veka. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 432 s. (in Russ.).
20. E`pshtejn, M.P. (2014). Otczovstvo: Roman-dnevnik. M.: Nikeya, 320 s. (in Russ.).

дата поступления: 20.09.2023

дата принятия: 25.10.2023

© Ершов М.Ф., 2024

УДК 9.94 (571)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/05>

Задорожная О.А.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАССАЖИРОПЕРЕВОЗОК В ОБЬ-ИРТЫШСКОМ ВОДНОМ БАСЕЙНЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

О.А. Zadorozhnyaya

ORGANIZATION OF PASSENGER TRANSPORTATION IN THE OB-IRTYSH WATER BASIN (END OF XIX – EARLY XX CENTURIES)

Аннотация. В современной исторической литературе проблема становления и развития речных компаний активно исследуется историками, что позволяет проследить создание новых форм экономических отношений, прежде всего, в удаленных регионах. Однако развитие предпринимательских компаний связано с заказчиками, потребителями, потенциальными клиентами. Перевозка пассажиров для конца XIX – начала XX вв., в том числе в Обь-Иртышском водном бассейне, становилась востребованной коммерческой услугой, которая в отсутствии альтернативных вариантов транспортировки приносила неплохой доход. Цель данной статьи – показать организацию и динамику пассажироперевозок в Обь-Иртышском водном бассейне. При подготовке данной работы использовался статистический метод и метод выборочного анализа данных из отчетной документации нескольких речных компаний. Это позволило выделить не только категории и группы пассажиров, но и показать условия размещения при транспортировке по рекам Обь-Иртышского водного бассейна. Хотя групп перевозимых пассажиров было семь, основными заказчиками данной услуги были местные жители, а самым выгодным клиентом являлось государство. Данные выводы подтверждают мнение современников, а также историков о заинтересованности всех участников процесса товарно-денежных отношений в Западной Сибири в развитии не только железнодорожного транспорта, но и речного. Источники указывают также на то, что крупные речные перевозчики стремились диверсифицировать капитал, вкладывая его в направления, которые только оформились в Обь-Иртышском водном бассейне. Интерес вызывает организация пассажироперевозок по локальным маршрутам на Обском Севере как самими компаниями, так и по договорам с исполнительной властью.

Abstract. In modern historical literature the problem of the formation and development of river companies is actively studied by historians, which allows us to trace the formation of new forms of economic relations, primarily in remote regions. But the development of entrepreneurial companies is primarily associated with customers, consumers, and potential clients. The transportation of passengers at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, including in the Ob-Irtysh water basin, became a popular commercial service, which, in the absence of alternative transportation options, brought in good income. The purpose of this article is to show the organization and dynamics of passenger transportation in the Ob-Irtysh water basin. In preparing this work, a statistical method and a method of selective analysis of data from the reporting documentation of several river companies were used. This made it possible to identify not only categories and groups of passengers of river companies, but also to show the conditions of accommodation during transportation along the rivers of the Ob-Irtysh water basin. Although there were seven groups of passengers transported, the main customers of this service were local residents, and the most profitable client was the state. These conclusions confirm the opinion of contemporaries, as well as the conclusions of historians about the interest of all participants in the process of commodity-money relations in Western Siberia in the development of not only railway transport, but also river transport. Sources also indicate that large river transport companies sought to diversify their capital by investing it in areas that had just taken shape in the Ob-Irtysh water basin. Of interest is the organization of passenger transportation both by the company itself and under contracts with the executive authorities of local routes in the Ob North.

Ключевые слова: пароход; пассажир; Обь-Иртышский водный бассейн; легко-пассажирское пароходство; каюты I–IV класса; пароход.

Сведения об авторе: Задорожная Ольга Анатольевна, ORCID: 0000-0002-1305-9728, канд. истор. наук, доцент; Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Keywords: steamship; passenger; Ob-Irtysh water basin; light passenger shipping company; I–IV class cabins; steamship.

About the author: Olga A. Zadorozhnyaya, ORCID: 0000-0002-1305-9728, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Surgut State University, Surgut, Russia, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Задорожная О.А. Организация пассажироперевозок в Обь-Иртышском водном бассейне (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/05>

Zadorozhnyaya, O.A. (2024). Organization of Passenger Transportation in the Ob-Irtysh Water Basin (End of XIX – Early XX Centuries). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/05>

Создание единой транспортной системы отразилось как на изменениях в структуре перевозок в Сибири, так и на включении этого региона в экономическую систему Российского государства. Природно-ландшафтные особенности зауральских территорий способствовали активному использованию речных систем для транспортировки грузов и пассажиров. В научной литературе рассматривается проблема организации обслуживания пассажиров как фактора конкурентоспособности и рентабельности речных компаний Западной Сибири [14, с. 26-30].

В Обь-Иртышском водном бассейне в конце XIX – начале XX вв. из 91 речных компаний только три пароходства в качестве приоритетного направления деятельности указывали перевозку людей. Первоначально «Легко-пассажирское пароходство Е.И. Мельниковой» планировало заниматься только перевозкой пассажиров по рекам Западной Сибири, но со временем стало практиковать доставку попутного груза и пассажирского багажа [12, с. 161-182]. Остальные речные компании, как правило, совмещали грузоперевозки и пассажироперевозки, чтобы обеспечить полную загрузку мощностей. Самое большое пароходство «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» свою стратегическую политику определило как осуществление пароходного сообщения по рекам Западной Сибири с притоками и по реке Чулыме до города Ачинска [25, с. 1]. В Уставе «Русско-Китайского акционерного общества пароходства и торговли» отмечались следующие направления деятельности: перевозка пассажиров и грузов, производство торговли между Европейской Россией, Сибирью и Китаем [24, с. 2].

Организация пассажироперевозок по рекам Обь-Иртышского водного бассейна прежде всего была тесно связана с группами заказчиков данной услуги: местные жители, переселенцы, ссыльные, призывники, мобилизованные, арестанты и т. д. Но из всего списка только первую группу можно отнести к пассажирам, т. к. они приобретали билеты, а остальные, как правило, попадали на суда в соответствии с заранее подписанным договором

с предпринимательскими компаниями или исполнительными органами власти. Договорные перевозки могли осуществляться как на отдельных судах, так и вместе с обычными пассажирами, что обеспечивало рентабельное использование единиц речного транспорта. В источниках в качестве пассажиров паровых судов упоминались следующие категории: пассажиры I и II классов (размещались в каютах), III и IV классов (на палубе), воинские команды, переселенцы и арестанты. Договорные перевозки предполагали транспортировку не только арестантов, переселенцев, но и мобилизованных. В последнем случае в Уставе «Русско-Китайского акционерного общества пароходства и торговли» отмечалось, что для нужд армии и флота любое судно может быть изъято во временное пользование. При этом судовладелец мог рассчитывать на получение вознаграждения в размере 5% годовых от первоначальной стоимости или 6% от балансовой стоимости судна на момент изъятия [24, с. 9]. Исполнительные власти могли осуществлять по мере надобности ремонт речного судна, чтобы вернуть его владельцу в исправленном состоянии.

По данным статистики на начало XX в. число пассажироперевозок по трем главным рекам Сибири доходило до 527 088 человек в год: на Обь приходилось 316 414, Енисей – 63 515, Амур – 147 159. Соответственно, основной поток пассажироперевозок – более 60% от общего числа – следовал по Оби и ее притокам. Это связано с отсутствием в регионе других видов транспорта, выгодным местоположением Обь-Иртышского водного бассейна. Именно эти факторы обеспечивали увеличение числа пассажиров, например, за период с 1904 по 1907 гг. на 43%: в 1904 г. было перевезено 174 593 человек, в 1905 г. – 118 651, в 1906 г. – 238 378, в 1907 г. – 316 414 [22, с. 3-7].

В целом в Обь-Иртышском водном бассейне преобладала перевозка пассажиров III–IV класса и переселенцев, на которых приходилось 83,9% по данному региону и 50,4% – в Сибири (См.: табл. 1).

Таблица 1

Классификация пассажиров речных судов в Сибири на 1907 г. [22, с. 74-75]

группы пассажиров	Сибирь		Обь-Иртышский бассейн	
	человек	%	человек	%
I и II класса	63466	12	45049	14,3
III и IV класса	325783	61,8	161649	51
военных	15554	3	4849	1,5
переселенцев	120630	22,9	103981	32,9
арестантов	1692	0,3	886	0,3
Итого	527088	100	316414	100

Безусловно, увеличение численности перевозки переселенцев и военных связано с социально-политической ситуацией в стране, такими как Русско-японская война, Первая русская революция, аграрная реформа П.А. Столыпина, а также с последствиями разорения значительной массы крестьянства в пореформенный период, нарастанием темпов промышленного переворота и т. д. Так, поток переселенцев увеличился в 1907 г. по сравнению с 1904 г. в 155 раз. Отметим, что статистика учитывала только тех, кто

переселялся по государственным программам, а речные компании доставляли эту группу населения по договорам, самостоятельные переселенцы здесь, как правило, не учитывались.

Появление новых речных маршрутов и усложнение структуры эксплуатируемых направлений способствовали выделению наиболее приоритетных направлений движения по Обь-Иртышскому бассейну – по Оби и ее притокам: Северная Сосьва, Иртыш, Тобол, Тавда, Тура, Томь и Бия (См.: табл. 2). Отметим, что практически все категории пассажиров начинали или завершали свое движение в пределах указанного региона. По численности пассажиропотока выделились реки Обь, Иртыш и Томь, на которые приходилось 87% пассажироперевозок. По рекам Тоболу, Тавде и Северной Сосьве следовало небольшое число пассажиров, в основном эти поездки совершали местные жители, рабочие рыболовных артелей, чиновники или арестанты (р. Тавда).

Таблица 2

**Численность отбывающих и прибывающих пассажиров
по Оби и ее притокам на 1907 г. [22, с. 75-76]**

группы пассажиров	реки								всего
	Обь	Сев. Сосьва	Иртыш	Тобол	Тавда	Тура	Томь	Бия	
число отбывших пассажиров									
I и II класс	19197	6	16840	107	-	1805	4594	2500	45049
III и IV класс	88935	14	45773	678	-	5559	14521	6170	16149
военные	2921	-	1696	-	-	33	104	95	4849
переселенцы	68859	-	30707	8	-	-	945	2261	103981
арестанты	298	-	300	-	1205	171	117	-	886
итого	180210	20	95311	793	1205	7568	20281	11026	316414
число прибывших пассажиров									
I и II класс	18806	13	16461	62	-	2278	5038	2391	45049
III и IV класс	88441	14	45664	804	-	5968	14942	5816	16149
военные	2581	-	1583	-	-	124	153	408	4849
переселенцы	69266	-	30677	1	-	1253	1335	1449	103981
арестанты	363	-	179		-	179	90	75	886
Итого	179457	27	94546	867	-	9802	21558	10139	316414

По берегам рек Сибири в населенных пунктах стали оборудовать пароходные пристани со складскими помещениями, механизмами для разгрузки и погрузки грузов. Из восемнадцати оборудованных пристаней по реке Оби с притоками 85% пассажиропотока приходилось на десять городов: Барнаул, Бийск, Камень, Ново-Николаевск, Омск, Павлодар, Семипалатинск, Тобольск, Томск и Тюмень.

Однако соотношение отправленных и прибывших пассажиров на эти пристани было связано с экономической значимостью речного участка и численностью населения (См.: табл. 3, 4). По числу отправленных и прибывших пассажиров в указанный период лидировали Ново-Николаевск и Барнаул, довольно стабильная ситуация характерна для Омска, Томска и Камня.

Таблица 3

**Общая численность отправленных пассажиров
с основных пристаней Обь-Иртышского бассейна в навигацию 1907 г. [22, с. 75-76]**

№	пристани	всего пассажиров	категории пассажиров			
			I–IV класс	переселенцы	военные	арестанты
1	Ново-Николаевск	41428	5673	34343	1361	51
2	Барнаул	31597	11854	18113	1342	288
3	Омск	21401	9077	11644	680	-
4	Томск	18765	17600	945	103	117
5	Камень	13591	1540	11911	140	-
6	Тобольск	11581	11117	27	145	292
7	Семипалатинск	11152	2144	8252	756	-
8	Бийск	8670	6314	2261	95	-
9	Тюмень	6906	6702	-	33	171
10	Павлодар	6723	2651	4048	24	-
всего		171814	74762	91544	4679	919

Таблица 4

**Общая численность прибывших пассажиров
на основные пристани Обь-Иртышского бассейна в навигацию 1907 г. [22, с. 74-76]**

№	пристани	всего пассажиров	категории пассажиров			
			I–IV класс	переселенцы	военные	арестанты
1	Барнаул	36329	8226	26689	1302	112
2	Ново-Николаевск	34831	5586	28152	1024	69
3	Омск	21214	3853	17361	660	-
4	Томск	19779	18204	1335	150	90
5	Камень	13762	5333	8330	99	5
6	Семипалатинск	11948	4687	6588	673	-
7	Тобольск	11022	10677	132	42	171
8	Бийск	8207	6275	1449	408	75
9	Тюмень	7746	6369	1253	124	179
10	Павлодар	7517	3349	4102	66	8
Итого		172355	72559	95391	4548	709

По отдельным группам пассажиров наблюдались отличия: основная часть пассажиров I–IV класса приходилась на Томск, Барнаул и Тобольск; в приемке паровых судов с переселенцами лидировали Ново-Николаевск, Барнаул, Омск; по числу доставленных военных – Ново-Николаевск и Барнаул; по арестантам – Тобольск, Барнаул и Тюмень. При этом число и группы перевозимых пассажиров на пристанях вышеназванных городов позволяли определить направление их движения (табл. 3). Безусловно, это были показатели общей статистики пассажироперевозок в Обь-Иртышском бассейне, но для каждой компании состав наиболее доходных пристаней был индивидуальный и определялся в зависимости от целей и стратегической линии пароходства.

В 1907 г. по рекам Обь-Иртышского водного бассейна было перевезено 172 355 человек. В последующие пять лет до 1911 г. наблюдалось увеличение пассажиропотока, и он в год достигал около 310 000. человек. Серьезный рост наблюдался в 1912 г., когда было

перевезено на пароходах 344 355 человек. На 1912 г. на Обь-Иртышский водный бассейн приходилось 41,5% от перевозки по трем главным бассейнам Сибири [23, с. 76-78].

В Западной Сибири, например, из заявленных 102 судов (пассажирские, товарно-пассажирские и буксирно-пассажирские) к эксплуатации в навигацию 1906 г. только 37% занималось плановой доставкой пассажиров. Существенным отличием пассажирских судов являлось проведение перевозок по «правильному и срочному» расписанию, что сокращало время и становилось важным фактором мотивации при выборе компании-исполнителя. В то же время буксирно-пассажирские суда тянули за собой одну или несколько груженых барж, что замедляло скорость движения. Основными пассажирами на таких судах, как правило, были сопровождающие груз и представители малообеспеченных слоев населения, не имевшие возможности приобрести более дорогие билеты. После 1910-х гг. появилась новая категория товарно-пассажирских судов с грузоподъемностью свыше 10 тыс. пудов и мощностью более 60 л. с., как правило, выполнявших заказные рейсы или доставлявшие груз к определенному времени. Скорость передвижения стала определяться категорией судна: самыми быстроходными считались пассажирские и товарно-пассажирские, для них характерна скорость свыше 10 верст/час, а для буксирных только 5 верст/час.

В целом условия перевозки пассажиров регламентировались как российским законодательством, так и внутренними документами предпринимательских компаний. Перед навигацией «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» определяло примерное количество судов для перевозки пассажиров в зависимости от планируемой интенсивности навигации, от количества договорных рейсов и т. д. С 1899 г. по 1906 г. 10 из 29 судов могли одновременно перевозить до 6 876 пассажиров, из них I класс – 7,1%, II класс – 6,7%, III класс – 86,2%. Первенство по числу перевезенных пассажиров принадлежало пароходам «Товарищество», на котором размещалось до 800 человек (III класс), «Игнатов» – до 845 (I – 37, II класс – 58, III класс – 750), «И. Колчин» – до 600 человек, «Казак» – до 600 человек. Пассажиров I класса перевозили до 50 человек на пароходах «Казанец», «И. Курбатов» и «О. Карпова», до 40 человек II класса на «Фортуна», до 35 человек на пароходах «Сарапулец» и «О. Карпова». С началом Первой Мировой войны Товарпар стал расширять варианты перевозки людей, для этого использовались 15 товарно-пассажирских двухэтажных пароходов американского типа – «Товарпар», «И. Корнилов», «П. Плещеев», «Алтай», «Азия», «Европа», «Ф. Корнилова», «И. Игнатов», «Сарт», «Нор-Зайсан», «Н. Сухотин», «И. Соколовский», «Киргиз», «Тобояк», «Петроград», – два товарно-пассажирских парохода – «Русь» и «Китай», – на которых пассажиров размещали на носу и корме над первым этажом под тентом; 7 товарно-пассажирских одноэтажных пароходов – «Казанец», «Комета», «Пермяк», «П. Андреев», «П. Березницкий», «Фортуна», «Ласточка». В 1902 г. было перевезено 2 886 человек или на 57% больше заявленных в начале навигации, в 1909 г. – 4 028 человек, на 46% больше, в 1915 г. – 12 479 человек, на 49% больше [1, с. 78-79; 2, с. 1017; 3, с. 257; 11, с. 169, 170-171; 12, с. 110-118; 20, с. 3-5] (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика доходности пассажироперевозок «Товарищество
Западно-Сибирского пароходства и торговли» (1899–1906 гг.)** [Составлено по: 4-8]

год	общий доход		доход от перевозки пассажиров	
	сумма (рубль-копеек)	%	сумма (рубль-копеек)	%
1899/1900	1184179-56	100	111884-61	9,4
1900/1901	1124399-04	100	87895-62	7,8
1901/1902	1082501-85	100	107111-85	9,8
1902/1903	1172296-88	100	119842-25	10,23
1903/1904	1162723-90	100	87335-51	7,5
1904/1905	1371164-03	100	110046-93	8
1905/1906	1206914-78	100	143121-54	11,9

Хотя перевозка пассажиров и относилась к коммерческой операции, для многих компаний она была не основным направлением предпринимательской деятельности. Нередко речная компания в начале деятельности на несколько навигаций увеличивала число пассажирских судов, что оказывалось нерентабельным. Поэтому основной оставалась практика комбинирования коммерческих услуг. В отчетных документах компании упоминались буксирно-пассажирские, товарно-пассажирские, буксирно-товарно-пассажирские и товарно-буксирно-пассажирские суда, но пассажирских судов эксплуатировалось одно или два. Отметим, что некоторые группы пассажиров перевозились на непаровых судах, арстанты и переселенцы нередко на баржах.

По данным отчетной документации Товарпара за навигацию 1915 г. три судна одновременно перевозили 2 932 человека, в основном это были переселенцы и рабочие для промышленных предприятий Западной Сибири. В тот же год на пароходе «Русь» по маршруту Омск–Усть-Каменогорск вместо 1 104 человек было размещено 486 человек, основные площади были заняты 18 тыс. пудов груза, а остальные пассажиры с билетами остались ждать проходящего судна [21, с. 10-15]. Самое мощное судно «И. Корнилов» (180 л. с.), чтобы не потерять прибыль из-за неполной загрузки трюмов на палубе разместило 800 человек. По данным Сибирского банковского консорциума Товарпар после 1914 г. стал лидером по перевозкам, получив большинство контрактов по транспортировке воинских чинов и военнопленных в Обь-Иртышском бассейне [20, с. 8].

Осуществление пассажироперевозок связано также с организацией структуры коммерческой деятельности и формированием соответствующей инфраструктуры. Перевозка людей по рекам требовала решения проблемы размещения, наличия удобств во время движения судна. Отметим, что любое пароходство было заинтересовано во всех группах перевозимых пассажиров, т. к. это делало компанию известной в регионе, обеспечивало ее новыми заказами по перевозке грузов, поддержку со стороны местной исполнительной власти и т. д. Для регулирования отношений речной компании и пассажиров как потребителей предоставляемых услуг утверждались «Правила перевозки пассажиров». Так, важной частью обслуживания пассажиров являлась подготовка

правильного и утвержденного расписания движения речных судов. В указанный период «правильное» расписание по рекам публиковалось в «Путеводителях по Иртышу и Оби», в официальных справочниках Министерства путей сообщения с указанием рейсов, их особенностей. В источниках упоминалось, что разные компании региона объединялись для проведения совместных рейсов, например, в 1916 г. «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», Торговый дом Корниловых и Торговый Дом Плотниковых осуществляли восемь срочных рейсов по маршрутам Тюмень – Омск, Омск – Семипалатинск, Семипалатинск – Тополев Мыс (три раза в неделю), Тюмень – Томск, Томск – Ново – Николаевск – Бийск, Тюмень – Тобольск, Тюмень – Туринск, Тюмень – Сосьвинский завод (еженедельно).

Движение судов на зауральских территориях Российского государства совершалось по столичному времени: настенные часы на пристанях и остановках показывали петербургское время и располагались рядом с расписанием. Само расписание маршрутов регулярно публиковалось в официальной прессе и вывешивалось на стендах у железнодорожных станций в Тюмени и Омске. Хотя график движения утверждался на всю навигацию, но при необходимости разрешалось вносить в него изменения, о которых должно было быть известно за сутки. Также категорически запрещалось преждевременное отплытие или задержки начала движения судов на узловых пристанях с наличием агентств компании, хотя небольшие пристани при отсутствии пассажиров разрешалось покинуть за полчаса раньше [13, с. 54-55]. В «Правилах» отдельно оговаривалось, что кассир на малых станциях при продаже билета обязан был предупредить пассажира об этой особенности.

После 1914 г. в Западной Сибири выделялось 18 обязательных речных пристаней, хотя суда, например, Товарпара, делали остановки в 108 населенных пунктах региона [19; 20]. Если у пароходства не было собственной пристани в конкретном населенном пункте, то с владельцем местной пристани подписывался договор о возможной аренде места или доставке пассажиров и груза с судна на берег на лодках. Важной частью следования становилось соблюдение длительности пребывания на остановке, что позволяло пассажирам сойти на берег. Для оповещения пассажиров о скором отходе судна давалось два свистка и только после третьего могли убрать сходни.

Размещение пассажира определялось в соответствии с классностью купленного билета и с указанием мест для пассажиров I–II классов. При перевозке групп людей, например рабочих артелей, предусматривалось приобретение одного билета на всех с указанием начальной и конечной станции. Цена билета устанавливалась в начале навигации и практически не менялась в течении всей навигации, хотя в 1901 г. из-за небольшого числа пассажиров стоимость проезда приходилось снижать, что вынудило мелких перевозчиков отказаться вообще от этой услуги [18, с. 50]. Будучи крупным участником рынка Товарпар, разрешал пользоваться «тарифом перевозок» своим партнерам: в 1913 г. в расписании парохода «Три святителя» (судовладелец В.Я. Смороденников) по маршруту Павлодар –

Ирбит указывалось, что перевозка пассажиров предоставляется по таксе Товарпара [15, с. 397].

Со временем оформились различные варианты обслуживания даже по базовому билету: пассажиру позволялось на маршруте следования сходить на берег, а затем продолжать движение на других судах этой же компании. В соответствии с российским законодательством вводилась категория бесплатных билетов, например, для сотрудников и рабочих компании-перевозчика и членов их семей, для рыболовных артелей партнеров, что обеспечивало увеличение пассажиропотока. В соответствии с российским законодательством и «Правилам пароходства Е.Г. Мельниковой» скидка 50% на билет предоставлялась для детей 2–8 лет, Товарпар детей до 5 лет перевозил бесплатно, до 10 лет оплата составляла $\frac{1}{2}$ от стоимости взрослого билета [16, с. 542]. Для предотвращения мошенничества предусматривалось «установление возраста ребенка» капитаном или его помощником в присутствии двух посторонних людей с составлением протокола при отсутствии документов. Также распространение получила продажа сезонных билетов с открытой датой, т. е. билет можно было купить еще до начала навигации по более низкой цене, а использовать в период навигации. Также льготы предусматривались для офицеров и семейных пар при проезде в каютах II класса: они получали скидку на одного человека и 25% за багаж.

Отметим, что не только права пассажира защищались законом, но и права речной компании, например, если пассажир не вышел на своей пристани, то он должен был уплатить двойной тариф. В целом, как российское законодательство, так и местные инструкции делегировали капитану судна большие полномочия, касающиеся размещения пассажиров, недопущения на судно по причинам нетрезвого состояния, грязной одежды, отсутствия свободных мест, болезненного вида и т. д. [20, с. 53]. После 1905 г. было официально разрешено провозить на судах Товарпара комнатных животных и птиц с предоставлением соответствующих документов и приобретением специального проездного билета.

В начале XX в. на всех речных судах Обь-Иртышского водного бассейна имелось электрическое освещение, а одноместные, двухместные или трехместные каюты пассажиров первых двух классов отапливались паром по показаниям погодных условий. На новых двухэтажных судах американского типа для пассажиров этих классов имелись ванны с теплой водой, а также двухсветные салоны с пианино и библиотекой. Особенностью структурирования пространства двухэтажного парохода «Алтай» было выделение зон для пассажиров всех четырех классов. Пассажиры I класса размещались в 20 одноместных каютах, в которых при необходимости могла разместиться супружеская пара. В этой части судна для пассажиров I класса были устроены три санитарных комнаты (две дамских и мужская). При входе в зону кают этого класса находилась каюта капитана судна [10, л. 7-10]. Для пассажиров I класса была устроена отдельная столовая с мебелью, а также

зона отдыха, включающая пять мягких диванов, десять кресел и несколько кресел-качалок. Для времяпрепровождения в пути имелся шахматный столик, два письменных стола, четыре небольших столика для настольных игр, два ломберных стола и 12 венских стульев. В салоне можно было послушать музыкальные произведения, исполнявшиеся на пианино приглашенными музыкантами или пассажирами. Пассажиры II класса размещались в 28 каютах как одноместных, так и двух- и трехместных. В этой зоне находились каюты первого и второго помощников капитана, каюта машиниста и каюта фельдшера [10, л. 10-13 об.]. Для пассажиров этого класса была устроена отдельная каюта-ванная и четыре санитарных комнаты. Зона принятия пищи и развлечений располагались в одном большом помещении, в центре которого стоял большой обеденный стол, в мягкой зоне – диван, четыре кресла, несколько игровых столов с 18 стульями. Отметим, что на некоторых судах имелись как общие зоны отдыха, так и отдельные залы для мужчин и женщин.

Если говорить об устройстве судна, то каюты I класса конечно были больше по площади, а также в них располагались места для сна, небольшой столик, умывальник, плевательница. Пассажиры II класса для осуществления утреннего туалета могли пройти в общую ванную комнату или заказать в каюту умывальник и таз (табл. 6). Пассажирам I–II класса разрешалось использование собственного постельного белья, но в случае его отсутствия пассажир мог за 1 рубль получить весь комплект (одеяло, подушка с наволочкой, две простыни) у буфетчика или все эти предметы по отдельности за оплату от 10 до 50 коп.

Таблица 6

Обустройство пассажирских кают I–II класса парохода «Алтай» [10, л. 7-13 об.]

№	оборудование	каюта	
		I	II класс
1	штор	1 чесучовая	1 полотняная
2	пружинных матрасов	1	2
3	фарфоровый умывальник	1	-
4	эмалированная плевательница	1	-
5	термометр	1	1
6	никелированных вешалок	4	4
7	зеркало в раме	1	1

Места для пассажиров более низкого класса (III–IV) в основном находились на палубе. Особого отличия между пассажирами этих классов не было, но пассажиры III класса помимо палубы могли разместиться под тентом второй палубы, что защищало их от ветра и дождя. Для этой категории имелось 16 крашенных столов, 16 табуреток, 22 скамейки и 32 дивана. За отдельную плату можно было взять мочальный (имелось 10 штук) или обычный (28) матрас или чехол (137) от матраса, который заполнялся на пристани соломой или вещами пассажира. Для перевозки животных и птицы на палубе были устроены курятник и собачник [10, Л. 12об.-13об.].

На пароходе «Товарпар» могли разместиться пассажиры четырех классов. Пассажирам I класса предназначалось 14 одноместных и две двухместных каюты. Здесь находились спальные места с пружинными матрасами, зеркало, полки для багажа, ковровые табуретки, умывальник, термометр, плевательница, графин с подграфинником, бра для освещения, нагрудники спасательные по количеству спальных мест. В отличие от многих судов в коридоре первого класса размещались шкафы с посудой, табуретки и телефонный аппарат. Для пассажиров было выделено салонное помещение с четырьмя диванами, шестью креслами, шестью полукреслами, отдельным креслом с письменным столом, а также игровыми столами для шахмат и других настольных игр. Также здесь находились пианино с нотами, телефонный столик с телефоном, барометр и термометр. В столовой зоне помимо обеденных столиков и тридцати двух стульев не было никакой другой мебели [9, л. 11-11 об.; 10, л. 13 об.]. Обслуживанием пассажиров самого дорогого класса занимались отдельный официант и горничная, каюты которых размещались в этой части парохода. В 24 каютах II класса одновременно размещалось до сорока двух человек. В коридоре кают II класса были устроены вешалки для одежды, шкафы с посудой, огнетушители, телефонный аппарат. В этой части судна имелась отдельная санитарная и ванная комнаты. Для обслуживания пассажиров были также выделены горничная и официант. В этой части судна располагались каюты капитана, первого и второго помощника капитана, машиниста, двух помощников машиниста, лоцмана, боцмана, двухместная каюта штурвальных, электротехника, четырехместная каюта масленщиков, фельдшера и для судовой команды – санитарная комната с местом хранения сменной одежды и постельного белья, десятиместная каюта матросов, четырехместная каюта кочегаров. Размещение пассажиров III класса было раздельное: для женщин была устроена общая дамская каюта на 16 человек, мужчины размещались под тентом на палубе, но здесь также были устроены спальные места. В этой зоне судна располагались каюты буфетчика и кухонной прислуги, а также помещение буфета и кухни [9, л. 15-17; 10, л. 13 об.-14]. Пассажиры IV класса могли устроить себе спальные места на палубе.

Длительные речные маршруты требовали от речных компаний организации питания пассажиров всех групп. Пассажиры первых двух классов на двухэтажных пароходах имели возможность принимать пищу в выделенных помещениях, на одноэтажных судах для них имелись общие рестораны и гостиные. На судах Обь-Иртышского бассейна были устроены буфеты по образцу волжских. В «Путеводителях» на очередную навигацию, как правило, публиковали ассортимент блюд с примерными ценами. В меню 1910-х гг. входили: алкогольные напитки разного вида (водка, вино, ликеры, коньяк, наливки), закуски (икра, сыр, селедка, бутерброды, пирожки, масло) и напитки (чай, какао, горячий шоколад). Отметим, что для пассажиров первых двух классов были оборудованы только места приема пищи, но не отдельные кухни, поэтому пассажир должен был заказать буфетчику обед или ужин. Как правило, в меню указывались горячие (супы) и холодные (окрошка, ботвинья,

салаты, ветчина, заливная рыба и т. д.) блюда, соусы, различные гарниры, к ним рыба или мясо, а также десерт [19, с. 88-91; 20, с. 82-84]. Во время движения судна обед готовился и подавался между 13 и 17 часами. Оплатив свой обед из двух-четырех блюд в среднем от 60 копеек до 1 рубля, пассажир получал его в столовой. На больших судах, как правило, для пассажиров III–IV классов был открыт буфет с соответствующим более дешевым меню. Особо стоит отметить, что в изучаемое время пассажиры могли заказать приготовление блюд из собственных продуктов, а пассажиры III–IV класса даже могли готовить самостоятельно на кухне. Это позволяет говорить, что продукты для блюд пассажиры могли везти с собой, в этом случае приготовление обеда обходилось около 25 копеек. С начала XX в. в Западной Сибири увеличилась численность перевозимых на судах переселенцев и военных. Эти категории пассажиров могли бесплатно получать в буфете горячую воду в свою посуду, а за чайник из буфета платили по 3 коп. [20, с. 82].

Помимо этого, пассажир речного судна мог перевезти ручной багаж до двух пудов в каюте, как правило, это был саквояж, подушка, одеяло и т. д. Все остальные вещи весом до одного пуда сдавались в багажную комнату на судне и перевозились за дополнительную плату. Багаж принимался при условии, что он будет чистым и упакованным. Так перевозка багажа приносила перевозчику дополнительный доход и была привлекательной для пассажира, но страхование до 1914 г. было необязательным, поэтому его потеря при чрезвычайной ситуации освобождала транспортную компанию от ответственности [20, с. 57].

На больших судах имелся фельдшер, на малых – аптечный ящик с медикаментами и перевязочными материалами для оказания пассажирам первой помощи [24, с. 8; 25, с. 16]. Помимо этого, компания-перевозчик должна была заботиться о пожарной безопасности как во время движения, так и при стоянке на пристани. Так, в Уставе Русско-китайского акционерного общества сказано, что «на пристанях, пароходах и судах должны были находиться в готовности и исправности огнегасительные приборы и другие средства тушения пожара» [24, с. 6]. Пароходы оснащались шлюпками по численности пассажиров и команды на случай чрезвычайной ситуации. При поломке судна компания обязывалась быстро провести ремонт или пересадить пассажиров на проходящие суда или предоставить судно взамен поломанного [17, с. 48-62].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. наблюдался процесс оформления организованных пассажироперевозок по рекам Западной Сибири. Но процесс скорее был противоречивым: с одной стороны, численность пассажиропотока увеличивалась, с другой – часть потенциальных клиентов предпочитала пользоваться железнодорожным сообщением или зимними трактами. В среднем перевозка пассажиров увеличилась за изучаемый период более чем 4,5 раза, в тоже время, численность пассажиров I–IV классов в Сибири с начала XX в. увеличилась на 75%. Для привлечения новых клиентов и заказчиков речные компании при поддержке местных властей занимались обустройством мест размещения пассажиров на пристанях во время ожидания судна. Так, Товарпар для

удобства ожидающих приобрел по 25 помещений в Тюмени и Семипалатинске, 19 – в Павлодаре, 17 – в Барнауле, по 7 – в Томске и Омске, по 2 – в Бийске, Таре и Камне, по одному – в Ирбите, Кривошекове, Евгащинске и Тобольске. Но только Семипалатинское агентство располагало специально оборудованным зданием с залами ожидания, буфетом с горячей едой, кухней для самостоятельного приготовления пищи, баней и конюшней с лошадьми [15, с. 211-227]. Так как на время движения на судне пароходства полностью несли ответственность за пассажира, поэтому были выделены зоны размещения в соответствии социальной принадлежностью: чиновники, купцы, состоятельные горожане устраивались в помещениях с отоплением и электрическим освещением [12, с. 211-227; 13, с. 54-55].

Литература

1. Вестник финансов, промышленности и торговли: Отчеты торговых и промышленных предприятий. СПб., 1905. 800 с.
2. Вестник финансов, промышленности и торговли: Отчеты торговых и промышленных предприятий. СПб., 1907. 1732 с.
3. Вестник финансов, промышленности и торговли: Отчеты торговых и промышленных предприятий. СПб., 1916. 457 с.
4. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области. Ф. 145. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАНО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11.
6. ГАНО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАНО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАНО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 44.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-50. Оп. 1. Д. 90.
10. ГАТО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 102.
11. Задорожная О.А. Паровой флот «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» (1898–1917 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 167-178.
12. Задорожная О.А. Речные компании. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2012. 253 с.
13. Задорожная О.А. Речные агентства «Товарищества Западно-сибирского пароходства и торговли» и организация ее деятельности в районе Обь-Иртышского бассейна (1898–1917 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 50-58.
14. Кротт И.И., Любимов А.А. Организация сервисного обслуживания пассажирских перевозок на речном транспорте Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 24-37.
15. Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1901 года. СПб., Скоропечат. П. О. Яблонского, 1901. 701 с.

16. Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. СПб.: Лештук. паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1912. С. 803.
17. ПСЗРИ. СПб., Государственная типография, 1901. Т. XVIII. 859 с.
18. Правила перевозки пассажиров Товариществом Западно-сибирского пароходства и торговли // Путеводитель по Иртышу и Оби. 1915. Петроград: Типография М. Пивоварского, 1915. 95 с.
19. Путеводитель по Иртышу и Оби. Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли: на 1914 г. СПб.: Художествен.-графич. ателье и печатня М. Пивоварский, 1914. 96 с.
20. Путеводитель по Иртышу и Оби: 1916 г. Петроград: Типография М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1916. 182 с.
21. Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ., 1902. 280 с.
22. Статистический сборник Министерства Путей сообщения на 1907 г. СПб.: изд. М-ва путей сообщения, 1909. Выпуск 99. 472 с.
23. Статистический сборник Министерства Путей сообщения в 1912 г. СПб.: изд. М-ва путей сообщения, 1909. Выпуск 133. 208 с.
24. Устав Русско-китайского акционерного общества пароходства и торговли. СПб.: Сенатская типография, 1910. 38 с.
25. Устав «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли». СПб., 1899. 47 с.

References

1. Vestnik finansov, promy`shlennosti i trgovli: Otchety` trgovy`x i promy`shlenny`x predpriyatij. SPb., 1905. 800 s. (in Russ.).
2. Vestnik finansov, promy`shlennosti i trgovli: Otchety` trgovy`x i promy`shlenny`x predpriyatij. SPb., 1907. 1732 s. (in Russ.).
3. Vestnik finansov, promy`shlennosti i trgovli: Otchety` trgovy`x i promy`shlenny`x predpriyatij. SPb., 1916. 457 s. (in Russ.).
4. GANO (Gosudarstvenny`j arxiv Novosibirskoj oblasti. F. 145. Op. 1. D. 3. (in Russ.).
5. GANO. F. 145. Op. 1. D. 11. (in Russ.).
6. GANO. F. 145. Op. 1. D.16. (in Russ.).
7. GANO. F. 145. Op. 1. D. 23. (in Russ.).
8. GANO. F. 145. Op. 1. D. 44. (in Russ.).
9. Gosudarstvenny`j arxiv Tyumenskoj oblasti (GATO). F. I-50. Op. 1. D. 90. (in Russ.).
10. GATO. F. I-50. Op. 1. D. 102. (in Russ.).
11. Zadorozhnyaya, O.A. (2017). Parovoj flot «Tovarishhestva Zapadno-Sibirskogo paroxodstva i trgovli» (1898–1917 gg.). *Istoricheskij zhurnal: nauchny`e issledovaniya*. № 3. S. 167-178. (in Russ.).

12. Zadorozhnyaya, O.A. (2012). *Rechny'e kompanii*. Surgut: Izdatel'skij centr SurGU, 253 s. (in Russ.).
13. Zadorozhnyaya, O.A. (2018). Rechny'e agentstva «Tovarishhestva Zapadno-sibirskogo paroxodstva i trgovli» i organizaciya ee deyatel'nosti v rajone Ob'-Irty'shskogo bassejna (1898–1917 gg.). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. № 10. S. 50-58. (in Russ.).
14. Krott, I.I., & Lyubimov, A.A. (2022). Organizaciya servisnogo obsluzhivaniya passazhirskix perevozok na rechnom transporte Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX vv. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. T. 9. № 4 (36). S. 24-37. (in Russ.).
15. Oficial'nyj ukazatel' zheleznodorozhny'x, paroxodny'x i drugix passazhirskix soobshhenij. Letnee dvizhenie 1901 goda. (1901). SPb., Skoropechat. P. O. Yablonskogo, 701 s. (in Russ.).
16. Oficial'nyj ukazatel' zheleznodorozhny'x, paroxodny'x i drugix passazhirskix soobshhenij. SPb.: Leshtuk. parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1912. S. 803. (in Russ.).
17. PSZRI. SPb., Gosudarstvennaya tipografiya, 1901. T. XVIII. 859 s. (in Russ.).
18. Pravila perevozki passazhirov Tovarishhestvom Zapadno-sibirskogo paroxodstva i trgovli // Putevoditel' po Irty'shu i Obi. 1915. Petrograd: Tipografiya M. Pivovarskogo, 1915. 95 s. (in Russ.).
19. Putevoditel' po Irty'shu i Obi. Tovarishhestva Zapadno-Sibirskogo paroxodstva i trgovli: na 1914 g. SPb.: Xudozhestven.-grafich. atel'e i pechatnya M. Pivovarskij, 1914. 96 s. (in Russ.).
20. Putevoditel' po Irty'shu i Obi: 1916 g. Petrograd: Tipografiya M. Pivovarskogo i Cz. Tipografa, 1916. 182 s. (in Russ.).
21. Rechnoj flot (parovoj i neparovoj) Aziatskoj Rossii. SPb.: Tip. M-va putej soobshh., 1902. 280 s. (in Russ.).
22. Statisticheskij sbornik Ministerstva Putej soobshheniya na 1907 g. SPb.: izd. M-va putej soobshheniya, 1909. Vy`pusk 99. 472 s. (in Russ.).
23. Statisticheskij sbornik Ministerstva Putej soobshheniya v 1912 g. SPb.: izd. M-va putej soobshheniya, 1909. Vy`pusk 133. 208 s. (in Russ.).
24. Ustav Russko-kitajskogo akcionernogo obshhestva paroxodstva i trgovli. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1910. 38 c. (in Russ.).
25. Ustav «Tovarishhestva Zapadno-Sibirskogo paroxodstva i trgovli». SPb., 1899. 47 s. (in Russ.).

дата поступления: 29.11.2023

дата принятия: 03.12.2023

© Задорожная О.А., 2024

УДК 351.858 (091)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

Алексеева Л.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ЮГРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

L. V. Alekseeva

ABOUT SOME ASPECTS OF PUBLIC HEALTH CARE AND SOCIO-CULTURAL SPHERE OF YUGRA IN EXTREME CONDITIONS OF THE WAR

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье являются малоизученные вопросы состояния здравоохранения и социокультурной сферы Ханты-Мансийского национального округа (1941–1945 гг.). На основе введения в научный оборот новых документов, определены условия и факторы изменений; основные задачи и их реализация в исследуемых сферах. В центре внимания – анализ факторов, оказавших влияние на финансовое, кадровое, материальное обеспечение состояния учреждений в изменившихся условиях военного времени. Автор выявляет существование типичных проблем в положении здравоохранения, образования и культуры, способов преодоления трудностей. Большое внимание в статье уделено анализу фактов, показывающих работу системы здравоохранения в рамках задач, определенных Наркомздравом СССР по охране здоровья населения (детского, в первую очередь), недопущения эпидемий. В состоянии школьного дела охарактеризованы дискуссионные вопросы, касающиеся количества школ; контингента учащихся разных ступеней обучения; проблемы охвата всеобщим обучением детей 8–15 лет; численного и кадрового состава учителей. Систематизирован материал и о подготовке кадров в средних специальных учебных заведениях округа, проанализированы количественные показатели и условия деятельности, материально-бытовое положение учителей и учащихся. Рассмотрена ситуация с культурными учреждениями Югры. Фактически, лишенная окружного централизованного руководства, сфера культуры финансировалась по остаточному принципу, но вносила свой посильный вклад в решение задач по культурному обслуживанию населения, являясь транслятором государственно-патриотических идей. Автор формулирует вывод, что здравоохранение, образование и культура несмотря на колоссальные сложности военного времени, в целом выдержали испытания, выполнили возложенные задачи, и как весьма значительная часть тыла, внесли свой вклад в победу в

Abstract. The subject of the article is the little-studied issues of the state of health care and socio-cultural sphere of Khanty-Mansiysk National District (1941–1945). The conditions and factors of changes are determined; the main tasks and their implementation in the studied spheres based on the introduction of new documents into the scientific circulation. In the center of attention is the analysis of the factors that influenced the financial, personnel, material support of the state institutions in the changed wartime conditions. The author reveals the existence of typical problems in the situation of health care, education and culture, ways of overcoming difficulties. Much attention in the article is paid to the analysis of facts showing the work of the health care system within the framework of the tasks defined by the People's Commissariat for Health of the USSR to protect the health of the population (children are in the first place), to prevent epidemics. In the state of school affairs, the discussion issues concerning the number of schools, the contingent of students at different levels of education, the problem of universal education coverage of children aged 8–15, the number and staffing of teachers are characterised. The material on staff training in the district's specialised secondary educational institutions is systematised, quantitative indicators and conditions of activity, teachers' and students' material and living conditions are analysed. The cultural sphere was financed on a residual principle, in fact, it deprived of the district centralised management, but made its best contribution to the solution of problems on cultural services to the population, being a transmitter of state-patriotic ideas. The author formulates the conclusion that health care, education and culture, despite the enormous difficulties of wartime, in general withstood the tests, fulfilled the assigned tasks, and as a very significant part of the home front, contributed to the victory in

тяжелейшей войне советского народа. Научная новизна и практическая значимость представленных материалов, определяются введением в научный оборот новых архивных документов, уточнением и расширением представлений о социокультурных процессах в регионе, их теоретическим осмыслением на основе модернизационной парадигмы и системного подхода. Полученное новое знание, систематизированное и структурированное может найти применение как в научных исследованиях, так и в образовательном процессе, а также социокультурных проектах ХМАО. Вполне очевидно, что интерпретация истории Югры военных лет как тылового района, нуждается в существенном расширении традиционной тематики и постановке новых исследовательских проблем. Необходимо обратить внимание на разные аспекты жизни тыла, в том числе и в социальной сфере. Сложность военной эпохи (включая повседневную жизнь разных категорий людей округа: основное население, временное (эвакуированные) и спецконтингент) требует выявления особенностей в их социальном, материально-бытовом, экономическом положении. Наблюдается потребность в переосмыслении сюжетов, связанных не только с анализом эффективности деятельности партийных и государственных управленческих структур сферами здравоохранения, образования и культуры, но и с правовым положением, с реальной ролью правящей Коммунистической партии, а в более широком контексте – с выяснением ключевых характеристик военно-политического режима и его взаимоотношений с обществом на материалах региона.

Ключевые слова: война; здравоохранение; учреждение; образование; культура; округ; население.

Сведения об авторе: Любовь Васильевна Алексеева, ORCID: 0000-0002-1870-4052, д-р истор. наук, профессор, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, lvalexeeva@mail.ru

the hardest war of the Soviet people. Scientific novelty and practical significance of the presented materials are determined by the introduction of new archival documents into the scientific turnover, clarification and expansion of ideas about socio-cultural processes in the region, their theoretical understanding on the basis of modernisation paradigm and system approach. The obtained new knowledge, systematised and structured, can be applied both in scientific research and in the educational process, as well as in socio-cultural projects of the Khanty-Mansiysk Autonomous District. It is quite obvious that the interpretation of the history of Yugra during the war years as a rear area needs a significant expansion of the traditional topics and setting new research problems. It is necessary to pay attention to different aspects of life on the home front, including the social sphere. The complexity of the military era (including everyday life of different categories of people in the district: the main population, temporary (evacuees) and special contingent) requires the identification of peculiarities in their social, material and economic situation. There is a need to rethink the subjects related not only to the analysis of the effectiveness of the Party and state management structures in the spheres of health care, education and culture, but also to the legal situation, the real role of the ruling Communist Party, and in a broader context – to find out the key characteristics of the military-political regime and its relationship with society on the materials of the region.

Keywords: war; health; institution; education; culture; county; population.

About the author: Lyubov V. Alekseeva, ORCID: 0000-0002-1870-4052, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, lvalexeeva@mail.ru

Алексеева Л.В. О некоторых аспектах здравоохранения и социокультурной сферы Югры в экстремальных условиях войны // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

Alekseeva, L.V. (2024). About Some Aspects of Public Health Care and Socio-Cultural Sphere of Yugra in Extreme Conditions of the War. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

В настоящее время отечественная историческая наука находится на пороге нового этапа осмысления опыта и значения Великой Отечественной войны, в том числе и роли тыла в победе над врагом. Сегодня патриотизм, воплощённый в практических действиях, является условием существования и выживания, самосохранения и развития нации [7, с. 3]. В этой связи в современном научном знании о военном лихолетье не может быть закрытых тем или таких аспектов, которые бы не нуждались в дополнительном изучении. Надо детально разобраться и в том, какой вклад внес в победу в войне 1941–1945 гг. Ханты-Мансийский национальный округ (далее – ХМНО), тогда – глубокая периферия, слаборазвитый в экономическом и культурном отношении край, малонаселенный (100 тыс. человек) и труднодоступный район страны.

Одной из малоизученных тем тыловой жизни ХМНО являются здравоохранение и социокультурная сфера. Цель статьи – на основе исследовательской литературы и источников (преимущественно архивных) выявить и систематизировать фактографический материал о состоянии медицины, образования и учреждений культуры ХМНО как основы социальной сферы, не входивших в число приоритетных направлений жизни округа в годы войны; на теоретическом уровне осмыслить факты, свидетельствующие об условиях и уровне выполнения поставленных задач; осуществить анализ факторов, оказавших влияние на характер изменений в положении сферы; оценить вклад военного поколения культработников, учителей, медиков в общую победу в региональном измерении.

Тема не является достаточно изученной в региональной историографии. При подготовке статьи использованы отдельные фактографические данные исследований М.Е. Бударина, Ю.П. Прибыльского, Н.Б. Патрикеева, Л.В. Набоковой, Л.В. Алексеевой, Д.В. Кирилюка, Л.Ф. Струся, Л.М. Завьяловой, К.Г. Букрениевой, А.Г. Киселева и др. Имеющаяся историография по истории здравоохранения и культурному развитию региона весьма разноплановая, ее авторами выступают как профессиональные историки, так и краеведы, а также начинающие исследователи. Имеющийся комплекс исследовательской и научно-популярной литературы имеет как несомненные достижения, так и целый ряд «лакун» тематического и хронологического характера. Основу формирования нового материала для статьи составили архивные документы, обнаруженные в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Исторического архива Омской области, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Поставленные исследовательские задачи решались на основе комплексного использования исторических методов исследования: историко-сравнительного, структурно-системного, проблемно-хронологического.

В советской историографии тыла больше внимания уделялось изучению состояния хозяйства (особенно рыбной промышленности), трудовому подвигу рыбаков, а также руководящей роли Коммунистической партии, являвшейся организатором и идейным вдохновителем трудовых будней военного времени (М.Е. Бударин, Ю.В. Костецкий, Ю.П.

Прибыльский и др.). Социокультурной сфере и состоянию здравоохранения уделялось фрагментарное внимание.

Современные исследователи сосредоточились на изучении мобилизационной экономики, вопросах мобилизационной работы партийных организаций, эвакуированного населения и спецпереселенцев (Б.У. Серазетдинов, Л.В. Алексеева, А.И. Иванов, К.Г. Букренева и др.). По социокультурной истории и прошлом здравоохранения Югры обобщающих работ не создано, имеются лишь несколько небольших по объему публикаций, отражающих некоторые аспекты истории школ (Н.Б. Патрикеев, Д.В. Кирилук, Н.С. Салимова и др.), средних специальных учебных заведений (А.Г. Киселев, Г.Р. Назмутдинов и др.). Весьма бегло представлено состояние здравоохранения (Б.У. Серазетдинов, Л.Ф. Струсь, Л.М. Завьялова), работа культурных учреждений (Б.У. Серазетдинов, Н.С. Салимова). Отрывочные сведения не позволяют составить полную картину состояния социальной сферы ХМНО военного времени, т. е. достигнутый в настоящее время уровень научной разработанности вопросов развития образования, культуры, медицины округа еще не позволяет создать обобщающий научный труд о состоянии социальной сферы округа в годы войны. На пути изучения сибирского тыла (частью которого является и Север Западной Сибири) как исторического феномена, сделаны лишь первые шаги, а многие ключевые темы остаются неисследованными [22, с. 71].

Условия и приоритеты. Условия для развития, т. е. изменений к лучшему в исследуемой сфере можно охарактеризовать как весьма неблагоприятные. *Отставание* как черта региона, проявлявшаяся во всех сферах социальной жизни на протяжении веков, в годы войны, в условиях внешней угрозы, стала фактором вызова, ответом на который оказалась вынужденная трансформация, называемая языком той эпохи – перестройкой всей социальной жизни на военный лад, потребовавшей от руководителей округа и населения всеобщей мобилизации на трудовом фронте, разносторонней помощи сражающейся стране и ответственности за ее судьбу. Война – это глубокий коллективный стресс. После первых недель войны, общенародный шок достаточно быстро прошел и начались тяжелые будни.

Приоритетными направлениями работы органов региональной власти тылового района прежде всего являлись: воинская мобилизация и подготовка резервов для армии и флота; организационно-политическая работа с населением и мобилизация экономики на выполнение производственных задач для нужд фронта (изготовление изделий лесной и деревообрабатывающей промышленности, производство рыбной и сельскохозяйственной продукции и др.). Однако, наряду со стратегическими и первоочередными задачами, требовалось решать и иные задачи, в том числе и в сфере здравоохранения, и организации социокультурной жизни населения, особенно в направлении государственной военно-патриотической идеологии.

Здравоохранение, являясь органичной частью социальной сферы, выполняет важнейшую функцию по укреплению здоровья населения, предупреждению болезней, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности. Уникальными по значимости являются критические периоды в истории медицинского обслуживания населения. Именно тогда проявляются все достоинства и недостатки системы здравоохранения [5], выявляется ее способность отвечать на вызовы и решать многочисленные проблемы. Перед Наркоматом здравоохранения СССР и всеми медицинскими работниками страны стояла задача обеспечения квалифицированной и своевременной медицинской помощью военнослужащих, эвакуацию раненых и больных. Требовалось не допустить, а где-то и предотвратить появление и распространение различных эпидемий, подвергнуть перестройке всю систему органов здравоохранения. Соответствующие тыловому району задачи были поставлены и медикам ХМНО.

В медицинской помощи и лечении нуждалось местное население, бойцы РККА, вернувшиеся с фронта по ранению, эвакуированные в округ из прифронтовой полосы (в том числе дети), и большой по численности спецконтингент, представленный различными категориями (спецпереселенцы для рыбной промышленности, административно высланные, а также депортированные народы по этническому признаку и др.). В тех условиях особенно важно было организовать систематическую санитарную и противоэпидемическую работу.

Основу медицинской сети ХМНО составляли больницы и фельдшерско-акушерские пункты (далее – ФАП). Территориальная удаленность медучреждений (далее – МУ) составляла 400–500 км. В 1941 г. общее количество МУ составляло 262, в связи с прибытием спецпереселенцев в 1942 г. и открытием медпунктов их численность увеличилась до 314. Однако, неукомплектованность медработниками, вынужденная оптимизация имевшихся скромных ресурсов, привели к сокращению МУ. В 1943–1944 гг. вновь возобновили работу 36 медпунктов [20, с. 86-87]. В 1945 г. в округе работало 157 МУ.

На основе приказов Наркомздрава СССР, Омского обкома ВКП (б), 4 декабря 1941 г. бюро Ханты-Мансийского окружного Комитета ВКП (б) (далее – ХМ ОК ВКП (б)) Омской области приняло постановление «О мерах усиления медицинского обслуживания гражданского населения в округе» [8, Ф. Р-8. Оп. 1, Д. 62, Л. 9-9 об.]. Постановление начиналось с неудовлетворительной оценки работы системы здравоохранения в округе, где перечислялись недостатки: закрытие медицинских пунктов из-за отсутствия медработников, неравномерное распределение врачей по округу, неиспользование имевшегося оборудования по причине отсутствия специалистов и т. д., т. е. это были явления системного порядка и не зависели от рядовых работников. Постановление предписывало все перечисленные недостатки исправить.

Текущий комплекс задач, стоявших перед системой здравоохранения округа, включал в себя профилактику острозаразных заболеваний, заботу о здоровье детского населения, оказание медпомощи коренному населению и борьбу с социальными болезнями.

Особенностями задач войны являлось и лечение призывников, многие из которых имели различные заболевания [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 62. Л. 103].

Численность медперсонала в 1940 г. в округе составляла 160 человек (из них – 46 врачей). В первой половине 1941 г. работали 65 врачей, 113 фельдшеров, 76 акушеров, 9 зубных врачей и 112 медсестер; в 1945 г. – 55 и 507 соответственно [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 722. Л. 8; 8, Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 275. Л. 128; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 58. Л. 7, 20-216; Д. 66. Л. 47 об.; 9, Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 320. Л. 54-55]. На фронт ушли десятки фельдшеров и медицинских сестер, большая группа врачей (хирурги, терапевты и др. специалисты). В связи с мобилизацией среднего медицинского персонала ряд фельдшерских пунктов и ФАП остались некомплектованными работниками. В Березовском и Сургутском районах закрыли по 5 пунктов в каждом, в Кондинском – 6. Не хватало медработников и в других районах округа. На начало 1942 г. в округе осталось 24 врача (муж. – 7; жен. – 17), т. е. две трети докторов уже были призваны на фронт. Среднего медперсонала, включая санитаров, осталось 69 (т. е. 1/4 часть медсестер и фельдшеров были призваны на фронт) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 66. Л. 2].

Аппарат окружного здравоотдела состоял всего из трех человек: заведующего (П.А. Широбоков – врач), секретаря и бухгалтера. В 1944 г. в состав отдела ввели должности двух инспекторов (работали врачи: Соловьева и Спиридонова) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Во главе руководства всех районных здравоотделов находились медицинские работники со средним специальным образованием, мало подготовленные для руководящей работы. В основном это была молодежь без опыта или с минимальным опытом практической работы, слабо владевшая диагностикой заболеваний и методиками лечения. Половину населения округа составляли дети. В районах в 1944 г. работали только два педиатра. Для оказания помощи, особенно при вспышках инфекционных заболеваний, из округа в районы направлялись специалисты лечебных учреждений Ханты-Мансийска. За период военного времени было командировано в районы округа 19 человек с общей продолжительностью пребывания в них в течение 49 месяцев. Вели медики и большую общественную работу. Наиболее важной являлась подготовка персонала с элементарными медицинскими знаниями. За период войны в округе подготовили 250 медсестер запаса (из них призвали в армию – 108), санинструкторов – 30, санитаров – 50, (в армию ушли – 18), сандружинниц – 556 (в армию ушли – 46) [6].

Финансирование медучреждений осуществлялось минимальное. Бюджет формировался трехуровневый (РСФСР (Тюменский облздрав), окружной и сельский). Общий бюджет в 1945 г. составил 7424,3 руб. [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 4]. Бюджетные ассигнования выросли только к концу войны [18, с. 204]. И то, этот увеличенный бюджет 1945 г. был на 40% меньше, чем бюджет школьного образования. Много нареканий по несвоевременному финансированию адресовывалось Тюменскому облздравотделу, задерживавшему отправку не только денег, но и дезинфицирующих средств и

оборудования, что было чрезвычайно важно в условиях борьбы с вспышками инфекционных заболеваний [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Больницы округа оснащались крайне скудно. Не хватало всего: медпрепаратов и инструментов; перевязочных, моющих и дезинфицирующих средств; мебели и инвентаря (особенно мягкого: халаты, полотенца, одеяла, простыни и т. п.). Однако, больницы при культбазах (Казымская и Сосьвинская) были оборудованы хорошо (еще в довоенный период). В них имелись: рентгеновский аппарат, лабораторное оборудование, физиотерапевтическая установка. Хорошей больницей являлась Березовская (больница с богатой историей – первая на Севере Западной Сибири), она являлась второй по значимости в округе, после окружной (окружная больница была на 105 коек). Персонал Березовской больницы регулярно выезжал на обслуживание коренного населения. Как следует из справки по выполнению приказа Наркомздрава СССР от 6 декабря 1944 г. № 311-о «О состоянии здравоохранения в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области», многочисленные проблемы медицины в округе сохранялись [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64-65]. Основные трудности в здравоохранении все же были связаны с недостатком квалифицированных кадров. В 1944 г. 12 врачебных участков не имели врачей (всего участков – 30). В течение этого года два врача умерли, два самовольно уехали из округа, одного врача осудили за «подпольные» аборты [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Врачи, трудившиеся в округе, как правило совмещали несколько должностей, и работали по 16–20 часов в сутки.

Болеть во время войны люди стали больше. Сказывались стрессы, ухудшение материально-бытовых условий жизни (в том числе теснота и скученность населения), недостаточное питание. В 1941 г. приняли в медучреждениях менее 390 тысяч больных, то в 1944 г. – свыше 793 тысяч. Возросло число заболеваний. Эпидемическое состояние округа характеризовалось наличием таких заболеваний как грипп, который свирепствовал в 1941 г., например, в Кондинском районе болело 80–90% населения; сыпной тиф (в 1943 г. – 70 случаев); брюшной тиф (наибольшая вспышка произошла в 1942 г. – 184 случая), у детей встречались такие болезни: скарлатина, дифтерия, корь, грипп. В начале 1942 г. выявили чесотку у детей в Тром-Аганском интернате (почти 100%) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 604. Л. 3; Д. 722. Л. 20; Д. 632. Л. 74-75]. Медицинское обслуживание коренного населения сильно снизилось, не имелось возможности выехать в отдаленные стойбища. Среди заболеваний у народов Севера преобладали трахома, туберкулез, парша, чесотка. Госпитализация больных почти не осуществлялась. Санитарное просвещение среди народов Севера также ослабло [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 632. Л. 74-75; 9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 32].

Одной из сложнейших задач здравоохранения являлось обеспечение удовлетворительного медико-санитарного состояния детских домов и школ-интернатов. Дети, эвакуированные из Ленинграда, прибывали в ХМНО в течение августа – октября 1942 г. Численность детей на 24 октября 1942 г. составляла 944 человека. Лечебная и профилактическая работа осуществлялась доступными средствами. В ряде детских домов

отсутствовал постоянный медицинский работник; наиболее распространенными заболеваниями вначале являлись различные формы дистрофий, а встречавшимися эпизодически являлись: чесотка, туберкулез, стоматит, кариес, простудные заболевания. Медицинские работники, тем не менее, справились с лечением дистрофий и авитаминозов, и вместе с персоналом детских домов выходили детей, сохранили их здоровье и жизни [3, с. 146].

С прибытием в округ эвакуированных медицинских специалистов, возвращением с фронта ряда врачей и медсестер, налаживанием элементарной медпомощи среди спецконтингента, расширением лечебно-профилактической базы, госпитализацией тяжелых больных, возросшей сетью детских яслей (в них находились дети первого года жизни, а мамы работали на производстве) в 1944 г. снизилась смертность среди населения (по сравнению с 1940 годом смертность снизилась в 2 раза, а детская почти в 5 раз).

По данным на 01.01.1945 г. в округе еще работали эвакуированные ленинградские врачи (их реэвакуация будет происходить летом 1946 г.). В их числе работала К.Д. Герасимова (окончила в 1937 г. 2-й Ленинградский мединститут), значилась как вдова с ребенком 11 лет. Доктор обзавелась хозяйством, коровой, жила и работала в с. Нахрачи (Кондинский район), совмещала две должности: заведующая райздравотделом и заведующая больницей [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 87. Л. 17]. По штату в округ требовалось в 1945 г. еще 37 врачей. В округе работали 32 больницы, 33 врача и 176 человек среднего медперсонала [8, Ф. Р-8. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 об.].

Документы зафиксировали имена лучших медицинских специалистов: Н.А. Потанин – главврач тубдиспансера, И.Н. Оносова – врач Ларьякской районной больницы (данная больница вместе с роддомом в 1942 г. была признана лучшей в округе), Ф.И. Гарбуз – заведующий Самаровским райздравотделом, Е.В. Канева – фельдшер Нарыкарского трахомотозного пункта, А.А. Пакина – заведующая Салымским ФАП и др. Наиболее известным врачом в округе являлся Н.А. Потанин. Он работал в ХМНО с начала 1930-х гг., заслужил доверие и уважение особым даром общения с людьми, чуткостью, отзывчивостью, желанием вникать в существо быта коренных жителей, в их насущные проблемы. В годы войны Н.А. Потанин совмещал несколько должностей, в том числе был мобилизован в военную призывную комиссию, работа которой протекала круглые сутки. Им был организован кружок на общественных началах по оказанию скорой медицинской помощи. Н.А. Потанин входил в состав чрезвычайных троек по ликвидации вспышек инфекционных заболеваний [3].

Несмотря на большие трудности военного времени, физическое перенапряжение, МУ работали (и кроме лечебной, санитарной, профилактической работы своими силами осуществляли заготовку дров и сена, делали ремонт; развивали подсобные хозяйства; занимались общественной работой и т. д.). Самый главный результат в лечебной работе был тот, что врачи не допустили эпидемий; локализовали вспышки сыпного тифа и малярии

(1943 г.), а затем и очаги сыпного тифа, малярии, кори среди спецпереселенцев-калмыков (1944 г.), вспышку малярии в 1945 г. (5 311 случаев, в том числе 819 человек из числа коренных национальностей) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 3]. Они справились с ними удовлетворительно, хотя и не без проблем, и потерь среди гражданского населения и медперсонала.

Официальная оценка работы МУ со стороны окружной партийной организации носила резко критический характер, и в ряде вопросов не являлась положительной. В конце войны бюро ХМ ОК ВКП (б) констатировало неудовлетворительное состояние лечебных учреждений. Как следует из документа, основные претензии к их работе связывались с отсутствием медицинской помощи коренному населению [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 32]. В 1945 г. процент обслуживания медицинской помощью коренного населения составлял 8% к общему числу пациентов округа [9, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 4 об.]. Тенденцию к стабилизации ситуации и сведения, свидетельствующие о положительной динамике в медобслуживании по некоторым направлениям, можно обнаружить в «Справке о росте здравоохранения за 2 года 1945–1946 гг. по Ханты-Мансийскому округу» от 03.12.1946 г. Улучшения наблюдались в педиатрической помощи, родовспоможении (так, среди коренного населения, домашние роды составили 42,7%, следовательно более половины рожениц обратились в МУ), сокращении инфекционных заболеваний (особенно острозаразных) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 3-4]. Тем не менее, остро стояла проблема, связанная с туберкулезом – заболеванием, приобретшее в годы войны широкое распространение и дававшее наибольшую смертность. Проблемой в округе являлась специализированная медицинская помощь. Врачебные участки возглавляли врачи общей практики и фельдшеры. В районных больницах не хватало хирургов, окулистов, инфекционистов, фтизиатров, педиатров и др. специалистов. В округе работал единственный врач-гинеколог. Сеть санитарно-эпидемических учреждений до 1941 г. вообще отсутствовала, имелась лишь одна станция в Ханты-Мансийске. После имевших место вспышек остро заразных заболеваний, в 1945 г. открыли три станции и три пункта в районах округа. Своими помещениями такие МУ не располагали, размещались в лечебных учреждениях. Ни одного врача данные станции не имели, в них работали медики со средним образованием [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 6].

Анализ документов показывает, что в условиях нехватки персонала, плохого материального обеспечения медицины, тяжелых условий жизни эвакуированных специалистов, медицинская служба Югры тем не менее выдержала испытания военного времени, исчерпав все внутренние возможности для развития.

Социокультурная сфера округа являлась важным участком прежде всего идеологической работы. В годы войны идейно-воспитательная деятельность находилась в центре внимания партийных организаций, где основным направлением стало военно-патриотическое. Тем не менее, изученный комплекс документов позволяет констатировать, что органы государственной и партийной власти держали на контроле состояние школьного

образования, и в меньшей степени вникали в работу по культурному обслуживанию населения. Ю.П. Прибыльский утверждал, что война замедлила, но не приостановила развитие культуры [18, с. 182], стоит согласиться с данной оценкой процесса.

Объекты социокультурной сферы, в первую очередь школы, школы-интернаты, детские дома, несмотря на огромные трудности, имели минимальную государственную поддержку. Организация ежедневной работы этих учреждений осуществлялась во многом благодаря трудовому подвижничеству и патриотическим починам работников. М.Е. Бударин придерживался мнения, что период войны явился важнейшим этапом преобразований в сфере культуры народов Севера, новым культурным подъемом (как подтверждение использовался факт увеличения численности школ) [2, с. 338, 345]. Это утверждение весьма спорно, документы свидетельствуют как раз об обратном, а именно об ухудшении положения школ в годы войны.

Главной задачей в области социокультурной политики местных органов власти являлось сохранение и осуществление *школьного образования*. Основной вопрос, который занимал историков народного образования в советское время – проблема осуществления всеобщего в трудных условиях военных лет. Данная тенденция наблюдается и в современной региональной историографии. И это неслучайно, т. к. еще в январе 1941 г. на Всероссийском совещании Нарком просвещения В.П. Потемкин выделил в качестве основной задачи – проведение в жизнь всеобщего семилетнего образования на селе и полного среднего (тогда десятилетнего) в городской местности. На общегосударственном уровне цели организации учебно-воспитательного процесса в военных условиях были сформулированы в августе 1941 г., сводившиеся к реализации всеобщего, воспитанию советского патриотизма, вовлечению учащихся в общественно-практическую деятельность и производительный труд, направленных на укрепление обороны страны и быстрейший разгром врага [15]. Следовательно, охват всех детей школьного возраста школой (т. е. всеобщее обучение) являлось задачей номер один.

С самого начала войны правительство пыталось сохранить школы и народное образование на том уровне, который не только позволял бы обеспечить текущие потребности страны, но и мог стать основой дальнейшего подъема школьного дела. Однако военные будни оказались настолько тяжелыми, что потребовались огромные усилия очень многих людей (представителей власти, руководителей школ, учителей, самих учащихся и их родителей) для того, чтобы обучение детей не прекращалось. Финансирование школ округа осуществлялось в следующих размерах: 1941 г. – 14 658 тыс. руб., 1942 г. – 11 084 тыс. руб., 1943 г. – 13 388 тыс. руб., 1944 г. – 14 679 тыс. руб., 1945 г. – 11 067 тыс. руб. [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 861. Л. 221]. Конечно, стоит подчеркнуть, что основная доля этих средств шла на обеспечение школ-интернатов и детских домов. Разделяем вывод Д.В. Кириллюка относительно того, что часть отпущенных средств иногда оставалась и

неизрасходованной, так как товарные фонды отсутствовали или были недостаточны (т. е. нужных товаров не имелось: ткани, обувь, одежда, мягкий инвентарь) [10, с. 27].

Одним из дискуссионных является вопрос открытия новых школ в округе. Так, Ю.П. Прибыльский считал рост числа школ особенностью военного периода (+ 61 школа) [18, с. 194]. Мы также придерживаемся данного утверждения. В 1940/41 уч. г. школ насчитывалось 195, в 1944/45 уч. г. – 234 (+39), в 1945/46 уч. г. их стало 259 (+ 64 школы к уровню 1940/41 уч. г.). Мы объясняем этот факт прибытием спецпереселенцев, эвакуированных и депортированных (так, по нашим подсчетам, только спецпереселенцев прибыло в округ не менее 26 тыс.) [1, с. 93]. Д.В. Кирилюк придерживается иного мнения на этот счет, утверждая, что школьная сеть в 1941–1945 гг. «была довольно невелика и росла медленно» [10, с. 27]. Вместе с местными детьми в школах обучались дети из детских домов. На 1 декабря 1943 г. в округе имелось 11 детских домов с численностью в них 1219 детей и 60 работниками [9, Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 239. Л. 6]. Кроме 10 ленинградских детдомов, в округе работал местный Березовский детский дом.

Одной из особенностей ХМНО являлось и то, что это была сельская местность, малонаселенная, с преобладанием небольших школ первой ступени (т. е. начальных). В 1944/45 уч. г. численность начальных школ составляла 179. Д. В. Кирилюк подсчитал, что доля сельских школ составляла в округе 98% [11, с. 43]. Национальные школы для детей народов Севера – также особенность округа. К осени 1945 г. из общего числа школ (259), 89 составляли национальные [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 89]. Их численность также росла в годы войны. Так, в 1944/45 уч. г. открыли 22 начальных школы, из которых 11 являлись национальными [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 8]. Более половины национальных школ являлись школами-интернатами и оставались на полном государственном обеспечении. На 1.01.1944 г. число интернатов составило 59 (с количеством детей в них – 1875). В конце 1944/45 уч. г. интернатов было 62 [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 8]. Обучение в старших классах (8–10 кл.) являлось платным. От взноса за обучение освобождались дети воинов Красной Армии. Всего средних школ в округе имелось семь [9, Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 320. Л. 209]. Анализ статистических данных показал, что численность учащихся младших классов за военный период возросла. 2/3 школьников являлись учащимися начальной школы (8–11 лет). Так, в 1944/45 уч. г. из 18 426 учеников, 13 052 составляли учащиеся начальной школы [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 9]. Ухудшение материального положения заставляло коренных жителей отдавать детей в интернаты. Другой причиной роста количества учеников начальной школы стало прибытие спецконтингента. Старшеклассников (8–10 кл.) в конце 1944/45 уч. г. насчитывалось 615 человек, в течение года покинули старшую школу 82 ученика [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 87]. После окончания начальной школы дети коренных народов, как правило, заканчивали обучение (за самым редким исключением). Ребята из основной школы (5–7 кл.) бросали школу и уходили на производство. Так, в рыболовстве, начиная с 1942 г. доля школьников составляла 1/3 от общего числа учеников, регулярно

участвовавших в производственных работах [1, с. 85-86]. Например, только в последнее военное лето на колхозных полях работало 3,5 тыс. подростков [16, с. 62].

Дети войны испытывали трудности не только материально-бытовые, но и морально-психологические. Обремененные трудовыми обязанностями (в колхозах дети работали, начиная с 12 лет), несли ответственность за младших братьев и сестер, в силу чего многие ученики не уделяли должного внимания учебе. С успеваемостью дело обстояло плохо. За 1941/42 уч. год она составила 81,8%, за I полугодие 1942/43 уч. г. – 80,9% [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 654. Л. 42], в последующие годы успеваемость не поднималась выше 82%. Например, неуспевающих насчитывалось в 1942/43 уч. г. 3 034 человека – пятая часть всех учеников [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 226. Л. 74]. В 1943/44 уч. г. из общего числа учащихся перевели в следующий класс 10 940 (66,6%) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 86-87].

На качество обучения оказывал большое влияние и образовательный уровень учителей, остававшийся в большинстве случаев крайне низким. В связи с мобилизацией, много учителей оказалось в армии. Анализ документов показал, что в период июля – августа 1941 г. из каждого района округа призвали на фронт по пять учителей [8, Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 3-9]. В 1942/43 уч. году в округе не хватало 46 учителей начальных классов; для средней школы: директоров – для 4-х школ, завучей – для 3-х школ, учителей для средней школы – 15; для основной школы – 17 директоров, завучей – 3, преподавателей – 44 [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 226. Л. 74]. 12,6% учителей работали, не имея даже общего среднего образования [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 791. Л. 38]. По мере возвращения с фронтов войны раненых, в числе которых были и учителя, создавались педагогические условия, положительно влиявшие на школьников, т. к. фронтовики являлись примером верности Родине и воинского героизма, образцом для подражания. К осени 1945 г. число учителей в ХМНО составило 837 человек: 139 – мужчины и 698 – женщины.

Ниже представлена таблица, содержащая систематизированные данные о количестве школ, численности учащихся и учителей в них.

Таблица

Численность школ, учащихся и учителей в округе (1940–1945)

[Составлено по: 4, Ф. П-107. Оп. 1. 791. Л. 1-3; Д. 861. Л. 220; Д. 971. Л. 86, 90; 8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 232. Л. 9; Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 32. Л. 34; 9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3705. Л. 80]

Показатели	1940/41	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45	1945/46
Число школ всех видов	195	197	205	209	212	259
Численность учащихся	17136	14580	16367	18424	17914	16572
Численность учителей	806	763	738	804	822	837

Анализ сведений, приведенных в таблице, показывает, что численность школ увеличилась. Контингент школьников сократился по сравнению с довоенным учебным годом в 1941/42, 1942/43, 1945/46 учебных годах. Наибольшее сокращение численности учителей произошло в период 1941/42 и 1942/43 учебных годов.

Ухудшение с охватом детей школой в стране в целом, с одной стороны, и улучшение ситуации на фронте, с другой, создали условия для правительства обратить внимание на проблему всеобща. СНК РСФСР 14 июля 1943 г. принял постановление «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением Закона о всеобщем обязательном обучении». В Ханты-Мансийске Инструкцию получили через месяц – 18 августа. 26 августа исполком окружного совета принял соответствующее решение (зав. окружным отделом народного образования работал И. Непомнящих). По данным окрисполкома, недоохват школой составлял примерно 5% учтенных детей школьного возраста (8–15 лет). Это были самые приблизительные оценки. Основными причинами непосещения школы являлись тяжелое материально-бытовое положение, удаленность образовательного учреждения, природно-климатические явления, а также заблеваемость учеников [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 3].

Дискуссионным является и вопрос о роли партийной и государственной власти в поддержке школы. Д.В. Кирилюк формулирует вывод, что школы округа испытывали «невнимание со стороны властей» [10, с. 33]. Анализ документов показывает, что полностью согласиться с данным выводом сложно. Прежде всего, минимальным был интерес со стороны ХМ ОК ВКП (б). Окружные партийные органы почти не вникали в проблемы детства, так как главное для них было выполнить производственную программу в рыболовстве, т. к. вся военная жизнь округа была подчинена этой приоритетной хозяйственной задаче. Ведь Югра наряду с Ямалом стали одним из центров рыболовства страны (планы по рыболовству в 1942 г. увеличили вдвое, а 1943 г. – втрое!) [13]. Изучение всех протоколов заседаний ХМ ОК ВКП (б) и материалов к ним за военный период показало, что вопрос, к примеру, связанный с детскими домами, рассматривался окружкомом только один раз [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 633, 634, 635, 692, 756, 757, 820, 831, 832], вопросы о школе ставились на заседании бюро обычно в связи с подготовкой к новому учебному году. Все заботы и решение проблем школьного образования перекладывались Ханты-Мансийским окрисполкомом на местные, преимущественно, районные исполкомы, те их в свою очередь – на отделы здравоохранения и образования, на сельские советы, а также и колхозы, которые не имели для этого достаточных финансовых, материальных, административных ресурсов. Тем не менее, общими усилиями, школы округа обеспечили непрерывный образовательный процесс.

ХМНО нуждался в кадрах. ВУЗы в округе отсутствовали, но имелись средние профессиональные учебные заведения: *Ханты-Мансийское педучилище* (далее – ХМПУ), *Фельдшерско-акушерская школа* (далее – ФАШ), *Рыбпромтехникум* и *Мореходная школа*.

ХМПУ осуществляло подготовку учителей для начальной школы. С началом войны и в течение всего периода кратно возросла нагрузка и на администрацию, и на учителей. Областной отдел народного образования (вначале Омский, с августа 1944 г. – Тюменский), осуществлявший руководство педучилищами, по оценке работников ХМПУ, не уделял им должного внимания, ни одного конкретного указания не поступило [12, с. 710].

Директорами училища являлись Н.А. Бельская и с 1944 г. – Г.Т. Величко. Приоритеты коллектива училища в работе сводились к следующему: сохранение контингента и повышение успеваемости, а также патриотическое и идейное воспитание учащихся. Профессиональное усиление педагогического состава произошло в связи с прибытием эвакуированных специалистов, которые находились в крайне сложных бытовых условиях, и по мере реэвакуации, старались побыстрее уехать домой. Тем не менее, годы их работы в округе, безусловно оказали благотворное влияние на образовательный и социокультурный процессы. Среди лучших педагогов назывались учителя: математики – В.Х. Гильц и Е.С. Буракова; филологи – М.И. Анисимова, В.В. Литвинов, К.И. Казаков; историки – Ю.М. Аверин, М.М. Ханина, преподаватель естествознания – Л.А. Величко [12, с. 711].

Существовали в ХМПУ следующие отделения: национальное, русское, а также подготовительное. Ученики подготовительного отделения (класса) находились на полном государственном обеспечении. Контингент сохранить было крайне сложно и преференции для детей коренных народов способствовали закреплению их в училище. А.Г. Киселев, проанализировав документы, считает, что в целом материальное положение училища находилось на удовлетворительном уровне. Продуктовое снабжение учащихся осуществлялось по карточкам первой категории. Не надо думать, что эти продукты выдавались бесплатно, карточка лишь давала право выкупить их. В 1944 г. в сутки полагалось 700 г хлеба, в месяц: масла и жиров – 800 г, мяса – 750 г, рыбы – 3 кг, крупы – 2 кг [12, с. 714]. Не все учащиеся получали стипендию. Подчеркнем, что обучение являлось платным только для учащихся русского отделения. Эти же учащиеся не получали и стипендию. Курс в подготовке учителей в данном учебном заведении оставался прежним – в русле «коренизации» кадров. В 1944/45 уч. г. набор для училища увеличили. В 1945 г. выпуск составил всего 16 учителей. Работало и заочное отделение, необходимое для ускоренной подготовки работающих без среднего образования учителей, а также существовали краткосрочные курсы. Всего с момента открытия, училище подготовило за 13 лет 291 учителя (57 – ханты и 29 – манси). Из числа выпускников 174 человека работали в округе (из них 154 учителями) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 109-110]. Положение училища в годы войны сильно ухудшилось, что сразу же сказалось на количестве выпускников.

Другим учебным заведением являлась фельдшерско-акушерская школа (далее – ФАШ). В военные годы школу возглавляли: Н.С. Трусов (1939–1942) и К.В. Степанова (1942–1945) [14, с. 49]. Медицинская служба несла большие потери на фронте, вследствие этого возникла острая необходимость восполнения кадрового резерва. Для того, чтобы решить задачи Наркомздрава, были задействованы все учебные медицинские учреждения страны, среди которых оказалась и Ханты-Мансийская ФАШ, перешедшая на ускоренную, но интенсивную программу подготовки (преподавали только специальные предметы; занимались по 10–12 часов в день). С августа 1941 г. в ФАШ начали работу курсы медицинских сестер без отрыва от производства. Занятия проходили ежедневно с 8 часов

вечера и длились по 4 часа. В ФАШ ввели платное обучение и это отрицательно повлияло именно на привлечение учащихся из числа коренных народов Севера. В 1945 г. число студентов коренных национальностей составляло не более 10%. Произошло снижение стипендии, которой даже на еду не хватало. Несмотря на плохие материальные условия, и иные тяготы жизни, учащиеся успевали вести благотворительную и общественную работу. ФАШ выпустила в период 1941–1945 гг. 244 специалиста (из них 22 человека из числа народов Севера, из которых половина приходилась на 1941 г., т. е. довоенный выпуск) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1006. Л. 9]. В 1945 г. выпуск составил 45 человек. За 10 лет работы трехгодичной ФАШ учебное заведение выпустило 395 медиков, из них ханты и манси – 60 человек [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 109]. В годы войны ФАШ не снизила подготовку кадров, а наоборот, увеличила ее.

Техникум рыбной промышленности начал работу в 1941 г. после того, как в ноябре его перевели из Тобольска в Ханты-Мансийск [8, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 198. Л. 81]. Учебное заведение осуществляло подготовку кадров средней квалификации: техник-технолог, техник-механик добычи рыбы, судоводитель, бухгалтер [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 654. Л. 17]. Первый выпуск специалистов в 1942 г. составил 97 человек. Для обеспечения преподавания Министерством рыбной промышленности в техникум были направлены преподаватели высокой квалификации. В их числе к.т.н., технолог К.Г. Белинская, инженер-технолог Х.С. Кузнецова, ихтиолог-рыбовод А.Е. Митител и др. [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 710. Л. 51]. Всего за военный период было подготовлено 180 технологов, механиков и бухгалтеров [18, с. 201].

В конце 1944 г. была открыта двухгодичная Мореходная школа юнг. В ней приступили к подготовке кадров для рыбопромыслового флота: судоводителей, паромехаников, мотористов. На 23 декабря 1944 г. в школе обучалось 83 человека. План набора не был выполнен (требовалось набрать 120 человек) [14, с. 67]. Работала школа в трудных условиях. Первый выпуск состоялся уже после войны в сентябре 1947 г. Тогда выпустили 66 специалистов [9, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 111].

Школы, а также и учреждения среднего профессионального образования работали всю войну и учебный процесс не останавливался. Кроме учебы, контингент учащихся участвовал в общественной жизни, оказывая тимуровскую помощь, участвуя в сборе средств и предметов для помощи фронту и жителям округа (семьи фронтовиков, детдомовцы) и мн. др.

Значительно сложнее обстояли дела в организации работы учреждений культуры (далее – УК). Внимание со стороны органов советской власти к ним отличалось периодичностью, но выражалось преимущественно в постановке задач, направленных на выполнение большого комплекса разных видов работы, связанной в большей степени с культурно-идеологическим просвещением, нежели с деятельностью по повышению общей культуры сельского населения. Отдел культуры при окрисполкоме был создан лишь в конце войны (1945 г.), следовательно, целенаправленное руководство данной сферой

отсутствовало. Кадров специалистов в сфере культуры округа не имелось, их подготовка не велась и ограничивалась, как правило, краткосрочными курсами. Некоторая острота кадровой проблемы была снята, когда приехали эвакуированные – люди с образованием, носители достаточно высокого уровня повседневной культуры.

Система культпросветучреждений округа сложилась в 1930-х гг., таковой она оставалась и в военный период. По принадлежности все УК можно разделить на ведомственные (государственные, относившиеся к ОКРОНО, а также профсоюзные) и колхозно-кооперативные. В 1942 г. всего насчитывалось 48 УК. Преобладали в системе учреждений избы-читальни (далее – ИЧ) и клубы. Так, в 1944 г. увеличилось число ИЧ до 74 (в 1941 г. их было 16), что привело к улучшению статистики (Дом народов Севера, 74 ИЧ, 6 домов соцкультуры, 2 культбазы, 15 библиотек, 5 красных чумов, 132 сельских и профсоюзных клубов) [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 25]. Данный формальный показатель не влиял на качественную сторону культурно-просветительской работы, она в большей степени оставалась традиционной по формам и содержанию. В 1945 г. общая численность УК составляла 116 [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 93].

Низовым звеном культурной работы в районах являлись ИЧ, размещавшиеся, где придется. Так, в селе Елизарово Самаровского района ИЧ работала при клубе и это был лучший вариант размещения. Там устраивались громкие «читки» газет, книг, журналов. Их проводили регулярно, примерно два раза в неделю. Здесь же проводили встречи с женами фронтовиков по обсуждению насущных вопросов хозяйства, быта, оказания помощи. В ИЧ выпускались стенгазеты, боевые листки. Работником ИЧ организовывался сбор денежных средств для помощи Запорожью, освобожденному от врага. Для бойцов Красной Армии собирали и отправляли посылки. В помощь семьям фронтовиков по инициативе ИЧ собирали продукты, деньги и одежду [8, Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В населенных пунктах округа культурная работа проводилась собственными силами: во всех районных клубах были сформированы оркестровые и вокальные группы; работали кружки; проводились концерты, спектакли, смотры художественной самодеятельности; оформлялись стенгазеты и боевые листки; проводились лекции и беседы; коллективные чтения газет. Материальная база УК страдала от исключительной бедности. Большинство из них не имели помещений и арендовали комнату, или даже ее часть (угол) у хозяйственных организаций, преимущественно, у колхозов (например, клуб и правление колхоза размещались в одном приспособленном помещении). УК испытывали потребности не только в помещениях, но и в мебели, в оснащении инвентарем и самым необходимым оборудованием (включая и музыкальные инструменты, ноты, сборники пьес и т. д.) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 96].

Несколько лучше обстояло дело с УК в административном центре округа. Здесь работали кинотеатр, Дом народов Севера, 3 библиотеки и музей [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 843. Л. 132 об]. С кадрами – за счет эвакуированных – ситуация также отличалась в лучшую

сторону, чем в целом по округу. Весьма любопытным фактом военного Ханты-Мансийска являлось существование «Северного театра» (директором и художественным руководителем являлся Е.И. Просветов, режиссером М.Ф. Казанский – специалисты из числа эвакуированных). В труппе театра числилось 8 актеров и актрис. С энтузиазмом коллектив начал готовить спектакли, но в 1943 г. театр вынуждено прекратил работу из-за отсутствия финансирования и возобновил деятельность лишь в 1946 г. [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 1]. Н.А. Потанин, о котором упоминали ранее, при всей своей чрезвычайной занятости, вел большую общественную, творческую деятельность, в частности он создал и возглавил драматический кружок при окружном Доме народов Севера, ставил концерты, сам в них активно участвовал, а вырученные средства направлял на оборудование учебных заведений [21].

Самым интересным развлечением населения в окружном центре, в районных селах, на культбазах являлся кинематограф. Кино придавалось громадное значение, ведь оно рассматривалось как средство информации и просвещения, воспитания, и конечно, пропаганды и агитации. На 1 августа 1943 г. в округе имелись один кинотеатр, шесть кинозалов в райцентрах, обеспечивавших показ звукового кино и 9 кинопередвижек немного кино (всего 17 киноточек, а населенных пунктов в округе насчитывалось 795). Существовал окружной отдел кинофикации и отдел кинопроката. Фильмов было чрезвычайно недостаточно, соответственно оборотность фильмофонда – слабая (показывали в течение длительного времени один и тот же фильм), для фонда фильмов была характерна техническая изношенность. В Омск регулярно шли запросы из Ханты-Мансийска об увеличении фильмофонда [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 37]. Кроме этого, не были доступны фильмы, созданные в период войны, в том числе документальные. Так, фильм «Разгром немецких войск под Москвой» поступил в округ лишь в навигацию 1943 г. И это было немое кино. Звуковой фильм «Ленинград в борьбе» поступил только 5 июля 1944 г. Не показывали в округе и кинохронику «Союзкино» [9, Ф.17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 1 об.]. В 1944 г. имелось 12 кинопередвижек, но 8 из них не работали. В летний период, кинообслуживание отдаленных рыбацких песков и рыбозаводов осуществляли две культлодки. В 1945 г. звуковых киноустановок имелось – 7, немых – 6, установок в учреждениях профсоюзно-ведомственных – 5 и 21 соответственно. Всего, таким образом, в округе насчитывалось 39 киноустановок, из которых 27 могли демонстрировать только немое кино. За 1945 год было проведено 2516 киносеансов с охватом 355 875 человек [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 96], т. е. кино являлось наиболее массовым и популярным развлечением населения, сконцентрированного в окружном центре и селах, являвшихся районными центрами.

Имевшиеся 15 библиотек в округе играли важную роль среди читающего населения. Самой крупной являлась библиотека в Ханты-Мансийске (ее создание относится к 1934 г.). Она размещалась в Доме народов Севера и по ведомственной принадлежности относилась к отделу образования (т. е. Минпросвещения РСФСР). Нужно иметь в виду, что в округе уровень грамотности был чрезвычайно низкий: взрослое коренное население, как

свидетельствовали материалы переписи 1939 г., было сплошь неграмотным. В годы войны все попытки, направленные на работу по ликвидации неграмотности, не имели успеха и были остановлены.

Книжный фонд окружных библиотек в совокупности содержал около 80 тыс. экземпляров – приблизительно 4,5 тыс. книг на одну библиотеку. В красных чумах и ИЧ книг насчитывалось по 20–30 экземпляров. Книжный фонд за годы войны обветшал и почти не пополнялся.

Работники библиотек, находившихся в ведении Наркомпроса, вели активную просветительскую, агитационную и организационную работу, выступая на предприятиях перед трудящимися. Они развивали, в первую очередь, историко-героико-патриотическое направление, придерживаясь плана работы. Особое внимание уделялось чтению произведений литературы, а также газет, и их обсуждению.

В окружной газете «Сталинская трибуна» регулярно помещались критические заметки о деятельности УК (чаще они касались ИЧ, проблем в работе клуба, отсутствия кино и т. п.). Из газетных публикаций также следует, что основными формами работы УК являлись чтение и разъяснение материалов Совинформбюро, разбор боевых эпизодов из газет, чтение писем с фронта и т. д. [19].

Культработники старались использовать возможности культуры и искусства для максимального воздействия на настроения граждан, чтобы вселить в них оптимизм и веру в победу. Изученные документы свидетельствуют, что сфера культуры находилась в значительно более тяжелом положении, чем образование и медицина. В лучшем положении находились УК в Ханты-Мансийске и на культбазах. В целом для социокультурной сферы как системы была характерна в большей степени самоорганизация.

Ханты-Мансийскому округу с началом войны следовало перестроить тыловую жизнь во всех ее сферах, в том числе здравоохранении и культуре, при ограниченности ресурсов, кадров, тотальном дефиците самого необходимого. Нельзя не подчеркнуть, что социально-культурная деятельность носила партийно-государственный характер, и в соответствии с этим была выстроена модель её организации, финансирования и управления.

Медицинское обслуживание в годы войны являлось одним из ответственных и сложных участков работы в округе. Медицинская служба Югры выполняла задачи, поставленные Наркомздравом СССР перед тыловыми районами: оказание медицинской помощи населению, организация санитарной и противоэпидемической работы, здоровьесбережение детского населения. Охват медпомощью в годы войны сократился, а количество нуждающихся в ней увеличилось. Важнейшей проблемой здравоохранения являлась укомплектованность медицинских учреждений кадрами. Нехватка медиков в начальном периоде войны была несколько преодолена на завершающем этапе. Тяжелое материальное положение учреждений здравоохранения также осложняло выполнение поставленных задач. Тем не менее, основные мероприятия – санитарные,

профилактические, лечебные – осуществлялись. Нельзя при этом не подчеркнуть, что возникавшие вспышки заразных заболеваний локализовывались с большими трудностями, но все же, не развивались до размеров эпидемий.

В условиях, когда фронт поглощал основные средства и ресурсы, государству удавалось выделить ассигнования на образование, медицинское обслуживание, и в меньшей степени на учреждения культуры. Несмотря на трудности военного времени, местная власть пыталась по возможности оказывать поддержку школам и детям. В годы войны в округе не допустили массовой детской безнадзорности и беспризорности.

Остро стоял кадровый вопрос в округе. Подготовка специалистов средней квалификации велась в нескольких специальных учебных заведениях. Их выпускники готовились не только для работы в округе, но и в соседних регионах, а также отправлялись на фронт (особенно специалисты-медики). Отличием округа являлось отсутствие учреждений высшего образования. Подготовка кадров высшей квалификации не осуществлялась. В таких условиях положительную роль в качественном улучшении персонала сыграли эвакуированные специалисты: врачи, преподаватели, деятели искусства.

Положение общеобразовательных школ, специальных учебных заведений, медицинской сети, учреждений культуры было чрезвычайно трудным, но несмотря на выпавшие на долю военных поколений испытания, работа учреждений не прекращалась, и это был основной результат их деятельности, т. к. они – каждый на своем месте – выполняли должностные обязанности. Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на то, что в социокультурной сфере накопилось множество проблем и противоречий. Не всегда региональная (да и центральная) власть осознавала влияние культуры и ее носителей на развитие общества в целом. Речь идет о системе социальных, моральных и правовых норм, координирующих, интегрирующих и регулирующих человеческие устремления, направляя их к единой цели на том историческом этапе, когда решался (и продолжает решаться) вопрос о существовании человеческой цивилизации.

В завершение уместно подчеркнуть, что исследование российского культурно-цивилизационного пространства немыслимо без конкретно-исторического анализа путей и стадий его формирования на материалах регионов – это позволяет составить объективную картину культурного прогресса конкретного региона страны как неотъемлемой части общероссийского исторического процесса [17, с. 276]. Культурные процессы северного российского региона на разных исторических этапах рассматриваются в современной науке как результат воздействия взаимообусловленного комплекса факторов общероссийского и локального характера, определяющих его социокультурную динамику. Период Великой Отечественной войны стал самым тяжелым испытанием и для власти, и для народа, и он показал, тем не менее, жизнеспособность государственного аппарата, доверие подавляющего большинства народа своему правительству и предотвращения общими усилиями надвинувшейся катастрофы.

Литература

1. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство ХМНО в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2014. 142 с.
2. Бударин М.Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму: КПСС – организатор соц. преобразований в нац. районах севера Западной Сибири. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1968. 474 с.
3. Букренева К.Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2015. 205 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
5. Давыдова Ю.А. Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1999. 23 с. <https://clck.ru/38cwbF>
6. Завьялова Л.М. Здравоохранение Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. <https://clck.ru/gks5L>
7. Илиевский Н.В. Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 3-9.
8. Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО – Югры».
9. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области».
10. Кирилук Д.В. Общеобразовательная школа Ханты-Мансийского национального округа во время Великой Отечественной войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1(21). С. 27-34.
11. Кирилук Д.В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 г.). Курган: Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
12. Киселев А.Г. Далеко от войны: повседневная жизнь Ханты-Мансийского национального педучилища в 1941–1945 гг. // Вестник утраведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 709-717.
13. Набокова Л.В. Рыба для фронта // Югра. 2005. № 10. С. 63-67.
14. Назмутдинов Г.Р., Антонов В.Е., Загуменных П.Г., Самедов Э.А. Жизнь выпускников фельдшерско-акушерской школы в годы Великой Отечественной войны // Новые педагогические исследования. Сб. статей. Международная научно-практическая конференция. Пенза: Изд-во Наука и просвещение, 2020. С. 48-52. <https://clck.ru/38cwdf>
15. Организация учебно-воспитательной работы в школе в 1941/1942 учебном году // Учительская газета. 1941. 23 августа.
16. Патрикеев Н.Б. Школьники Югры в годы Великой Отечественной войны. Забота государства о детях и их вклад в победу над врагом // Великий подвиг народа. Четвертые военно-исторические чтения, посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Докл. и соощ. 3–5 мая 2010 г. Ханты-Мансийск: ООО Типография «Югра-Принт», 2013. С. 53-62.

17. Попов А.А. Историко-культурная проблематика в исследованиях историков института языка, литературы и истории КОМИ НЦ УрО РАН (2012–2016 гг.) // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. 295 с. С. 275-295.

18. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 280 с.

19. Салимова Н.С. Школьное образование и деятельность культпросветучреждений в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: (по материалам газеты «Сталинская трибуна») // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Вып. 11. Нижневартовск-Омск, 2011. С. 162-166.

20. Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны, 1941–1945. Екатеринбург: ПАКРУС, 2005. 221 с.

21. Струсь Л.Ф. Памяти Н.А. Потанина // Страницы истории здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 1930–1940-е годы. <https://clck.ru/38cwpC>

22. Тимошенко А.И. Сибирский тыл как исторический феномен XX столетия // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 64-72.

References

1. Alekseeva, L.V. (2014). Ry`bnoe khozyajstvo XMNO v gody` Vtoroj mirovoj vojny` (1939–1945 gg.). Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 142 s. (in Russ.).

2. Budarin, M.E. (1968). Put` maly`x narodov Krajnego Severa k kommunizmu: KPSS – organizator socz. preobrazovanij v nacz. rajonax severa Zapadnoj Sibiri. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. Om. otd-nie, 474 s. (in Russ.).

3. Bukreneva, K.G. (2015). E`vakuirovanny`e leningradskie detskie doma v Xanty`-Mansijskom nacional`nom okruge v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 205 s. (in Russ.).

4. Gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti. (in Russ.).

5. Davy`dova, Yu.A. (1999). Zdravooxranenie v gorodax Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: 1941–1945 gg. Avtoref. diss. ... k.i.n. Novosibirsk, 23 s. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwbF>

6. Zav`yalova, L.M. Zdravooxranenie Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 godov. (in Russ.). <https://clck.ru/gks5L>

7. Ilievskij, N.V. (2010). Problemy` i zadachi sovremennoj istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny` // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 5. S. 3-9. (in Russ.).

8. Kazennoe uchrezhdenie «Gosudarstvenny`j arxiv XMAO – Yugry`». (in Russ.).

9. Kazennoe uchrezhdenie «Istoricheskij arxiv Omskoj oblasti». (in Russ.).

10. Kirilyuk, D.V. (2010). Obshheobrazovatel'naya shkola Xanty'-Mansijskogo nacional'nogo okruga vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny'. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. № 1(21). S. 27-34. (in Russ.).
11. Kirilyuk, D.V. (2019). Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 g.). Kurgan: Kurganskij Dom pečati, 400 s. (in Russ.).
12. Kiselev, A.G. (2020). Daleko ot vojny': povsednevnyaya zhizn' Xanty'-Mansijskogo nacional'nogo peduchilishha v 1941–1945 gg. *Vestnik ugrovedeniya*. T. 10. № 4. S. 709-717. (in Russ.).
13. Nabokova, L.V. (2005). Ry'ba dlya fronta. *Yugra*. № 10. S. 63-67. (in Russ.).
14. Nazmutdinov, G.R., Antonov, V.E., Zagumenny'x, P.G., & Samedov, E'.A. (2020). Zhizn' vy'pusknikov fel'dshersko-akusherskoj shkoly' v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. *Novy'e pedagogicheskie issledovaniya*. Sb. staej. Mezhdnarnodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Penza: Izd-vo Nauka i prosveshhenie, S. 48-52. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwdf>
15. Organizaciya uchebno-vospitatel'noj raboty' v shkole v 1941/1942 uchebnom godu. (23 avgusta 1941). *Uchitel'skaya gazeta*. (in Russ.).
16. Patrikeev, N.B. (2013). Shkol'niki Yugry' v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. Zabota gosudarstva o detyax i ix vklad v pobedu nad vragom. *Velikij podvig naroda. Chetverty'e voenno-istoricheskie chteniya, posv. 65-letiyu Pobedy' v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Dokl. i sooshh. 3–5 maya 2010 g. Xanty'-Mansijsk: OOO Tipografiya «Yugra-Print», S. 53-62. (in Russ.).
17. Popov, A.A. (2017). Istoriko-kul'turnaya problematika v issledovaniyax istorikov instituta yazy'ka, literatury' i istorii KOMI NCz UrO RAN (2012–2016 gg.). *Istoriko-kul'turny'e aspekty' izucheniya severny'x territorij Rossii (issledovaniya, istochniki, istoriografiya)*. Sbornik statej. Sy'kty'vkar: GOU VO KRAGSiU, 295 s. S. 275-295. (in Russ.).
18. Pribyl'skij, Yu.P. (1986). Sovetskij Sever v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' (1941–1945 gg.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 280 s. (in Russ.).
19. Salimova, N.S. (2011). Shkol'noe obrazovanie i deyatel'nost' kul'tprosvetuchrezhdenij v Xanty'-Mansijskom nacional'nom okruge v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny': (po materialam gazety' «Stalinskaya tribuna»). *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'*. Kraev. zap. Vy'p. 11. Nizhnevartovsk-Omsk, S. 162-166. (in Russ.).
20. Serazetdinov, B.U. (2005). Yugra v gody' vojny', 1941–1945. Ekaterinburg: PAKRUS, 221 s.
21. Strus', L.F. & Pamyati, N.A. Potanina. *Stranicy istorii zdravooxraneniya Xanty'-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry', 1930–1940-e gody'*. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwpC>
22. Timoshenko, A.I. (2015). Sibirskij ty'l kak istoricheskij fenomen XX stoletiya // Ural'skij istoricheskij vestnik. № 1 (46). S. 64-72. (in Russ.).

дата поступления: 27.11.2023

дата принятия: 02.12.2023

© Алексеева Л.Б., 2024

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/07>

Билль М.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА СССР В ПЕРИОД 1946–1953 ГГ.

M.V. Bill

ON SOME ASPECTS OF THE ACTIVITY OF THE USSR STATE ARBITRATION IN 1946–1953

Аннотация. Для Советского Союза, одержавшего победу в Великой Отечественной войне и внёсшего решающий вклад в победу союзников во Второй Мировой войне, послевоенный период был ознаменован острой необходимостью форсированного восстановления экономики, понёсшей серьёзные утраты в связи со значительными людскими потерями, разрушениями производственных предприятий, нарушениями логистических связей, прерыванием торговых отношений между различными субъектами социалистического хозяйствования. Государственный арбитраж СССР, являясь органом, сочетающим в себе судебные и административные функции, стал одним из тех государственных механизмов, посредством деятельности которых осуществлялся восстановительный процесс в советской послевоенной экономике. Разрешение споров между хозяйствующими субъектами, а также контроль за исполнением решений по названным спорам в означенный исторический период преследовал главной целью обеспечение бесперебойного функционирования и взаимодействия советских предприятий и учреждений. В настоящей статье, основываясь на широком круге исторической литературы и впервые вошедших в научный оборот архивных источниках, предпринимается попытка посредством использования нарративного, историко-сравнительного, хронологического и статистического методов исторического исследования провести анализ деятельности Государственного арбитража СССР с 1946 по 1953 гг., поскольку в указанный период деятельность указанного органа была напрямую связана с восстановлением послевоенной советской экономики. Для выявления основных направлений деятельности Государственного арбитража СССР, связанных с восстановлением послевоенной советской экономики, автор большое внимание уделяет статистическим данным, содержащимся в архивных источниках. Отмечая роль Государственного арбитража СССР в системе органов государственной власти, чья деятельность была направлена на форсированное решение поставленных экономических задач, автор раскрывает и его работу по повышению

Abstract. For the Soviet Union, which won the Great Patriotic War and made a decisive contribution to the victory of the Allies in World War II, the post-war period was marked by the urgent need for a forced recovery of the economy suffering seriously as a result of significant human losses, the destruction of industrial enterprises, disruption in logistics links, the interruption of trade relations between various subjects of socialist economy. The State Arbitration of the USSR as a body with judicial and administrative functions became one of the state mechanisms to carry out the restoration process in the post-war Soviet economy. In this historical period the resolution of disputes between economic entities, as well as control over the execution of decisions on these disputes pursued the goal to ensure the smooth functioning and interaction of Soviet enterprises and institutions. Through the use of narrative, historical-comparative, chronological and statistical methods of historical research the article, based on a wide range of historical literature and archival sources introduced into scientific circulation for the first time, reveals an attempt to analyze the activities of the USSR State Arbitration in the period from 1946 to 1953, since during this period the activities of the body were directly related to restoration of the post-war Soviet economy. In order to identify the main activities of the USSR State Arbitration in the post-war period related to the restoration of the post-war Soviet economy, the paper pays great attention to the statistical data contained in archival sources. Noting the role of the USSR State Arbitration in the system of state authorities, with the activities aimed at the accelerated resolution of the economic tasks set, the article also reveals the work made to improve the State Arbitration's own

собственной эффективности. В статье характеризуется историческая ситуация, в которой Государственному арбитражу пришлось функционировать и развиваться после окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Государственный Арбитраж СССР, послевоенный период; восстановление экономики; нормативно-правовое регулирование; арбитражный процесс.

Сведения об авторе: Билль Марис Владиславович, ORCID: 0009-0005-6517-118X, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, marisbill@yandex.ru

effectiveness. The article describes the historical situation in which State Arbitration had to function and develop after the Great Patriotic War.

Keywords: State Arbitration of the USSR, post-war period; economic recovery; legal regulation; arbitration process.

About the author: Maris V. Bill, ORCID: 0009-0005-6517-118X, Surgut State University, Surgut, Russia, marisbill@yandex.ru

Билль М.В. О некоторых аспектах деятельности государственного арбитража СССР в период 1946–1953 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/07>

Bill, M.V. (2024). On Some Aspects of the Activity of the Ussr State Arbitration in 1946–1953. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/07>

Советский Союз – главная движущая сила, обеспечившая победу над фашизмом, – по итогам Великой Отечественной войны оказался в крайне тяжёлом демографическом, экономическом, социальном положении. По официальной оценке, людские потери СССР составили 26,6 млн человек [20]. Многие населённые пункты находились в разрушенном состоянии. 31 850 промышленных предприятий, где до войны работало 4 млн рабочих, были уничтожены. Оказались утраченными 65 000 км железнодорожных путей. Пострадало 36,8 млн га посевных площадей [16]. Верховный Совет СССР в марте 1946 г. утвердил пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.

Восстановление советской экономики в послевоенный период требовало усилий, связанных не только с привлечением значительных трудовых ресурсов, но и с обеспечением эффективной и бесперебойной работы государственных органов и институтов. Повышение их эффективности сопровождалось, в том числе, и реформированием. Реформы, направленные на повышение качества исполнения возложенного на него функционала, затронули и Государственный арбитраж СССР. Связаны они были, в первую очередь, с тем, что сам Государственный арбитраж по итогам военного периода испытывал значительные трудности в плане материально-технического и кадрового обеспечения.

Различные аспекты проблематики, рассматриваемой в настоящей статье, нашли отражение в работах видных исследователей. Так, Е.С. Андреева исследует вопрос структуры и системы органов Государственного арбитража СССР [1], Г.В. Атаманчук – Государственный арбитраж в качестве органа, входящего в систему государственного управления в СССР [3]. С.Н. Братусь изучил правовую природу органов Государственного арбитража [4]. Д.В. Воронин анализирует реформирование органов Государственного арбитража СССР в послевоенный период [5]. В.И. Власов охарактеризовал

Государственный арбитраж СССР в качестве органа, осуществляющего экономическое правосудие [6]. Т.А. Григорьева провела анализ деятельности Государственного арбитража в контексте истории развития арбитражной юрисдикции [14]. А.Н. Гурьева посвятила исследование вопросу повышения в 1950–1955 гг. качества работы Государственного арбитража [15]. А.В. Захарченко исследовал проблему межведомственных конфликтов [17]. С.И. Комов изучил воздействие Государственного арбитража СССР на организации и предприятия с целью предотвращения совершаемых ими нарушений в сфере экономической деятельности [18]. А.С. Машкова проводила анализ изменения компетенций Государственного арбитража СССР в период восстановления послевоенной экономики [19].

31 августа 1946 г. заместитель Главного Арбитра при Совете Министров СССР утвердил Положение «Об отделе инструктирования Госарбитража при Совете Министров СССР». Оно было направлено на обеспечение реализации закреплённого в ст. 12 Положения «О Государственном арбитраже» права инструктирования Госарбитражем при Совете Министров СССР Арбитражей, состоящих при Совете Министров союзных республик и ведомствах СССР.

Новое положение наделяло Государственный арбитраж следующим функционалом: 1) составление планов обследования государственных и ведомственных арбитражей и проведение обследований; 2) изучение представленных арбитражами отчётных материалов и составление по ним инструктивных указаний; 3) составление информационных и инструктивных писем; 4) инструктирование государственных и ведомственных арбитражей как по их запросам, так и в связи с заявлениями отдельных организаций; 5) инструктирование государственных и ведомственных арбитражей на основании изучения разрешённых ими дел, организация совещаний государственных и ведомственных арбитражей и подготовка к этим совещаниям докладов и проектов постановлений; 6) систематическое изучение работы государственных и ведомственных арбитражей и разработка мероприятий по совершенствованию их работы; 7) разработка всякого рода положений, инструкций, указаний по вопросам организации работы государственных арбитражей; 8) разработка схем отчётов, докладов, актов, методики обследования, форм бланков, форм отчёта и статистической отчётности; 9) составление сводных статистических отчётов о работе государственных и ведомственных арбитражей; 10) разработка методологии статистического учёта и отчётности и инструктирование по вопросам статистического учёта и отчётности; 11) составление плана производственной практики работников Госарбитража, контроль выполнения планов, а также организация практических занятий и руководство ими; 12) разработка годовых и квартальных планов и контроль их выполнения [7, с. 36].

Создание отдела инструктирования Госарбитража при Совете Министров СССР преследовало основной целью повышение трудовой дисциплины в государственных и ведомственных арбитражах посредством усиления бюрократизации института арбитража

для более централизованного, унифицированного и эффективного осуществления арбитражами возложенных на них обязанностей и полномочий. Аналогичную цель преследовали и следующие положения, также утверждённые 31 августа 1946 г.: «Об Отделе надзора Госарбитража при Совете Министров СССР» и «Об Управлении делами Госарбитража при Совете Министров СССР».

Перед отделом надзора стояли задачи проведения ревизий решений Государственных арбитражей и доклад результата ревизий руководству Государственного арбитража при Совете министров СССР; составления обзоров о качестве решений; создания единства практики в государственных и ведомственных арбитражах; проверки по материалам дела соблюдения Госарбитражами правил и инструкций Союзного Госарбитража; участия в обследовании Арбитражей; ведения статистического учёта и отчётности [7, с. 47].

Исходя из задач, поставленных перед отделом надзора, можно утверждать, что основной целью его создания являлось повышение качества принимаемых судебно-административных решений. При этом ему был предоставлен ряд полномочий: 1) приём и предварительный просмотр жалоб, отсев жалоб неподлежащих принятию; возвращение их жалобщикам с указанием мотивов возврата или направление жалоб по поднадзорности; 2) проверка оплаты госпошлин за рассмотрение жалоб; 3) организация проверки не обжалованных решений Госарбитража при Совете министров СССР; 4) ревизия в порядке надзора решений как на основании жалоб, так и по инициативе отдела; 5) доклад хода и результатов дел руководству Госарбитража; составление проектов постановлений от отмене или изменении решений; составление писем об отказе в удовлетворении жалоб; 6) выявление дефектов, обнаруженных при проверке дел, и составление соответствующих указаний Госарбитражам и Госарбитрам; 7) изучение и учёт отмен и изменений решений Госарбитров и разработка мероприятий по их устранению; 8) разработка отдельных вопросов арбитражной практики; организация совещаний по разработке отдельных принципиальных вопросов арбитражной практики; ведение протоколов совещаний, составление проектов постановлений; 9) составление картотеки с целью обеспечения единства арбитражной практики; 10) подбор и обработка материалов для инструктивных писем Госарбитража; 11) составление обзоров о качестве решений как Госарбитража в целом, так и отдельных арбитражей и арбитров; 12) учёт всех поступивших в отдел надзора жалоб; составление месячных, квартальных и годовых статистических сведений о качестве работы Госарбитража; 13) выдача справок [7, с. 48].

Управление делами Госарбитража выполняло административные и финансово-бухгалтерские функции, а также осуществляло хозяйственное, социально-бытовое и техническое обслуживание аппарата Госарбитража при этом обязано было соблюдать экономию средств, материалов, бумаги и электроэнергии. В полномочия Управления делами входило в том числе: 1) выполнение обязанностей, предусмотренных правилами внутреннего распорядка, и контроль за выполнением служащими Госарбитража этих

правил; 2) разрешение всех споров, связанных с договором найма служащих; 3) представительство в РКК и подготовка материалов для заседаний РКК; 4) контроль за соблюдением служащими Госарбитража трудовой дисциплины; разработка и проведение мероприятий по поддержанию трудовой дисциплины и повышению производительности труда; 5) оформление приёма, отпусков, перемещений и увольнений сотрудников Госарбитража; 6) составление годового плана отпусков служащих Госарбитража, утверждение его на РКК и контроль его выполнения; 7) оформление командировок сотрудников Госарбитража; 8) оформление структуры, штатов и окладов; 9) составление смет, финансовых и классовых планов; оформление их и контроль исполнения сметы Госарбитража и т. д. [7, с. 49]

31 августа 1946 г. утверждается Положение «Об архиве Госарбитража при Совете Министров СССР». Задачами архива являлись организация, учёт и хранение материалов и обеспечение их сохранности. Руководство архивом осуществлял Заведующий, непосредственно подчинявшийся Заместителю Главного арбитра. В своей работе Архив руководствовался законодательными актами СССР, правилами, инструкциями и указаниям Главного архивного управления МВД СССР, приказами Госарбитража при Совете Министров СССР. На архив возлагалось хранение законченных делопроизводством дел и документов Госарбитража при Совете Министров СССР по согласованному с Главным Архивным Управлением МВД СССР перечню дел; проверка и приём сдаваемых в Архив Госарбитража дел и материалов; учёт и обеспечение сохранности материалов Архива Госарбитража, а также контроль за соблюдением правил и инструкций по делопроизводству Госарбитража [7, с. 51].

С целью наиболее качественного реформирования системы Государственного арбитража и донесения информации об имеющихся потребностях в совершенствовании отдельных аспектов функционирования данной системы 11 апреля 1946 г. Главный госарбитр В.Н. Можейко обратился к Председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину с письмом следующего содержания: «Считаю необходимым доложить Вам, товарищ Сталин, что работа государственных арбитражей существенно затрудняется рядом обстоятельств.

Госарбитраж при Совете Министров СССР разработал проект мероприятий, которые, по его мнению, необходимо провести для устранения этих обстоятельств и улучшения работы арбитражей.

Представляя справку об обстоятельствах, затрудняющих работу государственных арбитражей, и о мероприятиях по её улучшению, прошу Вас, товарищ Сталин, поручить рассмотреть и принять эти мероприятия.

Вместе с этим прошу Вас, товарищ Сталин, дать указания, к кому из Заместителей Председателя Совета Министров СССР должен обращаться Госарбитраж по возникающим у него вопросам, так как в постановлении Совета Министров СССР от 28 марта 1946 г. за

№ 674 не предусмотрено, кто из Заместителей Председателя Совета Министров СССР наблюдает за работой Государственного Арбитража» [8, с. 27].

К указанному письму прилагалась Справка об обстоятельствах, затрудняющих работу Госарбитражей, и о мероприятиях по её улучшению в виде таблицы. Главный Госарбитр в справке просил отклонить предложение Наркомюста, который с конца 1944 г. добивался ликвидации Государственного арбитража и передачи рассматриваемых им дел судам. При этом обращалось внимание на то, что проверка, проведённая в отношении Госарбитража СССР по инициативе Наркомюста, показала правильное и быстрое рассмотрение споров Государственным арбитражем. Обращалось внимание, что подавляющее большинство комиссаров признало предложение Наркомюста ошибочным и высказалось против него [8, с. 28]. Вероятно, Председатель Совета Министров СССР прислушался к этой просьбе Государственного арбитража и не допустил его ликвидации.

Справка содержала также положение о том, что Совету Министров СССР совместно с Госарбитражем необходимо рассмотреть список существующих арбитражей, их штат и, по согласованию с соответствующими Советами Министров союзных республик и Министерствами СССР, установить сеть государственных и ведомственных арбитражей и утвердить их штаты с учётом объёма работы каждого арбитража. Согласно справке последующее создание новых государственных и ведомственных арбитражей необходимо осуществлять только с одобрения Государственной Штатной Комиссии и Госарбитража при Совете Министров СССР. Вместе с тем в документе указывалось на целесообразность дать поручение Госарбитражу при Совете Министров СССР по согласованию с Советами Министров соответствующих союзных республик установить, какие госарбитражи должны рассматривать имущественные споры учреждений, предприятий и организаций, расположенных в областях, где не имеется госарбитражей [8, с. 29].

Данное обращение было связано с тем, что Положение о Госарбитраже, утверждённое в 1931 г., исходило из создания госарбитражей во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. Однако создание госарбитражей в некоторых областях расценивалось, как не имеющее необходимости. В связи с чем в ряде союзных республик не было областных госарбитражей (Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР) или госарбитражи имелись не во всех областях (Казахская ССР), а в некоторых областях действовали арбитражи, на разрешение которых поступало такое незначительное количество дел, что их существование не представлялось необходимым. При этом штаты арбитражей устанавливались без участия Государственного арбитража при Совете Министров СССР.

Главный арбитр СССР отмечал, что назначение работников госарбитражей было полностью децентрализовано. Все работники назначались на местах, причём, главные арбитры, их заместители и арбитры утверждались персонально органами, при которых состояли госарбитражи. Назначению работников госарбитражей на местах не всегда

уделялось необходимое внимание. В некоторых случаях в арбитражи назначались работники, не способные обеспечить выполнение возложенных на них обязанностей, и, наоборот, ценные для арбитража работники переводились на другую работу без ведома Госарбитража при Совете Министров СССР [8, с. 30].

Кроме прочего в обращении Главного арбитра указывалось на необходимость возобновления выпуска литературы по вопросам арбитража, в частности, журнала «Арбитраж». Также констатировалась важность восстановления преподавания курса «Арбитраж и арбитражное рассмотрение споров» в юридических ВУЗах и на юридических факультетах государственных университетов [8, с. 32].

18 мая 1946 г. письмо, аналогичное направленному И.В. Сталину, было направлено Заместителю Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. В связи с тем, что ответа Сталина на обращение В.Н. Можейко в архивных материалах обнаружено, представляется логичным предположить, что Председатель Совета Министров СССР переадресовал рассмотрение обращения руководителя Государственного арбитража своему заместителю.

30 ноября 1946 г. В.Н. Можейко обратился к Секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову со следующим предложением: «До войны в течении многих лет издавался журнал «Арбитраж». Этот журнал освещал задачи арбитража, содержание и методы его работы, вопросы, связанные с хозрасчётом, с заключением и исполнением хозяйственных договоров, освещал практику арбитража по разрешению имущественных споров.

В 1941 г. издание журнала было прекращено. Учитывая большое значение перечисленных выше вопросов, повышение в условиях новой Сталинской пятилетки значения хозрасчёта и договоров, - прошу Вас, товарищ Жданов, дать указание о возобновлении издания журнала «Арбитраж», хотя бы в самом минимальном объёме» [8, с. 113].

Государственный арбитраж, который, как и большинство советских организаций и учреждений, находился в тяжёлом организационно-техническом и кадровом положении в послевоенный период, продолжал осуществлять свою непосредственную деятельность по реализации судебно-управленческих функций в советской экономике параллельно с работой по восстановлению деятельности Госарбитража в условиях его реформирования, направленного на повышение качества работы. Первые документы, содержащие отчётность о послевоенной деятельности Госарбитража при Совете Министров СССР, в Государственном архиве Российской Федерации относятся к марту – октябрю 1947 г. Среди прочих особый интерес представляет письмо Главного арбитра Заместителю председателя Совета Министров СССР В.М. Молотову о некоторых итогах деятельности Госарбитража за 1947 г.: «Несмотря на большое значение хозяйственных договоров между социалистическими предприятиями в условиях первой послевоенной пятилетки, в практике заключения и исполнения договоров многими предприятиями имеются серьёзные недостатки, свидетельствующие о том, что не все хозяйственные работники правильно

оценивают значение договора, как орудия борьбы за выполнение плана и укрепление хозрасчёта.

Ввиду этого Госарбитраж считал бы весьма желательным издание в настоящее время Советом Министров Союза ССР постановления, направленного на устранение перечисленных недостатков, на улучшение практики заключения и выполнения хозяйственных договоров» [9, с. 25].

Таким образом, соблюдение договорной дисциплины и хозрасчёта продолжило быть основным направлением, вызывающим озабоченность Госарбитража и в послевоенный период, несмотря на то, что до начала войны была проделана значительная работа по повышению качества названных сфер деятельности хозяйствующих субъектов.

В 1948 г. Государственным арбитражем при Совете Министров СССР было принято к производству 14 388 дел, что существенно превышало 12 039 дел, принятых в 1947 году.

Значительное поступление дел имело место на протяжении всего года, однако особенно большое количество дел поступило в четвёртом квартале (4 265). Среднеквартальное поступление дел в 1948 г. составило 3 588 дел против 2 009 в 1947 году. В первом полугодии 1948 г. поступило 6 789 дел, во втором полугодии – 7 599.

В 1948 г. значительное количество исковых заявлений не было принято к производству в Госарбитраже при Совете Министров СССР. Общий отсев за год составил 3 351 исковое заявление, что равно 18,8% от их общего числа. В том числе 1644 заявления по разным причинам были возвращены истцам; 1267 направлено по подсудности в другие госарбитражи в порядке общего поручения.

Из поступивших в 1948 г. исковых заявлений 1389 имели те или иные дефекты в оформлении. Устранение этих дефектов было произведено истцами до приёма к производству путём представления по требованию Канцелярии дополнительных документов и сведений. Канцелярией предоставлялись поручения о перечислении госпошлины, почтовых квитанций об отсылке копий исковых материалов ответчикам и т. п.

В связи с усилением проверки представляемых истцами документов, свидетельствующих о перечислении госпошлины, с сентября месяца 1948 г. по декабрь включительно канцелярия Госарбитража направила в Мосгорбанк 1397 запросов о проверке поступления госпошлины по исковым заявлениям. При этом было выдано 442 справки на возврат госпошлины [10, с. 1].

В 1948 г. по сравнению с 1947 г. Госарбитраж в целом улучшил показатели по срокам рассмотрения дел и по явке сторон в заседания Госарбитража. Эти показатели на протяжении всего 1948 г. были лучше соответствующих показателей 1947 года.

Несколько улучшился показатель по ответам на сигналы. Количество обжалованных решений в 1948 г. по сравнению с 1947 г. увеличилось на 0,8%, что произошло за счёт резкого увеличения обжалований в третьем квартале 1948 года. Процент отменённых и изменённых решений стабилизировался. Количество посланных сигналов по Госарбитражу

в целом увеличилось с 1992 в 1947 г. до 2236 в 1948 году. Однако, в связи со значительным ростом поступления дел процент сигнализаций в 1948 г. оказался ниже, чем в 1947 г. на 0,5%. Также значительно возросло количество дел, разрешённых без отложений (с 11 756 в 1947 г. до 13 641 в 1948 г.). Однако по той же причине в процентном выражении этот показатель в 1948 г. оказался на 0,2% ниже такого же за 1947 год [7, с. 2].

Деятельность Государственного арбитража в 1949 г. статистически характеризуется содержанием приведённых ниже таблиц.

Таблица 1

**Общие количественные показатели рассмотренных споров
и осуществлённых сигнализаций в 1949 г. [Составлено по: 11, с. 136]**

Характер дел	Движение дел за отчётный период				Сроки рассмотрения			Сигнализации		
								Послано		Получено ответов
	Остаток дел на 1-е число отчётного	Поступило дел за отчётный	Решение дел за отчётный	Остаток дел на 1-е число следующего	До 15 дней	От 15 дней до 1 месяца	Свыше одного	Всего	В т. ч. судебно- следстве	
Исковые	869	17214	17045	1038	10469	5946	630	1751	361	1393
Преддоговорные	1	1910	1887	24	1790	86	11			
Всего, в т.ч. 10 дел приостановлено	870	19124	18932	1062	12259 64,7%	6032 31,9%	641 3,4%	1751 9,3%	361	1393 79,6%

Из таблицы 1 следует, что Государственный арбитраж продолжил наращивать темпы рассмотрения подсудных ему дел. При этом возросло число сигналов в следственные органы, что, очевидно, было связано с большим числом, выявленных в ходе разбирательств, нарушений, заслуживающих пристального внимания правоохранителей.

Таблица 2 демонстрирует, с одной стороны, высокое качество работы Государственного арбитража, поскольку число отменённых или изменённых решений в 1949 г. составило не более 4,5%, с другой стороны, указывает на тот факт, что между советскими предприятиями возникало большое число споров о ненадлежащих расчётах (9 678 дел).

Таблица 2

**Сводная информация об общем размере денежных требований,
рассмотренных Госарбитражем в 1949 г. [Составлено по: 11, с. 137]**

Предмет спора	Количество дел	На сумму (округлённо в тыс. руб.)		Надзор за решениями (по исковым и преддоговорным делам)						
		Всего		В т.ч. санкций		Кому принесена жалоба	Поступило жалоб	Рассмотрено	Отменено решений	Изменено решений
		Заявлено	Присуждено	Заявлено	Присуждено					
Нарушение дог. Сроков и количеств	15,2% 2595	222031	52,7% 117045	217891	116845	Главному арбитражу	3170	3057	422	148
Споры по качеству, комплектности, ассортименту	13,4% 2290	61,1% 348233	212953	125294	85999					
Количественные недостатки	5,3% 901	37679	53,7% 20254	561	86					
Споры по применению цен, ставок и тарифов	4,1% 697	98221	65,9% 64761							
Споры по расчётам	56,8% 9678	1582588	66,6% 1054229	9631	3606	Совету министров, Край (обл.) исполкому				
Прочие споры	5,2% 884	109103	48,6% 53068	36620	20603					
Итого	17045	2397855	63,5% 1522310	389997	227139	Всего	3170 16,7%	3057	422	148 4,4%
Средняя цена иска	140684 р.									

По итогам деятельности государственного арбитража при Совете Министров СССР старшие консультанты надзорного отдела Копылов и Александревская провели его проверку. В результате были выработаны рекомендации по совершенствованию деятельности Госарбитража, отражённые в Докладной записке. К их числу относились

следующие: «1) Ликвидировать имеющиеся место задержки в передаче дел производственным отделам, в возврате исковых материалов истцам и в ответах на запросы. Ответы на запросы и возврат истцам дефектно оформленных исковых заявлений, по которым не истребуется дополнительных материалов, производить не позднее 5 дней со дня их поступления в Госарбитраж. 2) Прекратить возврат исковых заявлений со ссылкой только на невыполнение истцом требования статьи 7 Правил (обязательно указывать мотивы возврата). 3) Запретить возвращать исковые заявления по мотиву повторности исковых требований, «отсутствию спора», а также возвращать надлежаще оформленное исковое заявление истцам только для того, чтобы они направили их по установленной подсудности. 4) Запретить возврат истцам исковых заявлений, уже принятых к производству Госарбитража. 5) Не задерживать разрешения преддоговорных споров только по мотиву отсутствия доказательств отсылки копии заявления владельцу подъездного пути. Передавать такие преддоговорные споры в день их поступления на распоряжение арбитра. 6) Не принимать к рассмотрению исковых заявлений при отсутствии указаний на почтовый ящик ответчика – номерного завода и т. д.» [10, с. 16-17].

Указанная докладная записка легла в основу приказа по Государственному арбитражу, направленному на устранение выявленных недочётов в работе.

1951 год также сопровождался проведением проверки деятельности Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Данная проверка была плановой и проводилась в соответствии с утверждённым ранее графиком в отношении отдела № 6. Главным образом она касалась изучения вопроса соблюдения Государственным арбитражем сроков, предусмотренных для рассмотрения дел. По итогам данной проверки была выявлена необходимость провести корректировки относительно соблюдения названных сроков. Рекомендации, содержащие требования к таким корректировкам были изложены в пояснительной записке проверяющих: «1) Необходимо на основе опытных данных установить для отделов Госарбитража при Совете Министров СССР единый график пробега документов, во избежание разнобоя в установлении дат слушания дел. 2) Следует указать госарбитрам, что четырёхдневный срок, установленный для рассмотрения преддоговорных споров с участием сторон, находящихся в г. Москве, следует исчислять со дня поступления преддоговорного спора по день вынесения решения без исключения выходных и праздничных дней. 3) При исчислении пятнадцатидневного и месячного срока рассмотрения исковых дел также не следует исключать выходные и праздничные дни, как это прямо предусмотрено инструктивными письмом Госарбитража при Совете Народных комиссаров СССР от 13.12.1940 г. 4) При наличии в отделах перегруженных графиков заседаний назначать преддоговорные споры к рассмотрению в дополнительных заседаниях. 5) Обеспечить при всех условиях своевременную рассылку решений» [11, с. 5-6].

Исполняющий обязанности Главного Арбитра при Совете Министров СССР М.П. Шалюпа отреагировал на результаты проверки соответствующей пояснительной запиской:

«Как показала проверка, на сроки назначения дел к слушанию существуют различные точки зрения и различная практика, а поэтому я считал бы необходимым поставить перед вами вопрос о выработке единого для всех госарбитров графика пробега документов для назначения дел к слушанию» [11, с. 7].

В архивах не удалось обнаружить соответствующие документы, свидетельствующие о выработке такого единого графика. Тем не менее, из приведённых рекомендаций проверяющих можно сделать вывод о большой загруженности сотрудников Госарбитража и значительном объёме рассматриваемых споров, а также о нацеленности проверяющих структур на увеличение темпов арбитражного судопроизводства. При этом сроки, отводимые для разрешения споров, представляются весьма сжатыми. К примеру, рассмотрение материалов дела о преддоговорном споре в четырёхдневный срок с момента поступления в арбитраж, на котором настаивали проверяющие, подразумевает крайне напряжённую работу. Для сравнения, в соответствии с пунктом 1 статьи 152 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «дело должно быть рассмотрено арбитражным судом первой инстанции в срок, не превышающий шести месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и на принятие решения по делу, если настоящим Кодексом не установлено иное» [2].

Установление сжатых сроков для рассмотрения дел Государственным Арбитражем при Совете Министров СССР скорее всего было обусловлено необходимостью форсировать темпы восстановления советской экономики в послевоенный период. Данный вывод следует из той логики, что предметом рассмотрения Госарбитража были споры, вытекающие из хозяйственной и иной экономической деятельности субъектов гражданского оборота СССР. Следовательно, задержки в рассмотрении тех или иных разногласий между данными субъектами могли привести к простою в той или иной сфере экономической деятельности, что являлось недопустимым в послевоенное время в условиях поставленных целей скорейшего восстановления страны.

В целом, деятельность Государственного арбитража СССР в 1951 г. характеризовалась показателями согласно приведённой ниже таблице 3.

Таблица 3 демонстрирует примерное соответствие количественных показателей дел, рассмотренных Государственным арбитражем в 1951 г. предшествующим периодам.

Таблица 3

**Общие количественные показатели рассмотренных споров
и осуществлённых сигнализаций в 1951 г. [Составлено по: 13, с. 1]**

Характер дел	Движение дел за отчётный период				Сроки рассмотрения			Сигнализаций послано		
	Остаток дел на 1-е число отчётного	Поступление дел за отчётный период	Рассмотрено дел за отчётный период	Остаток дел на 1-е число следующего	До 15 дней	От 15 дней до 1 месяца	Свыше 1 месяца	Всего	В том числе следственным органам	Получено отводов
Исковые	11824	202045	198403	15468	88442	60691	49270	5551	118	2445
Преддоговорные	22	11289	11288	23	10333	632	323	6		3
Всего	11846	213334	209691	15489	98775	61323	49593	5557	118	2448

1953 год стал особо значимым в деятельности Государственного арбитража при Совете министров СССР. Уже через десять дней после смерти И.В. Сталина Государственный арбитраж был передан в ведение Министерства юстиции СССР. Борьба, начатая Министерством юстиции в 1944 г. за упразднение неподконтрольного органа, завершилась своеобразным компромиссом. Специфика и сложность споров, рассматриваемых Государственным арбитражем, а также авторитет многих госарбитров, накопленный с 1931 г., не позволили ликвидировать данный орган. Однако, уход И.В. Сталина, к которому обращался Главный арбитр за содействием в сохранении Госарбитража и его статуса, позволила Минюсту СССР взять в свои руки контроль над судопроизводством в экономической сфере.

Подводя итог, представляется возможным сделать следующие выводы о деятельности Государственного арбитража СССР в период восстановления послевоенной экономики.

Во-первых, в данный период Государственный арбитраж претерпел ряд преобразований: внутри создавались дополнительные структуры: отдел надзора, отдел инструктирования, управление делами, архив; были открыты новые Госарбитражи в союзных республиках и при советах министров союзных республик; в высших учебных заведениях был возобновлён курс «Арбитражного процесса» с тем, чтобы решать накопившиеся проблемы по обеспечению Госарбитража квалифицированным кадровым составом.

Во-вторых, преобразования были направлены на улучшение качества и увеличение интенсивности работы Государственного арбитража, поскольку требовалось повысить скорость рассмотрения дел для обеспечения бесперебойного функционирования экономических субъектов, т. к. любое процессуальное затягивание могло привести к простоям, что являлось недопустимым в условиях форсированного процесса восстановления послевоенной экономики. Об этом же свидетельствует характер

рекомендаций, выдававшихся по итогам проверок в отношении Госарбитража, которые были направлены на сокращение сроков рассмотрения дел.

В-третьих, Государственный арбитраж, являясь уникальным судебно-административным органом, возникшим в условиях административно-командной экономики и в полной мере отвечавший поставленным перед ним задачам, не сумел отстоять свою независимость, но обеспечил продолжение своей деятельности в качестве органа, подведомственного Министерству юстиции СССР.

Литература

1. Андреева Е.С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г. (Историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 197 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Электронно-правовая система Консультант плюс. <https://clck.ru/E5sCu>
3. Атаманчук Г.В. Сущность советского государственного управления. М.: Юрид. лит., 1980. 256 с.
4. Братусь С.Н. Правовая природа органов государственного арбитража // Повышение роли государственного арбитража в механизме социалистического хозяйствования: сб. ст. М., 1981. С. 91-99.
5. Воронин Д.В. Развитие института Государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты (1922–1991 гг.): Дис. ... док-ра. ист. наук. Кемерово, 2016. 553 с.
6. Власов В.И. История судебной власти в России. Кн. 2: 1917–2003 годы. М.: Компания Спутник, 2004. 644 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 138.
8. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 140.
9. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 167.
10. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 198.
11. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 306.
12. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 307.
13. ГАРФ. Ф. Р-8424. Оп. 1. Д. 412.
14. Григорьева Т.А. Историко-правовой анализ возникновения арбитражной юрисдикции. Саратов, 2002. 148 с.
15. Гурьева А.Н. К вопросу о совершенствовании организационно-правовой формы и качества работы органов государственного арбитража в 1950–1955 гг. // Общество и право. 2010. № 2(29). С. 32-36.
16. Евсеева Е.Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 6. <https://clck.ru/38d6Sz>

17. Захарченко А.В. Производственная деятельность и хозяйственные интересы НКВД МВД в послевоенной экономике СССР (1945–1950 гг.): межведомственные конфликты и правительственный «Арбитраж» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. № 1. С. 136-141.

18. Комов С.И. Государственный арбитраж: формы воздействия на устранение, предупреждение нарушений в хозяйственной деятельности // Законность в хозяйственной деятельности: сб. ст. М., 1988. С. 112-117.

19. Машкова А.С. Этапы изменения компетенции Государственного арбитража в СССР // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 22-26.

20. Никифоров Ю.А. Цена победы СССР в Великой Отечественной войне // История. 2019. <https://doi.org/10.18254/S207987840004391-9>

References

1. Andreeva, E.S. (2002). Stanovlenie i razvitie arbitrazhny`x sudov v Rossii v period s 1922 g. po 1993 g. (Istoriko-pravovoj aspekt): Dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 197 s. (in Russ.).

2. Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii // E`lektronno-pravovaya sistema Konsul`tant plyus. (in Russ.). <https://clck.ru/E5sCu>

3. Atamanchuk, G.V. (1980). Sushhnost` sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya. M.: Yurid. lit., 256 s. (in Russ.).

4. Bratus`, S.N. (1981). Pravovaya priroda organov gosudarstvennogo arbitrazha. *Povy`shenie roli gosudarstvennogo arbitrazha v mexanizme socialisticheskogo khozyajstvovaniya*: sb. st. M., S. 91-99. (in Russ.).

5. Voronin, D.V. (2016). Razvitie instituta Gosudarstvennogo arbitrazha i ego vliyanie na sovetskuyu e`konomiku: soyuzno-respublikanskij i regional`ny`j aspekty` (1922–1991 gg.): Dis. ... dok-ra. ist. nauk. Kemerovo, 553 s. (in Russ.).

6. Vlasov, V.I. (2004). Istoriya sudebnoj vlasti v Rossii. Kn. 2: 1917–2003 gody`. M.: Kompaniya Sputnik, 644 s. (in Russ.).

7. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-8424. Op. 1. D. 138. (in Russ.).

8. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 140. (in Russ.).

9. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 167. (in Russ.).

10. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 198. (in Russ.).

11. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 306. (in Russ.).

12. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 307. (in Russ.).

13. GARF. F. R-8424. Op. 1. D. 412. (in Russ.).

14. Grigor`eva, T.A. (2002). Istoriko-pravovoj analiz vzniknoveniya arbitrazhnoj yurisdikcii. Saratov, 148 s. (in Russ.).

15. Gur`eva, A.N. (2010). K voprosu o sovershenstvovanii organizacionno-pravovoj formy i kachestva raboty organov gosudarstvennogo arbitrazha v 1950–1955 gg. *Obshhestvo i pravo*. № 2(29). S. 32-36. (in Russ.).
16. Evseeva, E.N. (2002). SSSR v 1945–1953 gg.: e`konomika, vlast i obshhestvo. *Novy`j istoricheskij vestnik*. № 6. (in Russ.). <https://clck.ru/38d6Sz>
17. Zaxarchenko, A.V. (2012). Proizvodstvennaya deyatel`nost i xozyajstvenny`e interesy NKVD MVD v poslevoennoj e`konomie SSSR (1945–1950 gg.): mezhvedomstvenny`e konflikty i pravitel`stvenny`j «Arbitrazh». *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. № 1. S. 136-141. (in Russ.).
18. Komov, S.I. (1988). Gosudarstvenny`j arbitrazh: formy vozdeystviya na ustranenie, preduprezhdenie narushenij v xozyajstvennoj deyatel`nosti. *Zakonnost v xozyajstvennoj deyatel`nosti*: sb. st. M., S. 112-117. (in Russ.).
19. Mashkova, A.S. (2022). E`tapy izmeneniya kompetencii Gosudarstvennogo arbitrazha v SSSR. *Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry`*. № 1. S. 22-26. (in Russ.).
20. Nikiforov, Yu.A. (2019). Cena pobedy SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. *Istoriya*. (in Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207987840004391-9>

дата поступления: 18.11.2023

дата принятия: 04.12.2023

© Билль М.В., 2024

УДК 625.7/.8(091)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/08>

Веселов С.И.

**СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ
АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА: МЕЖДУ РЕГИОНАЛЬНЫМ
ЛОББИЗМОМ И ВЕДОМСТВЕННЫМ ВОЛОНТАРИЗМОМ**

S.I. Veselov

**SOVIET PRACTICES OF FINANCING THE OPERATION OF HIGHWAYS
IN THE TYUMEN NORTH: BETWEEN REGIONAL LOBBYING
AND DEPARTMENTAL VOLUNTARISM**

Аннотация. В статье анализируются советские практики финансирования эксплуатации автомобильных дорог Тюменского Севера в середине 1960-х – начале 1970-х гг. На материалах государственных и муниципальных архивов, а также воспоминаний автодорожников Тюменской области при помощи историко-генетического и историко-сравнительного методов предпринимается попытка показать ведомственные интересы и особенности региональных практик лоббизма в ходе формирования отчислений от предприятий Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в так называемый «дорожный фонд» Тюменской области на эксплуатацию автодорог в рамках указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1959 г. Выявляются основные проблемы финансирования ремонта и содержания автодорог, приводившие к противоречиям между советскими органами власти на областном и окружном уровнях. Активным продолжением региональных противоречий являлись межведомственные конфликты между управлением «Тюменавтотор» и предприятиями национальных округов. Суть главных противоречий в исследуемый период заключалась в ведомственной принадлежности автодорог Тюменского Севера. Они не относились к местным или областным автодорогам общего пользования и не могли быть отремонтированы за счет отчислений, получаемых по указу от предприятий и организаций в национальных округах. Среди практик администрирования автодорожной отрасли большую роль играло директивное планирование на год и формирование задания по долевого участию предприятий округов. Автор приходит к выводу, что предприятия и организации национальных округов стремились снизить объем денежных взносов на ремонт и строительство автодорог и перераспределить средства в районный или городской бюджет по месту нахождения

Abstract. The article analyzes the Soviet practices of financing the operation of highways in the Tyumen North in the mid-1960s – early 1970s. Based on the materials of state and municipal archives, as well as the memoirs of road users of the Tyumen region, with the help of historical-genetic and historical-comparative methods, an attempt is made to show departmental interests and features of regional lobbying practices during the formation of contributions from enterprises of the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets national districts to the so-called “road fund” of the Tyumen Region for the operation of highways within the framework of the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (April 7, 1959). The main problems of financing the repair and maintenance of highways, which led to contradictions between the Soviet authorities at the regional and district levels, are identified. Interdepartmental conflicts between *Tyumenavtodor*’s management and enterprises of the national districts were an active continuation of regional contradictions. The essence of the main contradictions in the period under study was the departmental affiliation of the highways of the Tyumen North. They did not belong to local or regional public roads and could not be repaired at the expense of deductions received by decree from enterprises and organizations in national districts. Among the practices of administration by the road industry, directive planning for the year and the formation of a task for the shared participation of enterprises of the districts played an important role. The author comes to the conclusion that enterprises and organizations of the national districts sought to reduce the amount of monetary contributions for the repair and construction of highways and redistribute funds to the district or city budget at the enterprise’s

предприятия. Однако советские органы власти в лице управления «Тюменавтотор» препятствовали этим процессам, преследуя цели не только финансового обеспечения строящихся автодорог юга области, но и привлечения дорожно-строительной техники и грузового автотранспорта предприятий.

Ключевые слова: автодорога; финансирование; ведомственные интересы; региональный лоббизм; автодорожное строительство; эксплуатация автодорог; ведомственный волюнтаризм.

Сведения об авторе: Веселов Севостьян Игоревич, ORCID: 0000-0002-5128-9559, канд. ист. наук, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, veselov19920304@mail.ru

location. However, the Soviet authorities, represented by *Tyumenavtodor*'s management, hindered these processes, pursuing the goals of financial support for roads under construction in the south of the region, as well as recruiting road construction equipment and enterprises' trucks.

Keywords: road; financing; departmental interests; regional lobbying; road construction; operation of highways; departmental voluntarism.

About the author: Sevostyan I. Veselov, ORCID: 0000-0002-5128-9559, Candidate of Historical Sciences, Surgut State University, Surgut, Russia, veselov19920304@mail.ru

Веселов С.И. Советские практики финансирования эксплуатации автомобильных дорог Тюменского севера: между региональным лоббизмом и ведомственным волюнтаризмом // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/08>

Veselov, S.I. (2024). Soviet Practices of Financing the Operation of Highways in the Tyumen North: Between Regional Lobbying and Departmental Voluntarism. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/08>

Одним из важных аспектов формирования единого транспортного пространства территории являются капитальные вложения в инфраструктуру региона. Региональные и ведомственные интересы на раннем этапе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса получили широкое отражение в исследованиях историков [21-23]. Однако по сей день ведомственность не рассматривалась как проблема финансового обеспечения эксплуатации (ремонта и содержания) автомобильных дорог Тюменского Севера.

В ходе формирования народнохозяйственного комплекса на Севере Тюменской области форсированными темпами преодолевалась проблема транспортной доступности районов освоения. Установление транспортного сообщения осуществлялось, как известно, между нефтегазовыми промыслами и населенными пунктами (городами и поселками), аэропортами, железнодорожными станциями, речными портами и пунктами обеспечения нефтегазопроводов. Механизм осуществления капитальных вложений в эксплуатацию автодорог национальных округов Тюменской области изначально не оговаривался в партийно-правительственных решениях, что определило дальнейшее нарастание противоречий и недостатков в ремонте и содержании ведомственных автодорог.

Исследование основано на широкой источниковой базе законодательных и делопроизводственных документов государственных и муниципальных архивов. Основными методами исследования являются историко-генетический и историко-сравнительный, раскрывающие особенности зарождения проблемы ведомственности в финансировании эксплуатации автодорог и выявление общего и особенного в подходах

предприятий и организаций Тюменского Севера по лоббированию отраслевых интересов группами влияния. При анализе мотивации руководителей предприятий и ведомств национальных округов Тюменской области применяется модель советской плановой экономики, описанная в исследованиях венгерского экономиста Я. Корнаи.

Согласно партийно-правительственному постановлению от 3 февраля 1966 г. «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966–1970 годы», автодорожное строительство находилось в ведении Министерства транспортного строительства СССР. Генеральному подрядчику нефтяников ставилась задача проложить не менее 300 км автомобильных дорог в Тюменской области. В постановлении такого уровня впервые было указано, что Министерство нефтедобывающей промышленности является генеральным заказчиком строительства внутрипромысловых и межпромысловых автодорог [11, л. 60]. В классификации советских СНиП Минтрансстрой сооружал автодороги ведомственного (внутрихозяйственного) назначения, которые не относились к автодорогам общего пользования. Основные капиталовложения в строительство транспортной инфраструктуры осуществлялись централизованно по титульным спискам Миннефтедобычи СССР. К 1967 г. автодорожники основного подрядного треста Главдорстроя в Тюменской области – «Тюмендорстроя» под руководством Ю.В. Юшкова сдали в постоянную эксплуатацию первые 19 км автодорог межпромыслового и внутрипромыслового назначения [10, л. 64].

Ведомственная мир-экономика формирующегося Западно-Сибирского народнохозяйственного комплекса функционировала в условиях регулирования Госпланом и отраслевыми министерствами, осваивавшими территорию комплекса. В ходе взаимодействия различных факторов возникали конфликты, порожденные государственно-ведомственными и межведомственными противоречиями при решении производственных вопросов (на уровне министерств, главков и т. д.). Как показывают последние исследования Н. Митрохина, Госплан с большой натяжкой можно назвать структурой, придававшей сбалансированность различным отраслям экономики, и нацеленной на предотвращение ведомственного волюнтаризма [19, с. 264-273]. Немаловажную роль в процессах порождения ведомственности играли группы влияния в отдельной отрасли, сопряженные с интересами представителей местных Советов.

В исследуемый период, как известно, советское государственное управление Тюменской области было представлено исполнительно-распорядительными и контрольными органами власти – исполкомами областных, окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся (облисполком, окрисполкомы и райисполкомы). Советские органы власти в Тюменской области стремились разрешать конфликтные ситуации или же, как правило, вставали на сторону тех, кто действовал в правовом поле, что вполне очевидно, или же принимали сторону тех, кто последовательно отстаивал региональные интересы, представлявшие жизненно важными. В 1965–1969 гг. в Тюменской области курировало автодорожную отрасль Министерство автомобильного

транспорта и шоссейных дорог РСФСР (Минавтошосдор РСФСР). Структурным подразделением Минавтодора, осуществлявшим строительство и эксплуатацию автодорог на региональном уровне, являлось областное управление «Тюменавтодор» (Облдоруправление). Основные источники финансирования строительно-монтажных и ремонтных работ Облдоруправления определены указом Президиума ВС РСФСР от 7 апреля 1959 г. Согласно его директивам, к участию в строительстве и ремонте местных автодорог могли привлекаться все колхозы, совхозы, предприятия и организации, расположенные как в сельской местности, так и в городах, независимо от их подчиненности. Размер долевого участия мог выражаться в выполнении хозяйственным или подрядным способом установленного объема работ. Для колхозов и совхозов выработка составляла от 3 до 6 дневных норм на каждую единицу техники, а несельскохозяйственные предприятия, имевшие свою дорожно-строительную технику, – не менее 6 дневных норм. Одновременно указ устанавливал санкции за уклонение от участия в автодорожном строительстве: штраф в размере до 50% сметной стоимости невыполненных работ и 40 руб. на руководителей. Другой наиболее распространенной практикой, обозначенной указом в виде исключения, стали денежные взносы в объеме 0,04% годовой стоимости продукции основной деятельности организаций. Так, например, объем отчислений по Ханты-Мансийскому национальному округу (ХМНО) составлял 0,05% от валовой продукции предприятия, не имевшего дорожно-строительной техники и грузовых автомобилей [12, л. 25]. 27 августа 1968 г. ВС РСФСР продлил действие указа до 1972 года.

Еще одним фактором усиления автодорожных работ в СССР в целом и по регионам в частности послужило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 августа 1968 г., установившее целевые отчисления на ремонт и строительство автодорог. Их объем составлял 2% от тарифов на перевозки в автотранспортных организациях и предприятиях, выделенных на самостоятельный баланс. Координировал процесс поступления отчислений Минавтошосдор РСФСР (с 1969 г. – Минавтодор РСФСР) на ремонт и строительство автодорог местного, республиканского и областного значения после утверждения бюджета правительством РСФСР на предстоящий год, согласованного с Министерством финансов РСФСР. В регионах разбивка отчислений происходила поквартально. Как отмечается в историографии, указ от 7 апреля 1959 г. и дополнения к нему от 27 августа 1968 г. сформировали стабильную базу финансового обеспечения строительства и ремонта автодорог в регионах РСФСР, послужившей основой для утверждения о «золотом веке» автодорожного строительства [14, с. 144-145].

В рамках этого указа, Тюменский облисполком формировал план дорожно-строительных работ по районам области и национальным округам. Далее окружные власти ежегодно издавали решения, где по каждому предприятию или организации устанавливался объем денежных взносов в адрес областного управления. Все отчисления на ремонт и

строительство автодорог от организаций и предприятий ХМНО получал на свой счет «Тюменавтодор» в региональном отделении Стройбанка СССР.

В восьмой и девятой пятилетках трест «Тюмендорстрой» осуществил строительство локальной сети ведомственных автодорог. Всего их было построено 768,1 км, что позволило решить некоторые отраслевые задачи нефтяников в межпромысловом транспортном обслуживании месторождений Кондинского, Сургутского и Нижневартовского районов и установить постоянное транспортное сообщение с некоторыми городами и поселками (См.: табл. 1). В период 1972 г. были сданы в постоянную эксплуатацию две автомагистрали ведомственного назначения: Сургут – Нефтеюганск и Нижневартовск – Мегион.

Таблица 1

**Строительство автомобильных дорог на Севере Тюменской области
предприятиями Минтрансстроя СССР в 1966–1975 гг.**

Тип объекта	Годы	
	1966–1970	1971–1975
Автодороги с твердым покрытием, в км	156,4	611,7

Источник: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6141. Л. 64; Ф. 2836. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

В исследуемый период ремонт и эксплуатацию ведомственных автодорог Тюменского Севера осуществляли предприятия Главтюменнефтегаза начиная с Сургутской дорожно-строительной конторы (август 1964 – ноябрь 1965 гг.), и заканчивая трестом «Тюменнефтедорстройремонт» (с ноября 1965 по сентябрь 1970 гг.). В 1970–1973 гг. межпромысловые автодороги находились на балансе НГДУ Главтюменнефтегаза, а внутрипромысловые – на балансе треста «Сургутнефтеспецстрой». Однако уже с 5 февраля 1973 г. межпромысловые автодороги были переданы Главтюменнефтегазом в состав управления автомобильных дорог «Дорремонт» в г. Нефтеюганске (со строительными участками в Сургуте и Нижневартовске) [20, л. 159], а с 1 января 1974 г. «Дорремонт» уже относился к структуре Производственного управления автомобильного транспорта (ПУАТ) [18, л. 1]. Нарушения эксплуатации межпромысловых и внутрипромысловых автодорог предприятиями, ответственными за их нормативное состояние, вызывали межведомственные противоречия между трестами «Тюмендорстрой» (Главдорстрой) и «Тюменнефтедорстройремонт» (Главтюменнефтегаз), и к тому же многочисленные структурные преобразования в зоне ответственности предприятий нефтяников.

В октябре 1968 г., принимая во внимание участие организаций и предприятий в отчислении средств на ремонт и содержание автодорог, их неудовлетворительное состояние и отсутствие службы по эксплуатации, Ханты-Мансийский окрисполком просил Тюменский облисполком решить вопрос о создании дорожного участка в г. Ханты-Мансийске для своевременного ремонта местных автодорог [9, л. 178-179]. В этом вопросе власти ХМНО поддержал Ямало-Ненецкий окрисполком, принявший постановление о

создании дорожно-производственного участка в Салехарде для выполнения работ по ремонту и эксплуатации автодорог и зимников. Отличительной чертой решения властей Ямала стало заблаговременное издание решения о формировании участка в составе управления «Тюменавтодор». Архивные документы свидетельствуют, что начальник управления «Тюменавтодор» И.М. Шумуртов разослал исполкомам национальных округов сообщение о том, что документация об образовании участков будет рассмотрена в облисполкоме и направлена в Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог [13, л. 242].

Однако после обращений конца 1960-х гг. ремонтно-строительных подразделений «Тюменавтодора» на территории округа, так и не было создано. Учредительные документы, судя по всему, не прошли утверждение в Минавтошосдоре РСФСР, что во многом было связано с нехваткой лимитов министерства на материально-технические ресурсы. Как вспоминают работники центрального аппарата министерства, в начале 1969 г. в связи с предстоящим разделом министерства, осуществлялось согласование раздела имеющегося финансирования. Борьба групповых интересов шла на уровне отраслевого разделения между автомобилистами и автодорожниками. В июне 1969 г. указом Президиума ВС РСФСР Минавтошосдор был разделен на две структуры: Министерство автомобильного транспорта и Министерство строительства и эксплуатации автомобильных дорог [17, с. 322-324]. То есть, в условиях перераспределения ресурсов Минавтошосдора региональные инициативы не получили поддержки.

В январе 1969 г. трест «Тюменнефтедорстройремонт» просил областное управление «Тюменавтодор» посодействовать в финансировании ремонта и эксплуатации автодорог в Ханты-Мансийском округе. Управление вежливо отвечало, что за счет ресурсов, по указу Президиума ВС РСФСР от 7 апреля 1959 г. и дополнений к нему от 27 августа 1968 г. «подлежат строительству и ремонту автодороги только общего пользования, сеть которых определена решением облисполкома и закреплена за производственными дорожными участками». А все остальные дороги местного значения (введенные в эксплуатацию в 1967 г. для нефтяников) в Ханты-Мансийском национальном округе классифицировались «ведомственными подъездными путями», ремонт и содержание которых должно было осуществляться за счет сил и средств ведомств, эксплуатирующих данные автодороги [3, л. 83].

Так, например, по архивным данным известно, что в 1969–1970 гг. организации ХМНО перечислили на счет управления «Тюменавтодор» 1 млн 974 тыс. руб. На ремонт автодорог округ получил всего 100 тыс. руб. на два года. В 1969 г. средства получили Кондинский и Советский районы – по 15 тыс. руб. и г. Ханты-Мансийск – 20 тыс. руб. В 1970 г. отчисления на ремонт и эксплуатацию составляли 50 тыс. руб.: Советский и Сургутский районы – по 10 тыс. руб., Ханты-Мансийск – 30 тыс. руб. [18, л. 79-80].

Руководители различных предприятий (трестов, заводов и т. д.) слабо были заинтересованы в том, чтобы отчислять часть валового дохода и стремились лавировать в условиях «невыгодных» капиталовложений в строительство и эксплуатацию автодорог. Так, например, управляющий трестом «Сургутгазстрой» в письме председателю Тюменского облисполкома К.П. Макурину и начальнику «Тюменавтодора» И.Д. Шумуртову просил пересмотреть задание об участии в строительстве и ремонте автодорог на 1969 г. в размере 33 520 тыс. руб., а также списать задолженность за 1968 г. Подобная ситуация произошла на Октябрьском рыбозаводе. Директор Зарубин отмечал в письме, что «Тюменавтодор» просит перечислить задолженность в сумме 6 366 руб. за 1968 и 1969 гг. Однако завод уже сдал бухгалтерскую отчетность управлению, и поэтому отразить расходы за этот период нет возможности, а имеющуюся задолженность «оплатить не можем и просим ее списать» [3, л. 193].

Мотивы поведения управляющих трестов и директоров заводов мы можем понять с позиции модели функционирования советской плановой экономики, описанной венгерским экономистом Я. Корнаи. Он объяснял стремление руководителей различных министерств и ведомств концентрировать ресурсы в ситуации их тотального дефицита. Управляющий трестом или директор завода не ориентировались на рыночные цены, и поэтому не сильно опасались банкротства. Их главной задачей являлось выполнение плановых заданий своими структурами. Руководители всех уровней полагали, что «их власть и престиж растут пропорционально расширению их ведомства». Не иссякающий поток государственных инвестиций (капиталовложений) считался панацеей от всех производственных проблем [16, с. 187-188]. В таком ракурсе мы можем понять, почему управляющие трестами и директора заводов не стремились участвовать в финансировании эксплуатации автодорог, а сохраняли прибыль от валовой продукции своего предприятия и перераспределяли ее на иные цели и задачи. Так, например, в 1969 г. тот же директор Октябрьского рыбозавода стремился передать отчисления от плана валовой продукции (2 200 руб.) Октябрьскому поселковому Совету на ремонт дамбы через р. Кондинку [3, л. 194]. В такой логике мы увидим нарастание «местнического» лоббизма в отдельных районах округа и стремление навязать ведомственные подходы по преодолению бездорожья управлению «Тюменавтодор».

К 1970 г. нарастают региональные противоречия между окружным и областным руководством Тюменской области по вопросу отчислений на строительство и ремонт автодорог. В своей докладной записке председатель Ханты-Мансийского окрисполкома А. Григорьева поднимала вопрос перед Тюменским облисполкомом об увеличении объемов финансирования на текущий ремонт местных автодорог. При планировании строительно-монтажных работ на автодорогах Севера Тюменской области не учитывалась нарастающая протяженность сети ведомственных автодорог. На ремонт «окружных» автодорог отпускалось всего 50 тыс. руб. на год, а требовалось не менее 250. Помимо этого, в записке подчеркивалось, что национальный округ привлекается к ремонту автодорог путем

денежных взносов и «только за два последних года указанные взносы составили более 1,5 млн рублей» [5, л. 40].

Однако в ответном письме начальника «Тюменавтодора» отмечалось, что сеть автодорог общего пользования (областных и местных) определена еще в 1965 г. решением Тюменского облисполкома. В соответствии с ним, в Ханты-Мансийском округе не имелось местных дорог круглогодичного действия. И, как следствие, финансирование капитального, среднего и текущего ремонта автодорог не могло быть осуществлено в требуемом объеме [5, л. 39].

Попытка преодоления противоречий между советскими органами власти, с одной стороны, и межведомственных конфликтов, с другой стороны, предпринимается 26 марта 1970 г. на V сессии Тюменского облисполкома. В своем пленарном докладе заместитель председателя облисполкома Л.А. Янин порицал пагубную практику хозяйственных руководителей, которые «не предусматривают в сметах на строительство промышленных предприятий и других объектов капитальные вложения для долевого участия в строительстве автомобильных дорог, уклоняются от выполнения обязательных объемов дорожных работ, стремятся заменить их денежными взносами» [4, л. 11]. Признавалось, что по Тюменской области на 1 января 1970 г. среди автономных округов и районов лидером по задолженности был Ханты-Мансийский округ – 393 тыс. руб., ЯННО – 79 тыс. руб., Тобольский район – 71 тыс. руб. По Ханты-Мансийскому округу крупным должником числилось НПУ «Юганскнефть», Сургутский рыбоконсервный комбинат, Игримгаз, леспромхозы западной части округа. На Ямале это были преимущественно геологоразведочные экспедиции. Заместитель председателя исполкома от имени Тюменского областного Совета потребовал «обеспечить безусловное выполнение доведенных на 1970 г. заданий по дорожному строительству в физических объемах и денежных взносах» и до 1 июня погасить задолженность по указам Президиума ВС РСФСР [4, л. 49].

Наряду с негативными тенденциями по сбору отчислений по указу от 7 апреля 1959 г., финансовое обеспечение строителей автодорог юга Тюменской области, судя по отдельным воспоминаниям, оставалось удовлетворительным. Для прояснения ситуации исследователи обычно обращаются к воспоминаниям, но в них, к большому сожалению, не всегда можно найти удовлетворительное объяснение. Шумуртов Иван Маркович, начальник управления «Тюменавтодор» в 1962–1973 гг. не оставил подробных воспоминаний. В отрывочных воспоминаниях начальника управления в 1973–1978 гг. В.П. Малкова эта проблема не определялась как главная, отмечалось только, что «успех дела на протяжении моей работы решали люди» [15, с. 307-309]. Начальник управления (объединения) «Тюменавтодор» в 1981–1995 гг. Ю.В. Куренков признавал, что «денег было “завались”, но не хватало катастрофически материалов...» [15, с. 313-323]. Проблема нехватки финансирования или конфликтность отчислений в «дорожный фонд» по указу

1959 г. первыми руководителями «Тюменавтодора» не озвучивалась, однако это можно объяснить, как отрывочным характером памяти отдельного человека, так и значительными недостатками интервьюирования.

Тем не менее проблема неучастия ряда предприятий в финансировании ремонта и строительства автодорог, которую обсуждали на сессии облисполкома, оставалась в практической плоскости нерешенной. Три группы межведомственных конфликтов, наглядно показывают на примере предприятий Тюменского Севера многообразие регионального лоббизма в: 1) нефтяной промышленности, 2) сельском и 3) лесном хозяйстве.

Наиболее показательная ситуация с отчислениями в условный «дорожный фонд» Тюменской области сложилась с нефтепромысловыми управлениями Главтюменнефтегаза. Так, в апреле 1970 г. начальник НПУ «Правдинскнефть» Г.Г. Ремеев в своем письме подчеркивал, что «областное управление не имеет в районах Крайнего Севера автодорог на своем балансе» и не занимается строительством новых автодорог по своим титульным спискам. Наоборот, «все дороги строятся и содержатся» за счет управлений Главтюменнефтегаза. Поэтому Г.Г. Ремеев ставил вопрос о законности применения указа от 7 апреля 1959 г. и выставлении счета на 1970 г. в размере 31 тыс. руб. [5, л. 139]. В июне того же года начальник НПУ «Шаимнефть» А.А. Горячев в своем письме высказал мнение согласное с мнением коллеги по отрасли, и также настаивал на том, что управление «Тюменавтодор» «на местные нужды денег не выделяет» и предложил передать отчисления АТК и НПУ «Шаимнефть» Урайскому горисполкому на обеспечение строительства внутригородских автодорог [5, л. 220].

Несмотря на прагматичные предложения нефтяных менеджеров, законодательство все-таки находилось на стороне управления «Тюменавтодор». Наиболее резкие заявления сделал в своем письме начальник Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции Г. Пономарев (п. Полярный в ЯННО). Он отмечал, что организация находится в тундре у подножия Уральских гор, оторвана от населенных пунктов и работает в условиях бездорожья, где отсутствуют вообще какие-либо круглогодичные пути сообщения. Геологоразведчики Полярного Урала считали выставление счета необоснованным и нелогичным [6, л. 47].

Вторую группу межведомственных конфликтов порождала практика взимания отчислений с предприятий сельского хозяйства. Так, например, в июле 1971 г. совхоз «Шаимский» НГДУ «Шаимнефть» просил пересмотреть объем работ в размере 1975 руб., т. к. совхоз самостоятельно ремонтирует закрепленные участки автодорог и мостов. Фактические траты совхоза составляли 12 тыс. руб., а само сельхозпредприятие являлось планово-убыточным. Однако, действуя по инструкции, управление «Тюменавтодор» не делало исключений в отношении автодорог нерентабельных предприятий. Для областного управления – это внутрихозяйственные подъездные пути, которые не относились к дорогам общего пользования [7, л. 249, 280].

Третью группу составляют конфликты управления «Тюменавтодор» с предприятиями лесного хозяйства. Оригинальная ситуация сложилась с Междуреченским леспромхозом. В октябре 1971 г. леспромхоз в письме Тюменскому облисполкому отмечал, что строит бетонную автодорогу от железнодорожной станции Устье-Аха до речной пристани поселка общей протяженностью 5,6 км., из которых в 1970–1971 гг. было уже построено 5 км. В письме подчеркивалось, что «строительство данной дороги возложено на леспромхоз вышестоящими организациями, видимо, по согласованию с облисполкомом и окрисполкомом». Призывая к справедливости, предприятие просило пересмотреть вопрос о взносах на ремонт и строительство автодорог общего пользования и зачесть укладку бетонной автодороги до пристани Устье-Аха. Судя по всему, «Тюменавтодор» игнорировал поступающие письма и не предоставлял ответа. Леспромхоз обратился в ВС РСФСР с призывом к справедливости в долевом участии ремонта и строительства автодорог и ходатайствовал о пересмотре взноса по предприятию [7, л. 123-124]. В конечном итоге, проблема не была разрешена положительно. Начальник управления «Тюменавтодор» утвердительно отвечал, что для освобождения леспромхоза «от участия в дорожном строительстве в соответствии с указом нет оснований» [7, л. 122].

Таким образом, среди практик администрирования в финансировании эксплуатации автодорог Тюменского Севера можно выделить следующие:

- директивное планирование дорожно-строительных работ на год осуществлялось Тюменским облисполкомом и далее задание по долевному участию в ремонте и строительстве автодорог «спускалось» по округам и районам области;

- указы Президиума ВС РСФСР от 7 апреля 1959 г. и 27 августа 1968 г. использовались как своеобразная «дорожная повинность» предприятий и организаций, у которых имелась автодорожная техника. В лучшем случае, они участвовали в отчислении денежных взносов. Эти указы сохраняли преемственность в истории транспортного освоения Советского Союза и в определенной степени вносили коррективы в советский опыт автодорожного строительства. Теперь к ремонту и строительству автодорог в округе не привлекалось население сельской местности в порядке мобилизации так, как это было в предшествующий период транспортного освоения [1, с. 63-64];

- правоприменительная практика в отношении указа от 7 апреля 1959 г. и инструкции Минавтодора РСФСР содействовала и регламентировала сбор средств на ремонт и строительство автодорог;

- сознательное создание дефицита средств региональными советскими органами власти в финансировании программ текущего и капитального ремонта ведомственных автодорог Тюменского Севера как на месторождениях, так и в городах;

- отсутствие гибкости советского законодательства в использовании поступавших средств по указам Президиума ВС РСФСР от 7 апреля 1959 г. и 27 августа 1968 г. на эксплуатацию автодорог;

– применение областным производственным управлением «Тюменавтодор» штрафных санкций в отношении предприятий автономных округов (штрафы на руководителей предприятий, выплата пени по неуплате в срок и т. д.).

В межведомственном противостоянии управления «Тюменавтодор» с предприятиями и организациями ХМНО и ЯННО советские органы власти оставались, как правило, на стороне автодорожников. Активно лоббировали свои отраслевые интересы нефтяники. Их руководители на областных и профсоюзных форумах (в лице заместителя начальника Главтюменнефтегаза Е.И. Павлова и др.) настаивали на необходимости сбросить «бремя» финансирования строительства и эксплуатации автодорог юга области, предлагая сосредоточить ресурсы на форсированном освоении месторождений, или же сохраняя отчисления на локальном уровне, – в районном или городском бюджете с последующим финансированием строительства и ремонта местных автодорог [2, л. 33].

Нерешенность вопроса с ведомственной сетью автодорог Тюменского Севера на начальном этапе нефтегазового освоения породила комплекс проблем с их дальнейшей эксплуатацией (ремонт и содержанием). Игнорирование предложений «снизу» от управленцев различных отраслей народного хозяйства Тюменского Севера (нефтяной промышленности, сельского и лесного хозяйства и др.) вызывало сопротивление хозяйственных руководителей, приводившее к саботированию решений региональных властей по отчислениям в «дорожный фонд» области и нарастанию задолженности предприятий.

Литература

1. Веселов С.И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Сб. науч. ст. Екатеринбург: Альфа Принт, 2020. С. 61-71.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3917. Оп. 1. Д. 28.
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 4852.
4. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4863.
5. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5004.
6. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5005.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5136.
8. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1012.
9. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 947.
10. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6141.
11. ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14.
12. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 944.
13. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 3. Оп. 2. Д. 55.

14. Дороги России. Исторический аспект. М.: Крук, 1996. 408 с.
15. Иванов О.В., Иваненко А.С. История автомобильных дорог Тюменской области. Тюмень: Слово, 1999. С. 307-309, 313-323.
16. Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. Пер. с англ. М.: Журнал Вопросы экономики, 2000. 672 с.
17. Костылев В. Алексей Николаев. М.: Молодая гвардия, 2010. 453 с.
18. Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 88. Оп. 1. Д. 193.
19. Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с.
20. МАГС. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 159.
21. Некрасов В.А. «Нефтегазовый приз», групповые интересы, ресурсная рента и проект экспорта природного газа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6(57). С. 179-187.
22. Некрасов В.Л., Хромов Е.А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2(3). С. 451-53.
23. Хромов Е.А. Влияние реформы управления промышленностью и строительством на функционирование нефтегазового комплекса СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Российская нефть: история и современность: сб. ст. Всерос. науч. конф. с межд. уч. Курган: Курганский Дом печати, 2016. С. 154-170.

References

1. Veselov, S.I. (2020). Predposy`lki formirovaniya dorozhno-stroitel`noj otrasli v Xanty`-Mansijskom nacional`nom okruge v 1930–1950-e gg. *Nakanune «Bol`shoj nefi»: Yugra v poslevoenny`e gody` (1945–1950-e gg.)*. Sb. nauch. st. Ekaterinburg: Al`fa Print, S. 61-71. (in Russ.).
2. Gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti (GASPITO). F. 3917. Op. 1. D. 28. (in Russ.).
3. Gosudarstvenny`j arxiv Tyumenskoj oblasti (GATO). F. 814. Op. 1. D. 4852. (in Russ.).
4. GATO. F. 814. Op. 1. D. 4863. (in Russ.).
5. GATO. F. 814. Op. 1. D. 5004. (in Russ.).
6. GATO. F. 814. Op. 1. D. 5005. (in Russ.).
7. GATO. F. 814. Op. 1. D. 5136. (in Russ.).
8. Gosudarstvenny`j arxiv Yugry` (GAYu). F. 1. Op. 1. D. 1012. (in Russ.).
9. GAYu. F. 1. Op. 1. D. 947. (in Russ.).
10. GASPITO. F. 124. Op. 1. D. 6141. (in Russ.).
11. GATO. F. 1933. Op. 1. D. 14. (in Russ.).

12. GAYu. F. 1. Op. 1. D. 944. (in Russ.).
13. Gosudarstvennyj arxiv Yamalo-Neneczkogo avtonomnogo okruga. F. 3. Op. 2. D. 55. (in Russ.).
14. Dorogi Rossii. Istoricheskij aspekt. (1996). M.: Kruk, 408 s. (in Russ.).
15. Ivanov, O.V., & Ivanenko, A.S. (1999). Istoriya avtomobil'nyx dorog Tyumenskoj oblasti. Tyumen': Slovo, S. 307-309, 313-323. (in Russ.).
16. Kornai, Ya. (2000). Socialisticheskaya sistema. Politicheskaya e'konomiya kommunizma. Per. s angl. M.: Zhurnal Voprosy e'konomiki, 672 s. (in Russ.).
17. Kosty'lev, V. (2010). Aleksej Nikolaev. M.: Molodaya gvardiya, 453 s. (in Russ.).
18. Municipal'nyj arxiv g. Surguta (MAGS). F. 88. Op. 1. D. 193. (in Russ.).
19. Mitroxin, N. (2023). Oчерки sovetskoj e'konomicheskoy politiki v 1965–1989 godax. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 504 s. (in Russ.).
20. MAGS. F. 102. Op. 1. D. 107. L. 159. (in Russ.).
21. Nekrasov, V.A. (2018). «Neftegazovyj priz», gruppovy'e interesy, resursnaya renta i proekt e'ksporta prirodnogo gaza. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 6(57). S. 179-187. (in Russ.).
22. Nekrasov, V.L., & Xromov, E.A. (2008). Partijny'e, regional'ny'e i vedomstvenny'e gruppy interesov v formirovanii politiki osvoeniya Zapadno-Sibirskoj neftegazovoj provincii (1961–1965 gg.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 2(3). S. 45153. (in Russ.).
23. Xromov, E.A. (2016). Vliyanie reformy upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom na funkcionirovanie neftegazovogo kompleksa SSSR v konce 1950-x – pervoj polovine 1960-x gg. *Rossijskaya neft': istoriya i sovremennost'*: sb. st. Vseros. nauch. konf. s mezhd. uch. Kurgan: Kurganskij Dom pečati, S. 154-170. (in Russ.).

дата поступления: 12.11.2023

дата принятия: 03.12.2023

© Веселов С.И., 2024

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/09>

V.V. Tsys

LABOUR ARMIES AS A FORM OF ORGANIZED LABOUR DURING THE MAKING OF THE SOVIET POLITICAL AND ECONOMIC SYSTEMS: FROM THE THEORY TO PUTTING THE UTOPIA INTO PRACTICE

Цысь В.В.

ТРУДОВЫЕ АРМИИ КАК ФОРМА ОРГАНИЗОВАННОГО ТРУДА В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ОТ ТЕОРИИ К РЕАЛИЗАЦИИ УТОПИИ НА ПРАКТИКЕ

Abstract. The paper is concerned with the prerequisites of the creation of the labour armies during the Civil War in Soviet Russia (1917–1921), the main functions and results of these armies' operations. The conclusion is made that labour armies were an imminent part of military communism, they never happened to be employed as the Red Army's reserve but as a tool of militarizing the country's economy and policies. The evolution of the organized labour units took two directions. Firstly, standardized units were being gradually organized instead of numerous and miscellaneous detachments that made the core of the labour armies in 1920. Another tendency consisted in reducing the number of excessive managerial staff that required additional resources. It is noted that the massive use of the armed forces for labour purposes is always a reaction to the critical situation in which a country finds itself, when neither political nor economic challenges can be responded to by standard means. Thus, the employment of militarized labour units at peacetime can never be justified. On the whole, labour armies proved effective as an emergency means of tackling economic problems and ensuring immediate economic operations. Despite the limited time span in which the labour armies had operated, they left a clear impact on the further course of events in Soviet Russia.

Keywords. Labour army; military communism; compulsory labour conscription; Civil War; Soviet Russia; labour.

About the author: Valery V. Tsys, ORCID: 0000-0002-9695-3900, Doctor of Historical Sciences, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, roshist@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки создания трудовых армий в годы Гражданской войны в Советской России (1917–1921 гг.), основные функции и результаты действий этих армий. Делается вывод, что трудовые армии были неотъемлемой частью военного коммунизма, они никогда не использовались как резерв Красной Армии, а как инструмент милитаризации экономики и политики страны. Эволюция трудовых соединений шла по двум направлениям. Во-первых, вместо многочисленных и разнородных отрядов, составлявших ядро трудовых армий в 1920 г., постепенно организовывались стандартизированные части. Другая тенденция заключалась в сокращении числа излишнего управленческого персонала, требовавшего дополнительных ресурсов. Отмечено, что массовое использование вооруженных сил в трудовых целях всегда является реакцией на критическую ситуацию, в которой оказалась страна, когда ни на политические, ни на экономические вызовы невозможно ответить стандартными средствами. В целом трудовые армии оказались эффективными как экстренное средство решения экономических проблем и обеспечения чрезвычайных хозяйственных задач. Несмотря на ограниченный период времени, в течение которого действовали трудовые армии, они оказали явное влияние на дальнейший ход событий в Советской России.

Ключевые слова: Трудовая армия; военный коммунизм, принудительная трудовая повинность; Гражданская война; Советская Россия; труд.

Сведения об авторе. Цысь Валерий Валентинович, ORCID: 0000-0002-9695-3900, д-р ист. наук, профессор, Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, roshist@mail.ru

Tsys V.V. Labour Armies as a Form of Organized Labour During the Making of the Soviet Political and Economic Systems: From the Theory to Putting the Utopia Into Practice // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/09>

Tsys, V.V. (2024). Labour Armies as a Form of Organized Labour During the Making of the Soviet Political and Economic Systems: From the Theory to Putting the Utopia Into Practice. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/09>

Russian historiography considers military communism primarily as the Bolshevik system of emergency measures aimed at the victory in the Civil War, with this system being regarded by certain contemporary state and communist leaders and their adherents as a tool of building socialism and communism. The prerequisites and the results of this policy still incite disputes among historians [See 1-3; 15; 20 etc.].

To a greater or lesser extent, military communism penetrated all branches of the country's economy: economic management, industry and agriculture, commerce and distribution, finance. One of the leading principles on which the economy was based consisted in the rebuilding of industrial relations on the grounds of compulsory labour conscription. That implied far more than the implementation of the well-known slogan *He who doesn't work doesn't eat either*. The labour market forces were to be taken over by a carefully planned, systematic distribution and redistribution of labour. The surplus-appropriation system was introduced to confiscate the bread surplus if a peasant was thought to have harvested too much. Moreover, human labour was no more considered to be an individual's property. Every citizen was to work in an environment where their professional background or practical skills would be most beneficial to the country's economy, that is, eventually, in the workplace the Soviet Union would order them to come to.

Communism was supposed to establish the new form of labour which would be plan-based, science-based, conscience-based, exploitation-free, antagonist conflict-free, common, and creative. According to V.I. Lenin, "Communist labour ... is unpaid work ... without expecting a reward, without asking a reward, work as the habit to contribute to the common cause" [16, p. 315].

However, the president of the Council of People's Commissars and his colleagues did not have a clear idea of how the Communist labour would prevail in Russia within the shortest possible period of time. Therefore, they had no other choice but to recur to occasional experiments in the field of labour relations.

It is well-known what great importance the Bolshevik leaders attached to community cleanup days and socialist competition as well as some other radically new forms of labour among peasants and industry workers. Nevertheless, the numbers of conscientious and overenthusiastic workers did not meet the expectations of the new authorities, as these numbers turned out to be not as impressive as anticipated and the new forms of organized labour proved obviously insufficient to match the needs of the national economy at the time of the civil war and deepening economic crisis. The country's population seemed completely unprepared for the immediate transition to the Communist labour, which necessitated new forms of organized labour, with labour

enforcement being the dominant one, while financial and moral motivation was reduced to a minimum or did not exist as such altogether.

At first, labour enforcement was supposed to be applied to “exploitation classes” only, but as the time went by, it became evident that this enforcement was spreading over all walks of life. The compulsory labour conscription being ever replaced by the free labour market was totally out of question. It was believed that the sheer process of work in combination with the propaganda of its usefulness and indispensability would reshape the mentality of anti-Communist proponents. This conception implied that no modification of state-workforce relations would be required as workforce itself would accept this system as the only possible solution, thus making no enforcement necessary.

In practice, the compulsory labour conscription existed in a variety of forms: militarization of labour in industry, involvement of the population into occasional work activities that required no special qualifications, such as lumber production, transportation of goods, community cleanups, etc.

One of the forms of manifestation of the compulsory labour conscription was labour armies – military units retracted from the front or specially created in Soviet Russia to fulfill the economic tasks during the Civil War and to facilitate the transition to the new economic policy.

The reasons which underlay the creation of the labour armies were as follows:

1) the Bolshevik theoretical ideas on the ways and forms of organizing the armed forces and regulating labour relations in the post-capitalist period, which resulted from the conception of the general militarization of the population and compulsory labour for everyone [6, p. 539; 17, p. 42; 18, p. 1 etc.];

2) the practice of involving the army and various forms of militarized labour into fulfilling the economic tasks during World War One and the Civil War;

3) the remaining threatening activities of the anti-Bolshevik forces combined with the economic hardships undermined the plans of reducing the armed forces and made the new Bolshevik authorities think of rational ways of employing the military units while they were not needed in the hostilities.

Generally speaking, both labour armies and military communism were of dual nature. On the one hand, the Bolshevik conception of the organization of the armed forces, labour relations, and methods of implementing their principles had an immediate impact on the state economic policy. On the other hand, the shape which the labour armies eventually took in terms of the militarization of industry and the compulsory labour conscription could not possibly have been foreseen. The Bolshevik decision-making was conditioned by the practical needs of minimizing risks of losing political power if anything went wrong and their vast experience in politics alongside intuitive solutions.

During the Civil War many of the decisions made and measures taken were a product of improvisation, generated by objective and subjective circumstances. Consequently, the labour

armies are also to be regarded as a spur-of-the-moment tool used to serve the Bolshevik doctrine on the basis of the previous experience.

The labour armies were conceived in the hope to tackle the economic downturn and make the transition to the compulsory labour conscription system within as short as possible and as smooth as possible. Alongside the community cleanup days the labour armies were thought of as the new powerful engine that would drive the whole mechanism of Soviet Russia to the bright future, as a specific bridge to the epoch of conscientious, goodwill-based labour. Yet, the labour armies were definitely not the form of organizing labour relations once the communism had been built, they could only be employed as an effective instrument of making this transition easier. The labour armies were a result of an experiment, which was based on the hope that the army of workers and peasants that had defeated the “White Guardians” and was full of revolutionary enthusiasm would prove efficient in completing any other type of task, rather than a detailed calculation and a deep, comprehensive analysis of the labour potential of the armed forces.

The transformation of the armed forces into the labour armies became a large-scale enterprise early in 1920 during the so-called “peace break”, which followed the defeat of the major anti-Bolshevik forces in Eastern and Southern Russia. In 1920–21 eight labour armies were formed: the First Revolutionary Army in the Urals, the Second Revolutionary Army in the lower Volga Region and North-West Turkestan, the Second Special Army in the middle Don Region that bordered on the south-east railways, the Petrograd Army, The Ukrainian Army, the Caucasus Army, the Donetsk Army, and the Siberian Army. In practice, the Reserve Army in the middle Volga Region was another labour army. Furthermore, the rear military detachments deployed in various military districts of the country or retracted from the front were also involved into serving the economic tasks.

Four major stages in employing the organized military labour can be distinguished.

The first stage (until January – mid-April 1920) witnessed some of the active armies being used for contributing to economic ends. The labour tasks were assigned to the military units that had the typical army system of command and organization, thus these units could be swiftly sent back to the front.

The second stage (until April 1921) was marked by the employment of miscellaneous labour groups for labour purposes, though in most cases these groups kept the military structure and were subject to the Revolutionary Military Council of the Republic. The troops were being replaced by engineering, building, lumber production and other units that were deployed to the key industrial and agricultural sites. The reserve armies (the Second Special Army, the Reserve Army) gradually adopted the practice of separation of the labour units from the staff charged with the training of the new military detachments.

The third stage (April – December 1921) was connected with the labour units of the Red Army coming under the jurisdiction of the People’s Commissariat for Labour. The reform resulted in all the labour units and armies being integrated into eight labour districts. Standardized units were organized – labour brigades with a common numeration, a centralized system of command

and provisioning, as one brigade of this type was to be quartered in every administrative unit of the country.

The fourth stage (1922) was the period when former labour units were transformed into state labour brigades, funded by the government and designated to maintain the leading role of the state in the employment of mass labour forces in the New Economic Policy.

The evolution of the organized labour units took two directions. Firstly, standardized units were being gradually organized instead of numerous and miscellaneous detachments that made the core of the labour armies in 1920. Another tendency consisted in reducing the number of excessive managerial staff that required additional resources. The army-based structure of labour units generated excessive supplies, which were employed for the maintenance of army facilities. Thus, the multi-layer army hierarchy (platoon, squadron, battalion, regiment, brigade, division, army) was being step by step substituted by labour brigades, i. e. a type of elementary production unit which was immediately subordinate to the command and did not require large technical staff. This allowed increasing the number of troops employed for production purposes to 50–80% by the early 1922 instead of 20–50% in 1920 according to the labour units' payrolls. However, the labour armies eventually lost their army structure to turn into typical labour teams.

A comprehensive analysis of the pattern of the labour armies reveals that during the Soviet-Polish war in 1920 they functioned not as just a labour-purpose reserve of the Red Army, which could be swiftly forwarded to the front in case of emergency, but rather as an element of the military communism system that mirrored the high level of militarization of the country's policies and economy.

The labour armies differed greatly in the number of troops they had at their disposal. For instance, the Ukrainian Labour Army incorporated 6,000–7,000 troops in the early March 1920, while the First Revolutionary Labour Army payrolls showed a massive 170,000 men in January 1920. The overall number of troops which were immediately employed for labour purposes within the spring – autumn period in 1920 remained relatively stable, and amounted to as much as 250,000–300,000 men [See 21, p. 69; 22, p. 3, 24; 23, p. 106-111], although by the early 1921 these numbers went down to 210,000 to fall further on to as low as 75,000 troops by the end of the same year [See 7, p. 3-4; 8, p. 1-2; 10, p. 143-145].

The manning of the labour armies came not only from the fighting troops and conscripts, but was also made up of regular army technical experts, former deserters, prisoners of war, and citizens called up through compulsory labour conscription.

The operations in which the labour armies participated were initially directed by Labour Army Councils, whose administration was composed of army commanders and representatives of a number of government departments. Many of the Labour Army Councils were headed by big names from the Communist party and the Soviet government – L.D. Trotsky (the First Revolutionary Labour Army), I.V. Stalin (the Ukrainian Army), Gr.E. Zinoviev (the Petrograd Army), I.N. Smirnov (the Siberian Army).

The labour armies' top priorities were transportation and fuel production. They were largely employed for coal mining, peat digging, petroliferous shale and oil production, wagon and railway engine repairs, railway and bridge repairs and clearance, etc. They were also used to ensure sufficient peasant labour conscription.

Soviet historians used to emphasize the enormous role the Red Army had played in the economic recovery of Soviet Russia. The extensive historiography of the Civil War – multi-volume works, monographs, research papers – revealed impressive statistic figures which seemed to reflect the huge contribution that the armed forces had made to handling the economic downturn.

According to the evidence we have managed to collect, the labour armies together with the rear labour units provided an estimated 20% of oil export and 4% of oil production in Soviet Russia in 1920, 20% of food production, 10% of firewood production. The armies employed for labour purposes ensured the measures to stabilize the transportations in the territories fought back from the White Guard. Throughout 1921 labour units produced 6.7% of coal in the Donbass region and 12.5% of coal in the Urals, 7.65% of oil, 5 to 13% of firewood in different parts of the country [See 9, p. 5; 11, p. 38, 41; 12, p. 85, 125; 13, p. 18; 14, p. 12].

Nonetheless, no significant progress was made in the industries with the extensive use of labour armies. Moreover, this progress never seemed possible. The aforementioned statistics may appear important only in comparison to the critically low production figures for 1920–21. The use of the armed forces for labour purposes only served to slow down the economic degradation of Soviet Russia. Although the army was able to stem the economic plight to a certain extent, it was never meant to overcome it.

The extensive demand for workforce needed in industry and transport had never been supplied by the labour units. On the contrary, this demand had been on a steady increase throughout 1920 to reach an all-time high at the peak of the military communism policy in January – March 1921. The shortage of workforce was not a problem by itself as this shortage had been somewhat artificially created. For instance, the Soviet railway transport industry had its railway engine pool radically reduced in 1920, while the number of workers employed in this industry more than doubled as compared to 1913. In the spring of 1920, a Donbass region mine worker had 7 to 12 working days a month on the average [5]. Therefore, the problem consisted in finding efficient ways of employing the existing workers instead of additionally recruiting dozens or hundreds of thousands of new people to subsequently organize them into labour units.

The army labour was a creation and an integral part of the military communism policy, thus it could not be used to positively impact the vicious practices of that policy, though it was obvious these practices heavily impeded the whole of Soviet Russia's economy. Although some growth was noticeable, it was achieved mainly through extensive means of production with critically low labour efficiency, large-scale absenteeism, overmanned staff, etc. The labour armies were only able of maintaining transport facilities and a number of militarized enterprises, while they undoubtedly failed to seriously contribute to the national economy. Coal and oil production, farming, railways cargo turnover, labour efficiency remained steadily, and often critically, low.

In reality, the use of the armed forces proved effective only for short-term and emergency tasks. Revolutionary enthusiasm could become a solid basis only for time-limited intensive activities with tangible and visible results. Only suchlike conditions would ensure a desired result, e.g. a bridge would be quickly rebuilt, a railway station or a railway line would be cleared, etc. However, routine everyday work was not as encouraging and motivating, and soon revealed a huge degree of maladjustment of the armed forces to the production processes.

As a rule, the labour efficiency of the military servicemen who did not possess proper professional qualifications was lower than that of civil workers. The figures for the lumber logging industry in the first six months of 1920 show it was 50% lower than that of a conscripted peasant and 150–200% lower than that of a qualified civil professional. In coal mining the labour efficiency of a serviceman and a qualified civil professional during the economic crisis of the summer and early autumn of 1921 was essentially equal. But as soon as the economic situation in the industry had stabilized, the much prevailing efficiency of professional mine workers over labour unit members became obvious. By December 1921 the labour efficiency of a professional mine worker was 150% higher than that of a labour unit conscript [See 4, p. 46; 9, p. 6-7].

Production costs increased expenditures on administrative staff of military units. First and foremost, the labour armies were meant to counter the drawbacks specific to the military communism system, such as bureaucracy, mismanagement, egalitarianism, but the part these armies had played in the economic recovery of Soviet Russia ensured a more or less smooth transition to peaceful economic life, despite this notion being rather conventional under the current circumstances.

The extensive type of the military communism economy generated a feverish demand for workforce from all sorts of economic institutions. Oversized planning, done without a careful economic evaluation, by rule of thumb or through wishful thinking, could be much easier fulfilled by means of labour armies rather than changes to the system. Discipline-tied soldiers, unlike civil professionals, were highly unlikely to openly express their dissatisfaction with working conditions, accommodation or food. Soviet authorities appeared to find it convenient to exploit them unceremoniously, without taking responsibility for anything. Labour units were being valued only when their potential was required at industry enterprises or other institutions, and not just as auxiliary staff, but the main workforce, whose contribution was vital for the production process, for the very survival of a particular industry, e. g. Donbass coalmines or oil production fields and refineries near Grozny.

One of the key factors that hampered the effective use of the army for labour purposes was the principle of its manning. As the labour conscription was compulsory, in the vast majority of cases a conscript was incapable of showing a high labour efficiency in the long term. Furthermore, his work was only remotely related to material rewards adequate to the amount of time and energy spent. Even when food and equipment supplies were sufficient and bonuses for the job done were fairly distributed, the prospects of boosting labour armies' efficiency were restricted. The practice

showed that once the food supplies were enough and labour conscripts did not suffer from malnutrition, it was practically impossible to incite any further interest in the conscripts for increasing their earnings. The situation with civil professionals was entirely different – as they had families and homes, their motivation was incomparably higher.

On the whole, labour armies proved effective as an emergency means of tackling economic problems and ensuring immediate economic operations. To a certain degree, labour army conscripts frequently acted like blacklegs, taking over mine workers, oilmen, builders, lumbermen, steelworkers who did not wish to work out of sheer enthusiasm or for a minimal food ration while a severe economic crisis was raging across the country. Late in 1921 L. G. Shapiro (a Soviet politician, a member of the Riga branch of the BUND (1903), a member of the BUND Central Committee abroad; he joined the Bolshevik ranks after the October Revolution in 1917, he pursued his career in the People's Commissariat for Education, the People's Commissariat for Finance, and political authorities of the Red Army), in his report to I. V. Stalin, was backing the idea of keeping the Donetsk Labour Army active as he pointed out that the coalmining industry was being highly unstable and a recession of the crisis could occur since Menshevik and nationalist ideas were popular among the workers. To that end, labour conscripts were particularly required as they were "highly disciplined, incapable of going on any strikes and ready to promptly step into the breach should the professional mine workers quit the industry" [11, p. 30 об.].

The political importance of labour armies and smaller labour units seems to be noteworthy as they were employed not only for rebuilding the national economy, but were often resorted to in order to exercise control over the territories where civil authorities had not been appointed yet or appeared not strong enough, in many cases taking over these authorities' powers and functions.

In case the Soviet power was being established in a politically or economically troubled area, its militarization and the subsequent use of militarized forms of government was an urgent need of the moment. As the old system of government was no longer valid and the new one was only being introduced, the army appeared to be a stabilizing factor which role turned out to be beneficial for maintaining transport facilities, providing at least primary conditions for industry to perform its functions, contributing to public institutions returning to normal everyday routines, staging social and cultural events that were often utilized for propaganda purposes, ensuring law and order for those who sided with the new Soviet authorities. The armed forces helped to prevent different parts of Soviet Russia from plunging deeper into chaos and economic collapse.

It was not the immediate practical operations of labour units or even armies that mattered most. The major contribution that the armed forces had made was the new principles of organization and day-to-day management in industry alongside a vast degree of militarization of enterprises, coal mines, oil fields, and railways in a number of territories of Soviet Russia. Only in this respect the employment of the regular armed forces for economic tasks seemed effective and well-founded as labour armies' involvement in the national economy was to a certain extent justified in light of its across-the-board militarization. The regular armed forces appeared to be an ideal instrument of mobilizing all of the country's production forces, implementing the

compulsory labour conscription, suppressing all sorts of real and potential opposition to the regime of the day. This was the scope of responsibility where the labour armies proved effective, and in this field their role has to be acknowledged positive. As for the combat employment of the labour units, it was largely reduced to suppressing rebel groups and deserters, as prompt availability, combat readiness and day-to-day field training were practically incompatible with carrying out everyday economic operations.

Once the Civil War came to an end and the New Economic Policy was adopted, the need for the labour armies vanished. Late in 1921–1922 these units were gradually reduced to be subsequently dissolved.

Despite the limited time span in which the labour armies had operated, they left a clear impact on the further course of events in Soviet Russia as the experience of their employment for economic and day-to-day management tasks would be required in the decades to come.

A number of important conclusions had been made and put in the reports of some of the commanders of labour armies or brigades [See, for instance, 19, p. 78-79; 24, p. 3-6]. First, labour enforcement was justified in remote areas only where no other workforce was available. Second, it was effective only in case of emergency operations that were of paramount importance for the national economy. Third, only militarized form of labour was appropriate as the practice of compulsory labour conscription of civilians failed miserably to meet the purpose. Fourth, a stimulation and punishment system was required for ensuring or non-ensuring the established productivity quotas. Fifth, compulsory labour had to be a massive enterprise.

Not surprisingly, suchlike ideas were readily recurred to in the 1930s and 1940s when the compulsory labour conscription was reintroduced in USSR. This type of organized labour was badly wanted for emergency operations in industry.

Nonetheless, the massive use of the armed forces for labour purposes is always a reaction to the critical situation in which a country finds itself, when neither political nor economic challenges can be responded to by standard means. Thus, the employment of militarized labour units at peacetime can never be justified.

References

1. Borisova, L.B. (2006). *Trudovy'e otnosheniya v sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)*. Moskva: Sobranie. (in Russ.).
2. Buryak, E.M. (2023). V.I. Lenin ob organizacii truda v pervy'e gody` sovetskoj vlasti. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. T. 7. № 4. S. 56-62. (in Russ.).
3. Cys`, V.V. (2007). Trudovy'e armii: ot trudovy`x chastej k gosudarstvenny`m rabochim artelyam. *Otechestvennaya istoriya*. № 5. S. 86–97. (in Russ.).
4. Doby`cha i zagotovka topliva v 1920 i 1921 godu. Vy`p. 3 k otchetu GUTa za 1921 god. (1923). Moskva: izdatel`stvo GUTa. (in Russ.).

5. E`konomicheskaya zhizn`. Ezhednevnyaya gazeta Vy`sshego Soveta Narodnogo Khozyajstva i Narodny`x Komissariatov: Finansov, Prodozol`stviya, Torgovli i Promy`shlennosti. (22nd July 1920). Moskva. (in Russ.).
6. E`ngel`s, F. (1955). E`l`berfel`dskie rechi. Marks K., E`ngel`s F. *Sochineniya*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`. (in Russ.).
7. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 130. Op. 5. D. 438. (in Russ.).
8. GARF. F. 486. Op. 1. D. 104. (in Russ.).
9. GARF. F. 486. Op. 1. D. 100. (in Russ.).
10. GARF. F. 486. Op. 1. D. 49. (in Russ.).
11. GARF. F. 486. Op. 1. D. 83. (in Russ.).
12. GARF. F. 486. Op. 1. D. 84. (in Russ.).
13. GARF. F. 486. Op. 1. D. 99. (in Russ.).
14. GARF. F. 486. Op. 2. D. 34. (in Russ.).
15. Ilyuxov, A.A. (1998). Politika sovetskoj vlasti v sfere truda. 1917–1922 g. Smolensk. (in Russ.).
16. Lenin, V.I. (1974). Ot razrusheniya vekovogo uklada k tvorchestvu novogo. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 40. Moskva: Izdatel`stvo politicheskoy literatury`. (in Russ.).
17. Lenin, V.I. (1974). Pis`ma izdaleka. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 31. Moskva: izdatel`stvo politicheskoy literatury`. (in Russ.).
18. Marks, K., E`ngel`s, F. (1955). Trebovaniya Kommunisticheskoy partii v Germanii. *Sochineniya*. T. 5. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`. (in Russ.).
19. Os`kin, D. (1926). Khozyajstvennaya rabota 2-j Osoboj armii. Moskva: Gosudarstvennoe voennoe izdatel`stvo. (in Russ.).
20. Roshhin, B.E. (2011). Voenny`j kommunizm: vseobshhaya trudovaya povinnost` (ideologicheskie i yuridicheskie aspekty). Kostroma: Avantitul. (in Russ.).
21. Rossijskij gosudarstvenny`j voenny`j arxiv (RGVA). F. 6. Op. 8. D. 51. L. 69. (in Russ.).
22. RGVA. F. 6. Op. 8. D. 72. L. 3, 24. (in Russ.).
23. RGVA. F. 6. Op. 8. D. 82. L. 106-111. (in Russ.).
24. Shifres, A. (1921). Iz opy`ta Trudovoj Armii. *Krasnaya Sibir`*. № 2. Iyul`-sentyabr`. (in Russ.).

Литература

1. Борисова Л.Б. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). Москва: Собрание, 2006.
2. Буряк Е.М. В.И. Ленин об организации труда в первые годы советской власти // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 56-62.
3. Цысь В.В. Трудовые армии: от трудовых частей к государственным рабочим артелям. Отечественная история. 2007. № 5. С. 86-97.

4. Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году. Вып. 3 к отчету ГУТа за 1921 год. Москва: издательство ГУТа, 1923.
5. Экономическая жизнь. Ежедневная газета Высшего Совета Народного Хозяйства и Народных Комиссариатов: Финансов, Продовольствия, Торговли и Промышленности. Москва, 1920. 22nd July.
6. Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 5. Д. 438.
8. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 104.
9. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100.
10. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49.
11. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83.
12. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 84.
13. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 99.
14. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 34.
15. Илюхов, А.А. Политика советской власти в сфере труда. 1917–1922 г. Смоленск, 1998.
16. Ленин В.И. От разрушения векового уклада к творчеству нового. Полное собрание сочинений. Т. 40. Москва: Издательство политической литературы, 1974.
17. Ленин В.И. Письма издалека. Полное собрание сочинений. Т. 31. Москва: издательство политической литературы, 1974.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии в Германии. Сочинения. Т. 5. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955.
19. Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. Москва: Государственное военное издательство, 1926.
20. Рошин Б.Е. Военный коммунизм: всеобщая трудовая повинность (идеологические и юридические аспекты). Кострома: Авантитул, 2011.
21. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 8. Д. 51. Л. 69.
22. РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 72. Л. 3, 24.
23. РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 82. Л. 106-111.
24. Шифрес А. Из опыта Трудовой Армии // Красная Сибирь. № 2 (1921): Июль–сентябрь.

дата поступления: 28.11.2023

дата принятия: 04.12.2023

© Tsys V.V., 2024

УДК 908

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/10>

P.M. Koltsov, V.V. Batyrov, S.A. Umgaev

THE MODERN ETHNIC IDENTITY OF THE KALMYK ETHNIC GROUP: THE INFLUENCE OF MATERIAL CULTURE AND RITUAL PRACTICES*Кольцов П.М., Батыров В.В., Умгаев С.А.***СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЛМЫЦКОГО ЭТНОСА: ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК**

Abstract. The article is devoted to the influence of material culture and ritual practices on the modern ethnic identity of the Kalmyk people. Currently, a kind of ethnic “renaissance” is taking place in Kalmykia, which manifests itself both in the transformation and reactualization of existing ethnic trends, as well as in the construction (reconstruction) of neo-ethnics, the search for new motives of ethnic identity. In addition, there is a local “local” identity, an association of oneself with the administrative region of residence, each of which has its own established ethnocultural specifics. Such ethnotransformation processes were reflected in the related religious and civic affiliation, in the view of one's own history and one's own place in this world. The specificity of the ethnic “renaissance” in modern Kalmyk society is associated with the processes of ethnocultural adaptation of Kalmyks among the peoples of the Volga region and the North Caucasus after their arrival on the Volga in the XVII century. In the XIX–XX centuries, the reduction of pasture lands led to a crisis of nomadic economy and caused the gradual transition of the Kalmyk people to a sedentary lifestyle. However, the Kalmyks did not copy the way of life of neighboring sedentary peoples, but adapted it to their needs based on their own ideas about the world order. Ethnic specificity is reflected in the rituals of the life cycle, as well as calendar rituals. Currently, there has been a change in the maternity rite only in the methods and place of delivery. However, during the prenatal period, food and behavioral prohibitions imposed on a woman persist. Thus, the isolated residence of Kalmyks in the Lower Volga region in a non-ethnic, non-confessional and foreign-speaking region, connected by common origin, common history, customs and aware of themselves as a whole since the 19th century, led to the formation of

Аннотация. Статья посвящена вопросам влияния материальной культуры и ритуальных практик на современную этническую идентичность калмыцкого народа. В настоящее время в Калмыкии происходит своеобразный этнический «ренессанс», который проявляет себя как в трансформации и реактуализации уже существующих этнических трендов, так и в конструировании (реконструировании) нео-этники, поиска новых мотивов этнической идентичности. Помимо этого, существует и местная «локальная» идентичность, ассоциация себя с административным районом проживания, каждый из которых обладает своей сложившейся этнокультурной спецификой. Подобные этнотрансформационные процессы отразились в смежной религиозной и гражданской принадлежности, во взгляде на свою историю и собственное место в этом мире. Специфика этнического «ренессанса» в современном калмыцком обществе связана с процессами этнокультурной адаптации калмыков среди народов Поволжья и Северного Кавказа после их прихода на Волгу в XVII в. В XIX–XX вв. сокращение пастбищных угодий привело к кризису кочевого хозяйства и вызвало постепенный переход калмыцкого народа на оседлый образ жизни. Однако калмыки не стали копировать жизненный уклад соседних – оседлых народов, а приспособили его к своим нуждам исходя из собственных представлений о мироустройстве. Этническая специфика отражается и в обрядах жизненного цикла, а также календарной обрядности. В родильной обрядности в настоящее время произошли изменения только в способах и месте проведения родов. Однако в дородовой период сохраняются налагаемые на женщину пищевые и поведенческие запреты. Таким образом, обособленное проживание калмыков в Нижнем Поволжье в иноэтничном, иноконфессиональном и иноязычном регионе, связанных общим происхождением, общей историей, обычаями и осознающих себя как единое целое с XIX в.,

their ethnic identity. Since the second half of the twentieth century, when the Kalmyks gradually lost some of their specific features, this led to a change in ethnic identity. The processes of changing various aspects of ethnic culture represent the life of an ethnic group, a living process of its development and transformation.

Key words: Kalmyks, ethnic identity, ethnos, ethno-cultural interaction, traditional culture, ritual and commemorative practices, the crisis of nomadic cattle breeding.

About the authors: Pyotr M. Koltsov, ORCID: 0000-0001-9776-3650, Doctor of Historical Sciences, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, petr.koltsov52@mail.ru; Valery V. Batyrov, ORCID: 0000-0001-9014-4910, Candidate of Historical Sciences, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, valerabatyrov@yandex.ru; Semyon A. Umgaev, ORCID: 0000-0003-0778-1607, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, sam_umg@yahoo.com

привело к формированию своей этнической идентичности. Со второй половины XX в., когда калмыки постепенно утратили часть своих специфических особенностей это привело к изменению этнической идентичности. Процессы изменения различных аспектов этнической культуры и являют собой жизнь этноса, живой процесс его развития и преобразования.

Ключевые слова: калмыки, этническая идентичность, этнос, этнокультурное взаимодействие, традиционная культура, ритуальные и коммеморативные практики, кризис кочевого скотоводства.

Сведения об авторах: Кольцов Петр Михайлович, ORCID: 0000-0001-9776-3650, д-р истор. наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, petr.koltsov52@mail.ru; Батыров Валерий Владимирович, канд. истор. наук, ORCID: 0000-0001-9014-4910, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, valerabatyrov@yandex.ru; Умгаев Семен Александрович, ORCID: 0000-0003-0778-1607; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, sam_umg@yahoo.com

Koltsov P.M., Batyrov V.V., Umgaev S.A. The Modern Ethnic Identity of the Kalmyk Ethnic Group: the Influence of Material Culture and Ritual Practices // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/10>

Koltsov, P.M., Batyrov, V.V., & Umgaev, S.A. (2024). The Modern Ethnic Identity of the Kalmyk Ethnic Group: the Influence of Material Culture and Ritual Practices. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 4-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/10>

Introduction.

The study of the processes of changing the structure of the ethnic and civil identity of the Kalmyk ethnos in ritual and commemorative practices is relevant, because at the present stage, a kind of ethnic “renaissance” is taking place, which manifests itself both in the transformation and re-actualization of already existing ethnic trends, and in the construction (reconstruction) of neo-ethnics, the search for new motives of ethnic identity.

These trends are characteristic of all ethnic groups that have entered the modern stage of development, including the ethnic groups of Russia. Kalmyks are no exception; they also have a more complex identity structure, and new forms of ethnicity are being formed. An example is identifying oneself with the “Oirats”, referring to a historical group of Western Mongolian tribes. Traditional subethnic identification into four groups (Torguts, Derbets, Hosheuts, Buzavs) in the modern world also experiences a tendency to branch into generic subsections of identity (Tsoros, Hoyts, etc.) [2, p. 4].

In addition, there is also a local “local” identity, an association of oneself with the administrative region of residence, each of which has its own established ethnocultural specifics [1, p. 135-143]. Such ethnotransformation processes were reflected in related religious and civic affiliations, in the view of one’s history and one’s own place in this world.

Thus, we can say that the “renaissance” of ethnicity in the modern world has complicated the structure of ethnic identity and created the need for ethnographic research into its transformation. To better understand the specifics of the ethnic “renaissance” in modern Kalmyk society, it is necessary to turn to the origins of the formation of the ethnic group, to the process of ethnocultural adaptation of Kalmyks among the peoples of the Volga region and the North Caucasus after their arrival on the Volga in the 17th century.

The purpose of the article is to study the influence of material culture and ritual practices on the modern ethnic identity of the Kalmyk people.

Materials and methods of research.

The work used field materials [15] collected by the authors in Tselinny, Gorodovikovsky and Ketchenerovsky districts of the Republic of Kalmykia in 2023, as well as archival and published sources. It should be noted that the problems of material culture and ritual practices among the Kalmyks began to be fully studied in the second half of the 20th century. Researchers U.E. Erdniev, D.D. Shalkhakov, E.P. Bakaeva, E.-B.M. Guchinova, M.M. Batmaev, T.I. Sharaeva [3; 4; 6; 8; 14; 17] and others studied various aspects of the traditional culture of the Kalmyk people. At the same time, the issues of forming the modern identity of the Kalmyks, for a number of reasons, were not at the center of their interests.

The methodological basis of the study is a synergetic approach, which presupposes the unity of general scientific and special scientific methods used with the priority of comparative historical and systemic methods, the unity of historical and logical, consideration of the individual and social in their dialectical unity.

Results and its discussion

The ethnocultural interaction of Kalmyks with the peoples of the Volga region and the North Caucasus noticeably intensified in the 19th–20th centuries, when the reduction of pasture lands led to a crisis in the nomadic economy and caused a gradual transition of the Kalmyk people to a sedentary lifestyle. However, the Kalmyks did not copy the way of life of neighboring settled peoples, but adapted it to their needs based on their own ideas about the world order.

Thus, in the summer, Kalmyks roamed the steppe and spent the winter in dugouts. At the beginning of the 19th century housing construction in the Kalmyk steppe was influenced by the architecture of the cities and villages of the Lower Volga region, where the local population, mostly Russian, built houses of stone, brick and wood, from which the Kalmyks adopted the experience of building permanent housing. However, in more remote areas of the steppe, the cost of building materials such as stone, brick, and wood increased sharply due to the complexity of transportation, which made permanent housing inaccessible to residents of the western and southern uluses. Therefore, the Kalmyks of these uluses initially built the most primitive types of

housing – dugouts. A new stage began in the development of permanent housing for Kalmyks, when in 1846 a decree “On the settlement of roads in the Kalmyk lands of the Astrakhan province” was issued [11, p. 725-726]. From this period, as a result of the settlement of roads in the Kalmyk uluses, peasant migrants from Southern Russia and Ukraine appeared. Immigrants from the Voronezh, Tambov, Kharkov, Yekaterinoslav and Tauride provinces brought to Kalmykia a new, previously little-known type of housing – an adobe hut without a ceiling or a mud hut. It was a structure made of clay bricks or brushwood coated with clay. This type of dwelling by that time was already widespread in the northern Black Sea steppes, the North Caucasus and partly on the Lower Don.

The ethnic specificity of Kalmyks is noticeably manifested in their diet. This was especially pronounced with the appearance of fish dishes in the diet. Until the 19th century Kalmyks consumed fish only sporadically. However, the process of mass ruin of pastoralists in the 19th century. influenced the development of fishing among the Kalmyks. Residents of the Yandyko-Mochazhny and Khosheutovsky uluses, located next to the Volga and other large bodies of water, were the first to eat fish [10, p. 20].

The crisis of nomadic cattle breeding also increased the demand among Kalmyks for vegetables and fruits. From the middle of the 19th century extremely impoverished Kalmyk families in coastal areas began to grow and consume vegetables and fruits. At the same time, flour and cereal dishes began to appear in Kalmyk cuisine, which was the result of the development of otkhodnichestvo among Kalmyks and the Russian-Ukrainian resettlement movement. At the same time, the Kalmyks creatively modified these dishes, introducing new ingredients and cooking methods. For example, pieces of fruit began to be added to the bulmg choux pastry dish; various porridges with milk appeared (rice, buckwheat, semolina, etc.) [7, p. 74; 8, p. 117].

At the beginning of the 18th century traditional Kalmyk clothing began to include some elements of clothing of other peoples. For example, from the 18th century. The traditional Kalmyk men's costume – the lavshig robe – begins to be replaced by a beshmet (byushmud) [5, p. 148]. The beshmet was a single-breasted caftan, which was fastened at the waist with silk loops and small buttons. The popularity of the beshmet led to the fact that by the end of the 19th century. only the older generation wore a cloth robe. According to most pre-revolutionary researchers, the beshmet was borrowed from the Caucasian peoples. As a result of our research, we can assume that the basis of the beshmet was the traditional Circassian men's costume of the 18th century, since the degree of ethnocultural ties with the Kabardians was quite high. The fact that the beshmet is borrowed specifically from the Caucasian peoples is supported by the fact that the costume contains such elements as gazyri – leather sockets for wooden tubes, where rifle cartridges were previously inserted (4–8 pieces on each side), a stand-up collar and a typesetting belt, which was a mandatory attribute of the beshmet and was called serkish bus (Circassian belt) [16]. Once on the “Kalmyk soil”, the beshmet underwent a number of transformations that brought it closer to the traditional costume. In particular, according to the Kalmyk tradition, the sleeves were not sewn

in, they were sewn longer than the arms, ended in funnel-shaped cuffs at the wrists and were gathered into folds at the elbows. The Kalmyk ornament on the braid, cuffs and collar gave the beshmet a unique flavor. Already by the beginning of the 20th century. Residents of the coastal and Volga uluses wore traditional clothes only for holidays [14].

Ethnic specificity is reflected in the rituals of the life cycle, as well as calendar rituals. In maternity rituals, only the methods and location of childbirth have changed. Today, to save the life of the child and mother, the woman in labor is sent to a specialized medical institution, where she is under the supervision of medical workers. However, during the prenatal period, dietary and behavioral prohibitions imposed on women remain. The practice of turning to healers for the safe birth of a child continues, with preference given to representatives of Tatar and Russian nationality. This contributes to the fact that the methods of treatment they offer become widely known among Kalmyks and the most used, which contradicts the traditional ideas of Kalmyks about the world around them [21, p. 56]. Among representatives of some Kalmyk clans, we have recorded a number of prohibitions associated with the subethnic division of Kalmyks. Particularly highlighted are prohibitions on actions by a pregnant woman that could cause harm on a sacred or physical level to her husband's close relatives. Representatives of the western regions (Buzavs - former Don Cossacks), as a result of long-term cohabitation with immigrants of Russian and Ukrainian nationality, and later the Germans, preference in the diet of a pregnant woman is given to plant products.

After giving birth, a Kalmyk woman is discharged home, where relatives can immediately come to the child to congratulate her; here we can note a change in the structure of Kalmyk rituals. So, if in the past the rituals of initiation and the first visits to relatives took place only seven days after the umbilical cord fell off, now this period has been reduced to several days [18, p. 117-153]. There is currently no custom of storing the umbilical cord, however, we have recorded the preservation by some Kalmyks of the umbilical cord of a newborn born in the 60–70s of the last century, which indicates a recent departure from this custom. The naming process especially clearly shows the ethnic identity of the Kalmyks. If earlier naming took place after the initiation ceremony, then in the modern period the choice of a name for a newborn occurs in the maternity hospital upon discharge. It can be noted that in the 50–60s Kalmyks began to have two names: the Russian name was written down in official documents, and the Kalmyk name was used in the family. For example: in documents - Larisa, at home – Baira [15; 7, p. 4].

In the family and marital relations of the Kalmyks, patrilineal exogamy is observed, including some archaic elements of matrilineal marriage. Until the middle of the 20th century. exogamy was dictated by a strict ban on marriage until the seventh generation in the paternal family. The marriage took place after matchmaking, with a symbolic ransom payment. The bride had to have a dowry that fully provided the interior decoration of the home and household items. Close relatives of both parties to the marriage provided all possible assistance to them in collecting the necessary funds for the main wedding ceremonies. Help from relatives was expressed in financial and material support.

Polygamy was not practiced in traditional society. There are only isolated cases where another wife was taken, but only with the consent of the first wife and because of her childlessness. Marriage through bride kidnapping, although it did occur, was an extremely rare occurrence. Over the last century, the structure of traditional Kalmyk wedding rituals has undergone significant changes caused by the transition from a nomadic to a sedentary lifestyle, foreign ethnic surroundings, the period of deportation of Kalmyks to Siberia, etc. Many stages that were conditioned in the past by nomadic life have completely disappeared from the structure of the Kalmyk wedding. The understanding of the role of traditional wedding participants has been significantly lost, but it has not lost its ethnic identity. The wedding cycle of a modern Kalmyk wedding opens with the acquaintance of representatives of the two parties to be married.

A traditional Kalmyk wedding is a complex set of various customs and rituals that incorporate the ideological, social, legal norms and aesthetic ideas of the Kalmyks. Each subethnic group of Kalmyks had local peculiarities of wedding ceremonies and their own wedding symbols. However, in the wedding rituals of Kalmyks XIX–XX centuries there were more similarities than differences. In the traditional Kalmyk wedding cycle, there are three main stages: pre-wedding, wedding, post-wedding. The main stages of the wedding ceremony take place before sunset, regardless of location. Within each stage, some rituals were lost.

Currently, all wedding ceremonies are held from the morning of one day to the morning of the next for rural areas, for the urban population – one day. The practice of donating shoulder clothing has been partially lost. The true meaning of bringing a live ram to a wedding has been lost: in the past, it was used to perform the ritual of fire sacrifice on the side of the bride after her departure. Currently, the practice of performing this ritual takes place only in those clans where there are senior representatives of the clan who are well informed in traditional rituals. However, in rural areas, bringing a live ram is still an integral part of the gifts brought by the groom at a wedding; the urban population has practically not preserved this practice. On the groom's side, before entering the house, the bride bows at the threshold. Instead of a felt bedding, a specially brought small mattress is used. Marriage registration is carried out at the registry office. During the Soviet period, a peculiar ritual developed: after the wedding, the newlyweds, accompanied by their relatives, go around the main attractions of the locality. The urban population actively practices holding a wedding party together between two families, which is explained by economic reasons. In rural areas, the practice of holding a separate wedding evening continues. On the eve of the wedding night, the bride's hair is symbolically divided, although this can be difficult to do with modern short hairstyles [20].

Post-wedding rituals currently include visiting the bride's relatives and introducing the newlyweds to relatives of both parties, whose houses they visit with gifts [19].

The funeral rites of the Kalmyks have undergone significant changes over several centuries in connection with the historical processes taking place in society. As many researchers noted before 20–30. XX century the funeral rite of the Kalmyks was largely formed under the influence

of religious ideas, which over time, overlapping each other, were recorded in it [4, p. 98-110; 12, p. 9-16; 13, p. 115-121]. During the period of forced relocation to Siberia in the 40–50s of XX century the structure, and especially the semantics of this complex, were largely lost. Data from field materials indicate that during the deportation the Kalmyks, finding themselves in a foreign cultural environment without the opportunity to observe traditional funeral rites, were forced to adopt elements of the funeral rites of the peoples around them in exile. They began to bury me in a cemetery, in a wooden coffin, and put a fence on the grave. A memorial dinner appeared not only on the day of the funeral, but also on the 7th and 49th days [15].

In Soviet times, civil rituals were instilled, where an important place was occupied by a funeral meeting, at which relatives, colleagues, and friends spoke, which contradicted the traditional silence. It is impossible not to note the appearance of mourning bands, wreaths, and music. However, it is necessary to note the preservation of traditional elements – the orientation of the graves is west-east, the offering of food to the souls of the deceased, the ritual of “invoking happiness” buoy kelgn, interrupting the mutual attraction of the soul of the deceased and living relatives tachal [15].

Changes in the structure and semantics of funeral rituals were also influenced by the multi-ethnic environment. Currently, due to the increase in national self-awareness, there is a return to traditional rituals, including funeral and memorial rituals.

The cemetery as a cultural phenomenon in the life of the Kalmyk ethnos has been practically not studied. For Kalmyk nomads in the past, the presence of permanent cemeteries was not typical. With the beginning of the transition to sedentism, the Kalmyks began to have cemeteries, and we can talk about the emergence of a new ritual associated with this phenomenon. Since the beginning of the 20th century and to this day, burials are carried out in the ground, in a grave pit one meter wide, two meters long, and about two meters deep [15].

The practice of installing tombstones and fences arose, which went through a number of stages of development. The most common tombstones among Kalmyks are wooden tetrahedrons – bumba. The next type of graves – the Soviet period – has iron fences and iron tombstones topped with red stars or just an arrow (tip). The third type is the graves of the late 80s and early 90s of the XX century, they are distinguished by massive marble tombstones, inscriptions on the gravestone, flower beds, portraits (carved in marble or made on an iron base). Tombstones of the late 90s of the XX century. and the beginning of the 21st century. made in the “oriental style”, with finials stylized as Buddhist pagodas or suburgans. Graves of relatives dating back to around the early 60s. XX century, are located compactly, several generations are buried on one side and, if possible, in a row. The graves of spouses are usually located nearby: the wife’s grave is on the left and, as it were, at the feet of the spouse [15].

You can note the addition of rituals when visiting a cemetery. So, during funerals a year or more later, it is customary for close relatives to come to clean and put the graves in order. These actions are carried out in relation to the burials of all relatives, regardless of the degree of relationship. You should leave a few coins and the treats you brought with you on the graves.

Nothing can be taken from the cemetery; When leaving the cemetery, you must fumigate yourself with incense. Currently, burials are usually cleaned at Easter or during a family visit before the funeral service, which indicates an innovation adopted from the funeral rites of the Russian people. A new sign associated with this ritual is that the cemetery cannot be expanded, since this, according to the sign, can lead to the death of the remaining members of the clan or residents of the area (i.e., as if new places for graves are being prepared).

Conclusions.

Thus, the isolated and permanent residence of Kalmyks in the Lower Volga region in a foreign ethnic, religious and foreign language region, connected by a common origin, common history, customs and realizing themselves as a single whole since the 19th century, led to the formation of their ethnic identity. From the second half of the twentieth century. Kalmyks gradually lost some of their specific characteristics, which led to a change in ethnic identity. The processes of change in various aspects of ethnic culture represent the life of an ethnic group, the living process of its development and transformation. Analysis and recording of this data is the most important scientific task.

*The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10065,
<https://rscf.ru/23-28-10065> "Modern structure of ethnic, religious
and civil identity of Kalmyks in ritual and commemorative practices."*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10065,
<https://rscf.ru/23-28-10065> «Современная структура этнической, религиозной
и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках»*

References

1. Avlyayev, G.O. (1973). K voprosu o sisteme etnicheskikh delenij v bytu kalmykov. *Etnograficheskie vesti*. Elista: KNIIYaLI, № 3. S. 135-143. (in Russ.).
2. Avlyayev, G.O. (1994). Proishozhdenie kalmyckogo naroda (seredina IX–I chetvert XVIII vv.). M.-Elista: Etnolog-Centr, 250 s. (in Russ.).
3. Bakaeva, E.P., & Guchinova, E.-B.M. (1989). Tradicionnye predstavleniya kalmykov o zhiznennom cikle i ih otrazhenie v svadebnom obryade // *Obychai i obryady mongolskikh narodov*. Elista: Kalm. nauchno-issledovatel'skij institut istorii, filologii i ekonomiki, S. 3-16. (in Russ.).
4. Bakaeva, E.P., & Guchinova, E.-B. M. (1988). Pogrebalnyj obryad u Kalmykova v XVII–XX v. *Sovetskaya etnografiya*. № 4. S. 98-110. (in Russ.).
5. Bálint, G. (2011). Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. *Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts*. Edited by Ágnes Birtalan. Budapest, 380 p.
6. Batmaev, M.M. (2008). *Semya i brak v tradiciyah kalmykov*. Elista: Gerel, 256 s. (in Russ.).
7. Batyrov, V.V. (2009). Rastitelnaya pisha v racione kalmykov v XIX v. *Oriental Studies*. T. 2. № 2. S. 73-75. (in Russ.).

8. Erdniev, U.E. (1980). Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki. Elista: Kalm.kn. izd-vo, 308 s.
9. Erendzhenov, K. (1985). Zolotoj rodnik: O kalmyckom narodnom tvorchestve, remeslah i byte. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 127 s. (in Russ.).
10. Gogoldanova, Z. E-G. (1994). Subetnosy i etnicheskie processy v Kalmykii v seredine 80-h godov HH stoletiya (po materialam statistiko-etnologicheskogo obsledovaniya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 24 s. (in Russ.).
11. Istoriya Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3 t. (2009). Elista: Gerel, T. 3. 752 s. (in Russ.).
12. Kolcov, P.M., & Kolcova, K.P. (2011). Transformaciya pogrebalnogo obryada kalmykov vo vremeni i prostranstve. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. № 11. S. 9-16. (in Russ.).
13. Kolcov, P.M., Borlikov, G.M., & Kolcova, K.P. (2017). Pogrebalnyj obryad kalmykov v XVII–XX vv. (po dannym arheologicheskikh i pismennyh istochnikov). *Nauchnaya mysl Kavkaza*. № 4. S. 115-121. (in Russ.).
14. Krasilnikova, G.M. (1989). O roli odezhdy v svadebnoj obryadnosti kalmykov. *Obychai i obryady mongolskih narodov*. Elista, S. 17-22. (in Russ.).
15. Polevye materialy [PMA], sobrannye avtorami v Celinnom, Gorodovikovskom i Ketchenerovskom rajonah Respubliki Kalmykiya v 2023 g. (in Russ.).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1847). Sobr. 2. T. XXI. SPb., Ch. 2. № 20758. S. 725-726. (in Russ.).
17. Shalhakov, D.D. (1982). Semya i brak u kalmykov (XIX – nachalo XX v.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Elista: Kalmyckij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, filologii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Kalmyckoj ASSR, 86 s. (in Russ.).
18. Shantaev, B.A. (2005). Rodilnye obryady i metody lecheniya detej v tradicionnoj kulture kalmykov. *Molodezh v nauke: problemy, poiski, perspektivy*. Elista, S. 117-153. (in Russ.).
19. Sharaeva, T.I. (2010). Pohoronno-pogrebalnaya obryadnost u kalmykov: podgotovka pokojnogo k zahoroneniyu. *Oriental Studies*. № 3(2). S. 45-50. (in Russ.).
20. Sharaeva, T.I. (2010). Svadebnaya obryadnost. *Kalmyki / Seriya «Narody i kultury»*. M.: Nauka, S. 249-270. (in Russ.).
21. Sharaeva, T.I. (2011). Obryady zhiznennogo cikla kalmykov (XIX v. – nach. HH v.). Elista: Dzhangar, 223 s. (in Russ.).

Литература

1. Авляев Г.О. К вопросу о системе этнических делений в быту калмыков // *Этнографические вести*. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. № 3. С. 135-143.
2. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX–I четверть XVIII вв.). М.-Элиста: Этнолог-Центр, 1994. 250 с.
3. Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Традиционные представления калмыков о жизненном цикле и их отражение в свадебном обряде // *Обычаи и обряды монгольских*

народов. Элиста: Калм. научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989. С. 3-16.

4. Бакаева Э.П., Гучинова Э-Б.М. Погребальный обряд у Калмыкова в XVII–XX в. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98-110.

5. Bálint G. Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Ágnes Birtalan. Budapest, 2011. 380 p.

6. Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Герел, 2008. 256 с.

7. Батыров В.В. Растительная пища в рационе калмыков в XIX в. // Oriental Studies. 2009. Т. 2. № 2. С. 73-75.

8. Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 308 с.

9. Эрендженов К. Золотой родник: О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 127 с.

10. Гоголданова З. Э-Г. Субэтноты и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия (по материалам статистико-этнологического обследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 24 с.

11. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. 752 с.

12. Кольцов П.М., Кольцова К.П. Трансформация погребального обряда калмыков во времени и пространстве // Вестник Калмыцкого университета. 2011. № 11. С. 9-16.

13. Кольцов П.М., Борликов Г.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков в XVII–XX вв. (по данным археологических и письменных источников) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 115-121.

14. Красильникова Г.М. О роли одежды в свадебной обрядности калмыков // Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста, 1989. С. 17-22.

15. Полевые материалы [ПМА], собранные авторами в Целинном, Городовиковском и Кетченеровском районах Республики Калмыкия в 2023 г.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXI. СПб., 1847. Ч. 2. № 20758. С. 725-726.

17. Шалхаков Д.Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX в.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1982. 86 с.

18. Шантаев Б.А. Родильные обряды и методы лечения детей в традиционной культуре калмыков // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Элиста, 2005. С. 117-153.

19. Шараева Т.И. Похоронно-погребальная обрядность у калмыков: подготовка покойного к захоронению // Oriental Studies. 2010. № 3(2). С. 45-50.

20. Шараева, Т. И. Свадебная обрядность // Калмыки / Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 249-270.

21. Шараева Т.И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.). Элиста: Джангар, 2011. 223 с.

дата поступления: 28.12.2023

дата принятия: 17.01.2024

© Koltsov P.M., Batyrov V.V., Umgaev S.A., 2024